

МВД России
Санкт-Петербургский университет

К. В. Злоказов

**АДАПТАЦИЯ ЛИЦ,
НАХОДЯЩИХСЯ ПОД АДМИНИСТРАТИВНЫМ НАДЗОРОМ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ,
МЕТОДЫ И СРЕДСТВА**

Монография

Санкт-Петербург
2024

УДК 159.9
ББК 88.91
3-68

Злоказов, К. В.

3-68 Адаптация лиц, находящихся под административным надзором: социально-психологическая концепция, методы и средства: монография / К. В. Злоказов. — СПб.: СПбУ МВД России, 2024. — 160 с.

ISBN 978-5-91837-835-9
EDN: NIFDUS

В монографии обобщаются современные научные представления об адаптации лиц, подвергнутых административному надзору, рассматриваются социально-психологические основания концепции, методы и средства ее осуществления. В приложениях приводится методика оценки риска совершения преступления данной категорией лиц.

Предназначена для научно-педагогического состава, адъюнктов и соискателей ученой степени по научной специальности 5.3.9. — Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

УДК 159.9
ББК 88.91

Рецензенты:

Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор
(Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)

Деккерт Д. В., кандидат педагогических наук
(Центр профессиональной подготовки ГУ МВД России
по Челябинской области)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ПОДВЕРГНУТЫХ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАДЗОРУ	8
1.1. Административный надзор как форма социального контроля над адаптацией лиц, подвергнутых уголовному наказанию	8
1.2. Теоретические представления о социально-психологической адаптации лиц, находящихся под административным надзором	11
1.3. Социально-психологические концепции адаптации лиц, подвергающихся административному надзору	15
1.4. Социально-психологическая концепция адаптации лиц, подвергающихся административному надзору	20
Выводы главы	25
Глава 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОГЕННЫХ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	26
2.1. Когнитивные способности лиц, отбывших уголовное наказание	26
2.2. Индивидуально-психологические свойства лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы	30
2.3. Влияние последствий уголовного наказания на социальное взаимодействие криминогенных лиц	37
2.4. Влияние криминальной субкультуры на криминальное поведение лиц, подвергающихся административному надзору	42
Выводы главы	51
Глава 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ К СОЦИАЛЬНОМУ ОКРУЖЕНИЮ	53
3.1. Психологические характеристики социального окружения криминогенной личности	53
3.2. Теоретические представления о социальном окружении криминогенной личности	74
3.3. Значение социального окружения в жизнедеятельности криминогенной личности	83
3.4. Детерминанты трансформации отношений криминогенной личности к социальному окружению	90
Выводы главы	102

Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ К СОЦИАЛЬНОМУ ОКРУЖЕНИЮ	104
4.1. Организационно-методические основания технологии.....	104
4.2. Модель психологического сопровождения отношений криминогенной личности к социальному окружению	111
4.3. Алгоритм психологического сопровождения отношений криминогенной личности к социальному окружению	117
Выводы главы	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	131
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1	150
Методика оценки социально-психологических факторов риска совершения преступлений лицами, подвергнутыми административному надзору	150
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2	154
Шкала направленности на самореализацию и трудностей в ее осуществлении (модифицированная методика С. И. Кудинова).....	154

ВВЕДЕНИЕ

Данное монографическое исследование нацелено на изучение социально-психологических факторов, способствующих снижению количества лиц, совершивших уголовное преступление в период нахождения под административным надзором.

Анализ правонарушений и преступлений, совершаемых данной категорией лиц, показывает, что существующий институт административного надзора нуждается в совершенствовании, поскольку его ключевая функция не обладает ожидаемой эффективностью. Анализ статистических сведений о состоянии рецидивной преступности в Российской Федерации в 2023 году показывает, что 216 521 преступлений (т. е. 39% от общего числа) было совершено лицами, имеющими не снятую или непогашенную судимость.

При этом доля рецидивной преступности в общей статистике преступлений существенно не изменяется на протяжении ряда последних лет. Криминологическая оценка рецидивной преступности в Российской Федерации свидетельствует о том, что более двух третей преступлений (59,8%) совершается лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности¹. Анализ совершенных преступлений показывает, что практически половине из них свойственна корыстная направленность (91 тыс. краж и мошенничеств), тогда как корыстно-насильственные преступления составляют лишь 6% (13 тыс. грабежей и разбоев). Доля рецидивных преступлений, посягающих на жизнь и здоровье окружающих, достигает 12% (25 тыс. случаев в 2023 году).

Анализируя тенденции криминального поведения, можно прийти к выводу о том, что при объективном снижении количества преступлений их общественная опасность растёт. Так, значение показателя тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных молодежью и несовершеннолетними, превышает значение, достигнутое в аналогичном периоде прошлого года.

Помимо практической значимости, проблематика монографии имеет выраженную научную ценность, поскольку в настоящее время отсутствует единое представление о процессах становления преступного поведения, формировании побуждения к совершению антиобщественных

---

¹ Состояние преступности в России (за январь — декабрь 2023 года) // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762> (дата обращения: 22.03.2024).

ственных поступков. Как следствие, не разработан эффективный подход к противодействию преступности в молодёжной среде. Принятие федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» актуализирует необходимость разработки мер оказания социальной помощи лицам, отбывающим наказание, а также лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в том числе условно-досрочно. В этой связи проблема неполной (недостаточной) адаптации данной категории лиц лежит в основе представленного монографического исследования. Исследование основывается на предположении о социально-психологических предпосылках преступности и нацелено на выявление и описание факторов, препятствующих вторичной криминализации лиц, находящихся под административным надзором.

Социальная, научная и практическая значимость исследования обусловлена отсутствием научных данных о социально-психологических факторах адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы и находящихся под административным надзором.

Показатели рецидивной преступности говорят о научной актуальности изучения его психологических характеристик у криминогенных лиц. Однако к настоящему времени ни в практике прогнозирования рецидива, ни в области его научного изучения не достигнуты результаты, позволяющие решать данную задачу. Объяснение этому видится в сложности и комплексности проблемы, обусловленности ее социальными условиями жизнедеятельности криминогенных лиц и их индивидуально-психологическими особенностями. Из совокупности изложенного становится ясно, что прогнозирование рецидива является актуальной проблемой, лежащей в поле психологической науки.

В настоящее время в отечественной юридической психологии существуют исследования проблем адаптации, ресоциализации осужденных. В то же время они имеют парциальный характер, затрагивая частные аспекты явления, среди которых трудности адаптации, риски повторной криминализации, вторичной и рецидивной преступности. Отсутствует единое научное представление о социально-психологических причинах вторичной преступности криминогенных лиц. Поэтому значимость научного исследования обусловлена, с одной стороны, высокой социальной значимостью адаптации (реадаптации) лиц, совершивших преступления и находящихся под административным надзором, и, с другой стороны, отсутствием целостного научного представления о механизме адаптации данной категории лиц.

Цель исследования: изучение социально-психологических предпосылок адаптации лиц, находящихся под административным надзором органов внутренних дел Российской Федерации.

Для достижения указанной цели предлагается осуществить решение следующих задач:

— обобщить отечественные и зарубежные концепции социально-психологической адаптации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы;

— описать специфику применения социально-психологических методов и средств адаптации лиц, находящихся под административным надзором.

— разработать теоретическую модель адаптации лиц, находящихся под административным надзором, основанную на их взаимодействии с социальным окружением;

— охарактеризовать психологические особенности криминогенных лиц, освобожденных из мест лишения свободы и подвергающихся административному надзору;

— описать особенности отношений криминогенных лиц, подвергающихся административному надзору, к социальному окружению;

— разработать технологию формирования отношений криминогенной личности к социальному окружению как средство социально-психологической адаптации лиц, находящихся под административным надзором.

Методика исследования: в исследовании предполагается использовать совокупность теоретических (анализ, синтез, обобщение и систематизация) и эмпирических (опытно-экспериментальных) методов исследования проблем адаптации осужденных и иных категорий лиц, находящихся под административным надзором. Необходимым в целях верификации положений модели социально-психологической адаптации выступает применение математико-статистических методов.

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ПОДВЕРГНУТЫХ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАДЗОРУ

В главе рассмотрены социально-психологические аспекты организации работы по социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором. На материале отечественной практики и зарубежных научных исследований показано, что предметом адаптации выступает восстановление социального функционирования поднадзорных лиц. Описываются возможности социального окружения в их адаптации, показана его роль и значение в декриминализации, снижении уровня повторной преступности. Рассматриваются функции социального окружения, способствующие адаптации, рассматриваются показатели, позволяющие измерять и оценивать потенциал социального окружения по социальной адаптации конкретных лиц.

1.1. Административный надзор как форма социального контроля над адаптацией лиц, подвергнутых уголовному наказанию

Административный надзор предполагает оказание на определённую федеральным законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» категорию лиц профилактического воздействия, нацеленного на снижение риска совершения ими преступлений и правонарушений. Следует отметить, что содержание воздействия на поднадзорных лиц в настоящее время не конкретизировано, что позволяет его субъектам — сотрудникам органов внутренних дел — использовать широкий арсенал методов и средств.

Поскольку осуществление административного надзора не предполагает методически обоснованного воздействия на поведение, отношения и/или представления поднадзорных лиц, это, с учётом института административного принуждения, указывает на преобладание формальной стороны профилактики над содержательной. Конечно, современное состояние института административного надзора способствует снижению правонарушений и преступлений поднадзорных лиц, однако представляется, что наличие научно обоснованных методов и средств индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами будет способствовать повышению её эффективности.

Анализ повторных преступлений демонстрирует выраженную антиобщественную направленность совершающих их лиц. Об этом говорит и то, что более половины повторных преступлений совершаются лицами, не отбывшими наказание за предыдущие преступления, треть преступлений совершается в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, а предметом посягательств выступает чужая собственность, оборот наркотических средств, безопасность движения и эксплуатации транспорта. Наконец, 73,5% лиц, совершивших преступления повторно, являлись трудоспособными и при этом не имели постоянного места работы. Все перечисленное показывает, что повторная преступность является результатом продолжающейся криминализации их мировоззрения, на которую не в полной мере влияют институты и субъекты профилактики преступлений.

Следует принимать во внимание, что такая тенденция характерна для лиц среднего и старшего возраста, тогда как рецидивная преступность среди несовершеннолетних снижается. Так, например, количество подобных преступлений в 2023 году по сравнению с 2021 уменьшилось на 10,3%². При этом повторная преступность совершеннолетних лиц возрастает — за пятилетний период ее доля в общем количестве преступлений выросла на 7%³. Можно заключить, что система профилактики повторной преступности совершеннолетних является менее эффективной, чем у несовершеннолетних. Очевидно, что противодействие криминализации совершеннолетних может быть результативным, однако ее текущее состояние нуждается в коррекции. Меры профилактики повторной преступности могут быть усовершенствованы посредством изучения социально-психологических аспектов регуляции социального поведения ранее осужденного лица. Поскольку внутренний план преступления формируется на основе мировоззренческой позиции субъекта, его анализ должен охватывать не только мотивационно-ценностные образования, но и опыт отбывания наказания, социальные последствия преступления.

---

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 01.04.2023).

³ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2020 годы // Судебный департамент Верховного Суда Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 10.08.2021).

Соответственно, представление о рисках уголовного преследования является одним из факторов, принимаемых во внимание при оценке вероятности совершения преступления. Однако вместе с ним существенное влияние оказывают и другие факторы социально-экономической и социально-культурной природы. В совокупности они и формируют представление о допустимости совершения преступления, однако с позиции психологической науки ключевое значение имеют именно социально-психологические факторы. Они определяют отношение человека к преступлению и его последствиям.

В рамках данной главы среди социально-психологических факторов, влияющих на восприятия и оценку преступления, рассматривается представление преступника о социальном окружении.

Обращение к социально-психологической методологии осуществления данной работы связано с тем, что эффективность административного надзора определяется на основе оценки образа жизни поднадзорного лица. Так, согласно указанному федеральному закону «Об административном надзоре...» досрочное прекращение административного надзора допускается при соблюдении ряда условий, в том числе если поднадзорное лицо положительно характеризуется по месту работы и (или) месту жительства, пребывания или фактического нахождения (п. 2 ст. 9).

Длительное проживание в одном и том же месте, наличие работы и семьи, положительные отношения с социальным окружением и, безусловно, отсутствие преступлений и правонарушений являются результатом социально-психологической адаптации, полностью совпадающим с идеологией административного надзора. С учётом изложенного разработка социально-психологических методов оказания индивидуального профилактического воздействия на поднадзорных лиц будет способствовать их социальной адаптации, повышению уровня и качества жизни, а также снизит риск противоправных действий с их стороны.

Поэтому целесообразным является анализ зарубежных практик социально-психологической адаптации лиц, подвергнутых административному надзору или альтернативной ему формы контроля правоохранительных органов над поведением лиц, ранее совершивших преступление.

Задачами выступает изучение социально-психологических оснований адаптации поднадзорных лиц. Данные основания рассматриваются как факторы, влияющие на результативность адаптации. Кро-

ме того, делается попытка обобщения социально-психологических концепций, применяемых зарубежными правоохранительными органами для социальной адаптации поднадзорных лиц.

Методами исследования выступают теоретические методы познания: обобщение, категоризация и систематизация информации, в данном случае — о подходах, теориях и концепциях адаптации поднадзорных лиц. Научная и практическая значимость данной работы заключается в разработке методов противодействия повторной (в том числе рецидивной) преступности, совершенствования постепенитенциарного сопровождения лиц, подвергнутых уголовному наказанию.

Дальнейшее изложение материала в главе соответствует поставленным цели и задачам. Теоретическое изложение разделено на две части. В первой рассматриваются виды направленности воздействия на лиц, находящихся под административным надзором, во второй описываются социологические и социально-психологические факторы социальной адаптации поднадзорных, служащие основанием для организации работы с данной категорией лиц.

1.2. Теоретические представления о социально-психологической адаптации лиц, находящихся под административным надзором

Разработанные в отечественной юридической психологии теоретические подходы к адаптации лиц, находящихся под административным надзором, имеют социальную и воспитательную направленность и в целом отражают идеологию и методы мер социального воздействия, присущих советской системе постепенитенциарного сопровождения. Её признаки прослеживаются в деятельности подразделений ФСИН России, осуществляющих ресоциализацию и адаптацию осуждённых.

Социальная направленность выражается в стремлении к восстановлению социального функционирования данной категории лиц. Под этим понимается создание условий для проживания, трудоустройства путём применения комплекса мер защиты прав и свобод осуждённых. Так, например, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года уголовно-исполнительным инспекциям даны полномочия для оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жи-

льём, психологической и правовой помощи лицам, освобождённым от отбывания наказания условно-досрочно⁴.

Социальная работа с осуждёнными осуществляется в различных формах, среди которых — восстановление социальных связей с родственниками, друзьями, коллегами и иными лицами, информирование и консультирование по правам данной категории лиц, особенностям и условиям нахождения в местах лишения свободы, трудоустройства, оформления (восстановления) документов и других направлений.

Воспитательный подход нацелен на коррекцию мировоззрения, ценностей, установок и убеждений поднадзорного лица, формирующей отношение к окружающей действительности и обществу. Воспитательная работа осуществляется в целях профилактики преступлений, а также предупреждения дальнейшей криминализации поднадзорных лиц. Её видами являются не только индивидуальные беседы, но и трудовая деятельность, обучение, участие в работе общественных и религиозных объединений. Воспитательная работа учреждений системы исполнения наказаний осуществляется комплексно, посредством сочетания различных её видов, а также с учётом индивидуальных склонностей осуждённых.

Важно отметить, что и социальный, и воспитательный подходы сопряжены в деятельности такого субъекта постпенитенциарного надзора, как уголовно-исполнительная инспекция. Однако вне её внимания остаются лица, состоящие под административным надзором, а функции социальной защиты и воспитательного воздействия не возлагаются на основных субъектов профилактической работы — участковых уполномоченных полиции [6]. Поэтому для совершенствования индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами целесообразно проанализировать социально-психологические предпосылки их адаптации после отбывания уголовного наказания. Это позволит выявить факторы и условия, способствующие восстановлению социального функционирования поднадзорных лиц.

С этой целью в настоящем монографическом исследовании анализируются социологические и социально-психологические подходы к социальной адаптации лиц, находящихся под административным

---

⁴ Утв. распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р. Здесь и далее — все нормативные правовые акты приводятся в соответствии с данными официального интернет-портала правовой информации pravo.gov.ru (дата обращения: 20.12.23).

надзором. Социологические аспекты адаптации рассматриваются через призму структурно-функциональной и интеракционистской теорий, тогда как социально-психологические факторы используются в концепциях ресоциализации, основанных на эклектических теориях социального взаимодействия. Рассмотрим их последовательно, фокусируясь на теоретических основаниях и их практическом воплощении.

В рамках структурно-функционального подхода адаптация поднадзорных лиц нацелена на восстановление их функционирования посредством социально-структурных изменений. Поскольку последствия уголовного наказания ухудшают возможности данной категории лиц в построении желаемого образа жизни и удовлетворении потребностей, уровень их маргинализации усиливается. Об этом свидетельствуют трудности в трудоустройстве, в том числе обусловленные ограничением видов деятельности, которыми может заниматься поднадзорное лицо. Кроме того, нахождение в исправительных учреждениях приводит к разрыву связей с социальным окружением, распаду семей, утрате дружеских отношений и другим негативным последствиям.

Исследователи отмечают, что возвращение к жизни в обществе после отбывания уголовного наказания для этой категории лиц требует создания специальных условий и изменений в структуре его социального взаимодействия. Со структурно-функциональной точки зрения адаптация лиц, отбывших наказание или находящихся под надзором, всецело зависит от комплекса экономических, социальных и индивидуально-психологических возможностей вести правоуполномоченный образ жизни. Для обозначения этих возможностей используется понятие «капитал» и рассматриваются три его разновидности — человеческий, социальный и структурный [202, с. 94]. Объем капитала сопоставляется с рисками криминализации, которые оцениваются для каждого лица индивидуально. К рискам относятся половозрастные характеристики, длительность отбывания наказания, а также выраженность асоциальной направленности, подверженность различным видам зависимостей, влияние асоциального окружения, отсутствие постоянных источников дохода и занятости.

Методика социальной адаптации заключается в реструктурировании взаимодействия с обществом, способствующем увеличению разных характеристик капитала и снижению влияния рисков. С этой целью, например, в Великобритании используются различные формы правовой, социальной и психологической поддержки, облегчающие

взаимодействие по наиболее проблемным вопросам проживания, устройства на работу, получения медицинской помощи и иных мер адресной поддержки [196].

Исследователи отмечают, что наиболее сложной задачей адаптации бывших осуждённых является восстановление их социальной репутации. Представители структурно-функционального подхода предлагают различные способы повышения социального статуса лица, отбывшего наказание. Рассматриваются такие действия, как признание за индивидом изменений в социальном поведении путём «демаркирования» или «сертификации декриминализации». По их мнению, признание «исправления» социального поведения должно облегчить взаимодействие, сняв тем самым препятствия в проживании, трудоустройстве и иных аспектах удовлетворения своих потребностей.

Ещё одним способом повышения статуса лиц, отбывших уголовное наказание, становится освоение разных видов профессиональной деятельности. Один из разработчиков этого метода адаптации Д. Дж. Мартинез отмечает, что разнообразие профессий повышает шансы бывших осуждённых на социальную адаптацию, поскольку способности и умения выступают в качестве источника социального капитала, облегчают установление новых социальных связей и, в целом, повышают их социальный статус [221].

Представители интеракционистского подхода рассматривают социальную адаптацию данной категории лиц как способ частичного либо полного изменения выполняемой ими социальной роли. Опираясь на идею Э. Гоффмана об исправительных учреждениях как «тотальных институтах» (местах проживания и работы групп людей, изолированных от общества на значительное время, которые проводят большую часть своей жизни в закрытом и формально управляемом режиме), исследователи отмечают, что адаптация должна не только закрепить требуемую обществом ролевую модель поведения, но и устранить негативные последствия длительного нахождения в исправительном учреждении [195].

Реализация интерактивной модели осуществляется посредством реинтеграции. Одним из примеров выступает канадская модель, предполагающая последовательное контролируемое освобождение лиц, отбывающих наказание [219]. В ней используются такие виды условно-досрочного освобождения, как временное отсутствие, дневное и полное условно-досрочное освобождение. Если временное отсутствие предполагает перемещение под контролем сотрудника служ-

бы исполнения наказания по ограниченному перечню оснований, то дневное условно-досрочное освобождение обязывает лишь к ночному нахождению в исправительном учреждении. Полное условно-досрочное освобождение снимает и это ограничение.

Исследователи отмечают, что адаптация методом реинтеграции эффективнее модели «подготовки к освобождению» в стенах исправительного учреждения [224]. Осуждённые склонны поддерживать отношения, существовавшие до отбывания наказания, и использовать их для решения жизненных проблем, восстановления привычного образа жизни. Возможность контактов с близкими им людьми поддерживает отношения, а постепенное и контролируемое включение способствует прекращению криминальных связей. Конечно, реализация программы реинтеграции сложнее, чем подготовка к освобождению. Она требует решения ряда задач, таких как обладание полной и объективной информацией о личности и социальном окружении поднадзорного лица, разработка методики и процедуры оценки риска криминального поведения, подготовки сотрудников, осуществляющих надзор. Вместе с тем подобная модель имеет ряд преимуществ, поскольку обеспечивает закрепление социально-приемлемого ролевого поведения, не нарушая, а реконструируя систему взаимодействия поднадзорного лица с его окружением.

В целом социологические концепции адаптации фокусируются на восстановлении социального функционирования лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Основные усилия нацелены на обеспечение трудоустройства, получение образования, восстановление отношений с родственниками и членами семьи. При этом социологические концепции не уделяют внимания субъективным факторам адаптации, среди которых главенствующую роль играет отношение поднадзорных лиц к уголовному наказанию, последствия его переживания, сказывающиеся на восприятии себя, своей жизни, окружающих людей и общества в целом.

1.3. Социально-психологические концепции адаптации лиц, подвергающихся административному надзору

В зарубежной науке социально-психологические концепции адаптации представляют собой разнородную по характеру целей, методов и средств их достижения область. Различия между ними обусловлены в первую очередь национальными и культурными особенностями организации постпенитенциарного сопровождения поднад-

зорных лиц, во вторую — теоретическими и методологическими основаниями концепций.

Несмотря на существенные различия, эффективность концепций оценивается объективно, исходя из силы воздействия, оказываемого на мировоззрение, ценности, установки, убеждения и представления поднадзорных лиц с учётом, конечно, социально-экономических и правовых условий, создаваемых для этой категории лиц.

Показателями эффективности адаптации в большинстве стран выступает снижение повторной преступности данной категории лиц, однако в ряде национальных программ оценивается качество жизни и удовлетворённость ею.

Поэтому в рамках параграфа рассматриваются концепции, преследующие две группы целей: а) противодействие криминализации поднадзорных лиц; б) ресоциализацию и реабилитацию, обеспечивающие адаптацию к обществу и косвенным образом обеспечивающие качество жизни.

Противодействие криминализации нацелено на снижение повторной преступности поднадзорных лиц. В зарубежной исследовательской литературе обозначается несколько направлений, среди которых распространение получили концепции, эксплуатирующие проявления страха перед последствием уголовного наказания. К ним относятся: опасение за собственную жизнь и здоровье; страх разрыва отношений с родителями и родственниками; страх отчуждения, обусловленный социальными представлениями об опасности преступников и установками на разрыв отношений с ними; чувство стыда, обусловленное признанием преступником.

Несмотря на внешнюю схожесть, психологические предпосылки страхов существенно различаются. Страхи эгоистического вида (за себя, свою жизнь, здоровье или будущее), основанные на потребности в собственной безопасности, следует отграничивать от страхов социоцентрического вида (за других людей, и в первую очередь родственников и близких), возникающих на основе осознания значимости социального существования [176]. Наиболее сложным по природе формирования является страх репутации, проявляющийся в чувстве стыда перед другими людьми за совершенные действия. Исследования показывают, что формирование чувства вины и раскаяния статистически снижает вероятность совершения повторного преступления [199]. При этом следует отметить, что влияние страха опосредовано возрастом, полом и социально-культурными особенностями, а его

проявление может варьироваться в зависимости от индивидуальных сочетаний этих переменных.

Чувство страха используется в психологических программах противодействия повторной преступности. К примеру, предложенная Р. Патерностером и С. Бушвеем концепция использует страх преступника за своё будущее в качестве основания для отказа от совершения преступлений [233]. Предлагая преступнику изменить свое представление о себе и представить просоциальный образ своего существования взамен криминального, исследователи добиваются признания бесперспективности преступного существования. По сведениям Л. Лью и Р. Бачмана, отказ от преступного образа жизни посредством изменения отношения к себе оказывает положительное влияние на различные стороны социального функционирования — от повышения продолжительности ведения просоциального образа жизни до коренных изменений — образования семьи, рождения детей, освоения новой профессии [218].

Альтернативное направление противодействия криминализации нацелено на развитие возможностей социального функционирования. Так, концепция «сопротивления криминализации», разработанная Ф. МакНейлом, базируется на предположении о том, что потребность в принадлежности к социальной группе, а также потребность получения знаний и навыков являются ведущими побуждениями к правопослушному образу жизни. Социально-психологическими ресурсами реализации этих потребностей выступают личностная зрелость, умение образовывать межличностные отношения, формировать просоциальный образ собственной жизни [229].

Значение данных компонентов обосновано следующими соображениями. Возраст и личностная зрелость влияют на способность индивида выбирать между законным и противозаконным действием, оценивать последствия своих деяний для себя и окружающих. Социальные отношения связывают преступника с окружающими его людьми, в первую очередь с семьей, друзьями, социальными группами или институтами, усиливая просоциальную направленность его поведения.

Наконец, просоциальное представление о себе (образ Я) соответствующим образом регулирует отношения индивида с окружающими его людьми и обществом. Как показывает Ш. Маруна, преступники, отказавшиеся от продолжения антиобщественного образа жизни, имели ясное и целостное представление о себе и своём бу-

душем, тогда как преступники, повторно совершившие преступление, имели размытое и противоречивое мнение о себе, не задумывались о своем будущем [224].

Таким образом, противодействие криминализации поднадзорных лиц социально-психологическими методами нацелено на формирование и усиление просоциальной части социального окружения, развитие соответствующих социальных связей.

Вопросы формирования образа «Я» преступника и взаимодействия с социальным окружением являются актуальным предметом практического изучения и научного исследования. С практической точки зрения оба предмета исследования является источником важной информации о личности преступника, его антиобщественной направленности и риске преступного поведения. Содержание социальных связей также раскрывает содержание личностных структур, помимо прочего, характеризуя условия и отношения, в которых формируется преступный образ жизни. Поэтому изучение личности подозреваемого, обвиняемого, а затем осужденного и отбывающего наказание в местах лишения свободы, предполагает выявление его самопредставлений и системы социальных связей.

Вместе с тем образ «Я» преступника и система его социальных связей с окружающими людьми описываются и изучаются дифференцировано, отношения между ними не прослеживаются. В то же время существующие исследования показывают, что данные образования взаимодействуют друг друга [205]. В этой связи целесообразно рассмотреть их характеристики относительно друг друга, выявить возможную функциональную связь и ее эффект.

Образ «Я» регулирует взаимодействие с окружающими людьми, определяя формально-стилевые характеристики общения и совместной деятельности в зависимости от самоопределения (самокатегоризации). Так, на предкриминальном этапе представление о себе как жертве обстоятельств, профессиональном преступнике, соучастнике или мстителе обосновывает причину преступления, влияет на формирование отношения к этому событию, в том числе преодолению чувства вины. На посткриминальном этапе новообразования и противоречия «образа Я» свидетельствуют либо о возвращении к правоуправляемому образу жизни, либо об усилении криминализации. Его изменения отражаются в самопрезентации окружающим в ходе совместных действий [255].

В этих процессах образ «Я» выполняет функцию модератора социального взаимодействия. Вне зависимости от направленности личности (противоправной или правопослушной), новые составляющие самопредставления и самоотношения находят свое выражение во взаимодействии с другими людьми. Система социальных связей преступника претерпевает изменения, эквивалентные трансформации образа «Я». Анализ взаимодействия преступников с социальным окружением, выполненный Е. В. Чернышевой, обнаруживает ряд особенностей [164]. С интерактивной точки зрения они проявляются в меньшем количестве социальных связей, наличии барьеров коммуникации, меньшем числе референтных лиц, неподчинении окружающим. С точки зрения перцепции социальные связи преступников характеризуются меньшими уровнем позитивных межличностных отношений, чувством враждебности и недоверия, низкой поддержкой и помощи близких им лиц. Преступникам свойственно негативное представление о себе как субъекте социального взаимодействия. На уровне самооценки наиболее заметными являются упрощения социальной идентификации (использование меньшего числа категорий, их обобщенности), снижение уровня социальной самооценки (т. е. оценки себя во взаимодействии с окружающими) и убежденности в низкой социальной эффективности — неспособности влиять на других людей, устанавливать и поддерживать с ними отношения. Обобщая полученные результаты, можно заключить, что образ «Я» преступника и система социальных связей сопряжены. Восприятие себя в качестве преступника преобразует образ «Я», изменяя самоотношение и сказываясь на социальном взаимодействии.

В свою очередь, окружающие люди посредством выражения своего отношения и участия в совместной деятельности изменяют представление преступника о себе, его самоотношение и самооценку. Описанные функциональные отношения самоотношения и социального взаимодействия преступника могут иметь и морфологическое значение. Его негативным следствием может являться социально исключенный образ жизни, субъект которого, с одной стороны, негативно оценивает себя, свои социальные перспективы и возможности, с другой — избегает установления устойчивых социальных связей, которые могут эти возможности предоставить. Подводя итоги, отметим, что выявление отношений между образом «Я» и характеристиками социальных связей преступника открывает дополнительные

возможности изучения социальных причин совершения преступлений, их предупреждения и профилактики.

1.4. Социально-психологическая концепция адаптации лиц, подвергающихся административному надзору

Концепция адаптации представляет собой комплекс мер социально-психологического воздействия на осуждённых, а также лиц, отбывших наказание и находящихся под административным надзором.

В зарубежной практике работы с этой категорией лиц выделяется несколько направлений деятельности: личностная ресоциализация и реабилитация (приобретение новых умений и навыков или восстановление имевшихся), правовая (реинтеграция в сообщество через восстановление в правах), моральная (символическое возмещение ущерба через признание вины перед потерпевшим), социальная (подготовка к выполнению функций в семье, трудовом коллективе, занятии общественной деятельностью). Данные направления являются основными, но в то же время не исключают других, вторичных по отношению к ним направлений.

Следует отметить, что ресоциализация и реабилитация у зарубежных исследователей нередко рассматриваются взаимозависимыми частями социальной адаптации. В ряде работ ресоциализация описывается в качестве процесса интеграции индивида в общество, тогда как реабилитация выступает одной из её стадий. Нередко ресоциализация рассматривается как результат коррекционно-реабилитационного воздействия на определённую категорию лиц, чаще — осуждённых за совершение серийных насильственных преступлений. Подобная терминологическая многозначность обусловлена национальными подходами к работе с осуждёнными и лицами, совершавшими преступные действия.

Термин «ресоциализация» применяется в концепциях, признающих преступление следствием социальных дисфункций, а ресоциализирующее воздействие предполагает устранение недостатков воздействия дефектного социального окружения.

Термин «реабилитация» подразумевает, что совершение преступления обусловлено нарушениями на личностном или микрогрупповом уровне, искажившими способность индивида удовлетворять потребности социально приемлемым способом. Реабилитация заключается в формировании новых или восстановлении нефункционирующих психологических механизмов регуляции поведения.

Программы ресоциализации реализуются в виде социально-психологического тренинга, вырабатывающего отсутствующие либо неполностью проявляющиеся социально значимые знания, умения и навыки. Например, в сингапурскую модель ресоциализации входят тренинги просоциального мышления, управления гневом и эмоциями, противодействия приёму психоактивных веществ, управлению насилием, превенции сексуальных преступлений [249]. Оценка их эффективности показывает, что обучение межличностным навыкам, индивидуальное структурированное консультирование и коррекция поведения снижают количество повторных преступлений до 40 % [228].

Программы реабилитации направлены на устранение негативного воздействия условий отбывания наказания, влияния других осуждённых и криминального окружения. Ими выступают «деиндивидуализация» — снижение самостоятельности решений и поступков; «дискультурация» — потеря ценностей и установок, существовавших до заключения, «изоляция» — отсутствие социального взаимодействия с внешним миром; «отчуждение» из-за потери способности к адаптации вследствие однородности и бедности социального пространства исправительного учреждения, монотонного и медленного ритма жизни лиц, отбывающих наказание [195]. Они осуществляются в форме индивидуальных и групповых психокоррекционных занятий, наиболее эффективным методом проведения которых выступают когнитивно-поведенческие тренинги. Оценка программ реабилитации, выполненная Дж. Фолк с коллегами, свидетельствует об их способности снижать до 30 % риск повторной преступности [198].

Проведённый анализ показал, что зарубежные практики адаптации осуждённых основываются на работе с социально-структурными и социально-психологическими характеристиками поднадзорных лиц. Проблемы адаптации описываются зарубежными исследователями в виде совокупности нарушений социального функционирования, существовавших на момент совершения преступления и отчасти выступивших его предпосылками. Среди них выделяется низкий уровень дохода при высоком уровне потребностей, отсутствие постоянного места работы и образования, наличие аддикций, сниженный волевой контроль, дефекты саморегуляции, отсутствие социальных связей, обеспечивающих поддержку и помощь.

Данные проблемы не решаются, а зачастую усугубляются в период отбывания наказания и пребывания в исправительных учреждениях. Отягчающими факторами являются субкультура осуждённых, а также

криминальная субкультура, формирующие эгоцентрическое и иждивенческое мировоззрение поднадзорных лиц, пропагандирующих маргинальный, антиобщественный образ жизни.

Под влиянием насаждаемой ими эгоистической и гедонистической направленности, безответственности и попустительства, пропаганды криминального образа жизни искажается представление о социальных отношениях, прерываются связи с родственниками, членами семьи, близким неформальным окружением. В результате, отдельные лица после завершения срока отбывания наказания в период нахождения под административным надзором не прилагают усилий для адаптации, рассматривая себя как жертву несправедливого и предвзятого отношения со стороны окружающих, общества и власти.

Можно констатировать, что проблема адаптации обусловлена не только объективно возникающими трудностями, но и субъективными представлениями иждивенчески-эгоистической природы.

Как следствие, задачами адаптации лиц, находящихся под административным надзором, могут выступать не только обеспечение источника дохода (трудоустройство), организация проживания и получения профессиональной квалификации, но и решение социально-психологических проблем. К ним относятся восстановление связей и отношений с социальным окружением, налаживание межличностного взаимодействия с родственниками, членами семьи, неформальным окружением, формирование альтруистических и просоциальных убеждений и представлений. Можно прийти к выводу, что стратегия адаптации данной категории лиц должна быть направлена на развитие социального взаимодействия.

С учётом значения социального окружения в противодействии криминализации и обеспечении социального функционирования [53] можно рассмотреть его в качестве ключевого фактора социальной адаптации. К основным функциям окружения, способствующим адаптации можно отнести:

— ресурсную, выражающуюся в предоставлении средств и возможностей удовлетворения потребностей в жилье, пище и других жизненных нуждах;

— информирующую, обеспечивающую сбор, обобщение и передачу сведений о проблемных вопросах социальной интеграции (проживании, трудоустройстве, образовании, получении квалификации и др.);

— воспитательную, заключающуюся в закреплении моральных принципов и нравственных оснований взаимодействия с другими людьми и обществом в целом;

— психологическую, формирующую установки на преодоление проблем адаптации к новым условиям жизни, преодоление жизненных трудностей.

Рассмотрение социального окружения поднадзорного лица в качестве фактора адаптации целесообразно начать с оценки его способности выполнять эти функции. С практической точки зрения это подразумевает выявление возможностей лиц, которые его составляют по оказанию описанных видов воздействия.

Сложность изучения социального окружения заключается в том, что оно является квазигруппой, участие в которой люди принимают на основании собственных представлений. Некоторые члены этой группы могут не взаимодействовать друг с другом или вовсе быть незнакомыми. Наиболее стабильной частью этой группы является т. н. «ближайшее социальное окружение», образованное по признакам родства, семейственности или интенсивного взаимодействия.

Таким образом, даже определение лиц, составляющих социальное окружение субъекта, представляет собой методическую проблему. Представляется, что основаниями его построения может выступать критерий субъективного отношения, устанавливающий принадлежность людей к окружению в зависимости от характера социальной связи между ними и субъектом.

Этим же способом могут быть оценены характеристики социального окружения. Ими, по нашему мнению, выступают: а) ресурсы, которые могут применяться для оказания помощи и поддержки; б) межличностные отношения между поднадзорным лицом и участниками его социального окружения; в) возможности лиц, включённых в социальное окружение, изменять свое отношение, поведение под влиянием его субъекта.

Данные характеристики формируют потенциал помощи и поддержки социального окружения, показывают его влияние на самого субъекта (его представления, убеждения, установки), а также позволяют установить готовность к соучастию окружающих лиц. Возможности адаптации, которыми обладает социальное окружение, определяются способностями к осуществлению ресурсной, воспитательной, психологической, информирующей функций.

Минимальным потенциалом адаптации обладает социальное окружение: не имеющее ресурсов, которые могут быть использованы для оказания помощи и поддержки; характеризующееся негативными межличностными отношениями, ухудшающими социальное самочувствие и искажающими представления субъекта, не принимающими участия в жизни субъекта. Максимальным потенциалом адаптации обладает социальное окружение, располагающее ресурсами для предоставления поддержки и оказания помощи, позитивным межличностным отношением к субъекту, готовностью принимать участие в жизни поднадзорного лица.

С учётом изложенного можно заключить, что возможности адаптации, которыми обладает социальное окружение, определяются, с одной стороны, ресурсами его участников, а с другой — отношениями, которые обеспечивают передачу, перераспределение и использование данных ресурсов субъектом. Эта особенность обозначает зависимость между успешной социальной адаптацией и способностью лиц, находящихся под административным надзором, устанавливать гармоничные отношения с близкими людьми, обладать определённым уровнем морально-нравственного развития и личностной зрелости для образования межличностных отношений необходимого качества.

Соответственно, концепция адаптации поднадзорных лиц предполагает, что ее основаниями выступают связи и отношения с социальным окружением. Наличие социальных связей, равно как и способность их формировать, выстраивая отношения поддержки и помощи с окружающими людьми, является условием и критерием адаптации поднадзорного лица.

Методами адаптации лиц, подвергнутых административному надзору, следует считать социально-психологические методы развития индивидуальных представлений поднадзорных лиц о роли и значении социального окружения. Средствами адаптации выступают свойства взаимодействия, которые устанавливают поднадзорные лица со своим социальным окружением.

Полученные результаты в виде описания функций, показателей и критериев социального окружения нуждаются в дальнейшей верификации, в том числе операционализации. С этой целью дальнейшее исследование будет посвящено описанию психологических особенностей криминогенных лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, анализу отношений к участникам социального окруже-

ния; построению адаптации посредством формирования отношений к социальному окружению.

Выводы главы

В главе представлена и обосновывается ключевая идея исследования: успешная адаптация криминогенных лиц, освобожденных из мест лишения свободы и находящихся под административным надзором органов внутренних дел Российской Федерации, к социальным условиям жизнедеятельности может осуществляться с опорой на социальное окружение данных лиц. Для разработки методики и средств адаптации необходимым является:

— оценка индивидуально-психологических особенностей лиц, подвергнутых административному надзору, влияющих на их криминальное поведение и, как следствие, препятствующих адаптации;

— определение возможностей социального окружения криминогенных лиц, способствующих их адаптации (ресурсных, информирующих, воспитательных, психологических);

— формирование отношений криминогенных лиц к социальному окружению, способствующих их адаптации к социальным условиям жизнедеятельности после отбывания наказания в местах лишения свободы.

Научное решение данных задач, позволяющее осуществлять адаптацию криминогенных лиц, находящихся на этапе административного надзора, осуществляется в следующих главах данной монографии.

Глава 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОГЕННЫХ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В главе рассматриваются индивидуально-психологические особенности криминогенных лиц, подвергнутых уголовному наказанию в виде лишения свободы. Цель их изучения — определение специфических особенностей, влияющих на адаптацию криминогенных лиц, подвергающихся административному надзору органов внутренних дел Российской Федерации после освобождения из мест лишения свободы. Для этого в главе рассматриваются когнитивные, характерологические и социально-психологические особенности лиц, осужденных и отбывших наказание в виде лишения свободы. Предполагается, что их комплекс влияет на успешность адаптации, а его негативные проявления препятствуют адаптации и приводят к рецидиву преступления.

2.1. Когнитивные способности лиц, отбывших уголовное наказание

Когнитивные способности играют существенную роль в адаптации лиц, отбывших уголовное наказание, поскольку они определяют способность к усвоению социальных норм, новых видов профессиональной деятельности и освоению новых знаний.

В академической литературе отмечается, что эффективное социальное поведение соотносится с высоким уровнем когнитивных способностей субъекта, а неэффективное — с низким. Схожие представления существуют относительно рефлексивных способностей личности. Субъект с высоким уровнем рефлексивных способностей готов к быстрому и точному отслеживанию логических отношений и закономерностей, способен к выработке альтернатив при принятии решения [76]. В совокупности, когнитивные способности и навыки рефлексии повышают не только эффективность деятельности, но и влияют на приспособляемость субъекта к изменяющимся условиям ее осуществления. В ряде исследований низкий уровень рефлексии, слабые когнитивные способности указываются в качестве причин асоциального и преступного поведения [27]. Конечно, данные отношения не имеют характера прямой обусловленности, вместе с тем, они способствуют, во-первых, недооценке последствий собственных действий, во-вторых, снижению возможности к самоконтролю и саморе-

гуляции, в-третьих, повышают ригидность (жесткость) действий, что снижает их адекватность быстро изменяющимся обстоятельствам.

В частности, готовность к криминальному насилию традиционно связывается с проявлением психопатических черт личности и объясняется генетическими или органическими особенностями нейрофизиологии процессов головного мозга. Однако большая часть совершаемых насильственных преступлений имеет корыстную мотивацию, строится на рациональной основе, но искаженных представлениях о возможности избежать уголовного наказания [70].

Зарубежные исследователи уделяют внимание подобным когнитивным искажениям. В частности, ряд концепций описывает «черты» мышления, присущие преступникам подобного вида. К примеру, в концепциях «криминального мышления» ими выступают узость и ригидность мышления [цит. по 67].

В концепциях криминальной идентичности к свойствам мышления преступника относят сниженную критичность, неспособность к представлению себя в будущем [185]. Интересно, что описания этих свойств дополняются методами эмпирической оценки — каждая из концепций имеет свой психодиагностический инструментарий. Однако на русскоязычной выборке данные инструменты не адаптированы, хотя имеют перспективы применения для изучения социальной адаптации, ресоциализации осужденных.

В целом, академические представления рассматривают когнитивные способности и способности к рефлексии в качестве детерминант криминального поведения. Однако роль когнитивных способностей и рефлексии в сохранении (продолжении) криминального поведения не подвергалась эмпирической оценке, в том числе применительно к лицам, отбывающим наказание, связанное с лишением свободы, в контексте их возможностей в адаптации.

В рамках проведенного нами исследования ставилась цель выявления отношений между уровнем рефлексии и когнитивных способностей у осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений и их правопослушным поведением в местах отбывания наказания. В выборку вошли лица, отбывающие наказание по приговору суда в исправительных учреждениях ГУ ФСИН России по Свердловской области. Всего обследовано 540 осужденных (71% мужчин; ср. Возраст = 33,4 года; SD = 7,45 лет). Из них 227 — осужденные за совершение корыстно-насильственных преступлений.

Выборка осужденных была подвергнута экспертной оценке психологами учреждений. Всего было сформированы две подгруппы:

а) с просоциальной направленностью (ориентированные на соблюдение требований режима исполнения наказания, активно трудящиеся, повышающие свой уровень образования, осуществляющие сотрудничество с администрацией) — 117 человек;

б) с криминальной направленностью (нарушающие режим отбывания наказания, демонстрировавшие асоциальные интересы — приверженность криминальным ценностям и культуре) — 110 человек.

Методами исследования выступали: когнитивная проба «Исключение понятий» и экспертная оценка. Проба «Исключение понятий» применялась для исследования аналитико-синтетической умственной деятельности. Использовались показатели: количество правильных обобщений, количество правильных исключений, доля обобщений по латентным признакам.

Экспертная оценка психологом осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении, предполагала оценку комплекса показателей из 30 показателей. В исследовании использовался показатель «Способность к самоанализу поведения (рефлексии)». Он оценивался по пятибалльной шкале (очень низкий, низкий, средний, высокий, очень высокий).

Полученные результаты обобщались и обрабатывались с помощью статистической программы Statistica for windows 6,0. Статистическая оценка выполнялась методом однофакторного дисперсионного анализа. Изучались значения показателей «количество правильных обобщений», «количество правильных исключений», «доля обобщений по латентным признакам» и «способность к самоанализу поведения» в группах с криминальной и просоциальной направленностью. Результаты статистического анализа показали, что осужденные за совершение корыстно-насильственных преступлений имеют низкие значения показателей по методике «Исключение понятий» (ср. знач. = 29,9 баллов) по сравнению с осужденными за насильственные преступления (ср.знач. = 31,9 баллов), корыстные преступления (35,3), аддиктивные преступления (33,4) и преступления по неосторожности (32,1). Значения показателя «Способность к самоанализу (рефлексии)» не различались в разных группах преступников.

Дальнейший анализ проводился внутри группы осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений. Сравнение осужденных с криминальной и просоциальной направленностью, по-

казало, что вторые успешнее выполняют операцию исключения ($F_{крит}(7,389)=5,58, p<0,001$), при обобщении понятий используют абстрактные признаки а не конкретные ($F_{крит}(7,389)=3,93 p<0,04$). Оценка способности к рефлексии в группах осужденных с криминальной и просоциальной направленностью выявила статистически значимые различия ($F_{крит}(1, 399)=19,14, p<0,001$).

Проведенное исследование показало, что преступления корыстно-насильственной направленности отличаются от других видов преступлений осознанным применением насилия для удовлетворения корыстных побуждений. В отличие от насильственных преступлений, подчас обусловленных слабостью процессов мышления и регулятивных механизмов [26], этот вид преступлений отличается большей осознанностью и целенаправленностью. Коррекционное воздействие на лиц, совершивших подобные преступления, как правило, не отличается от других категорий преступников. Традиционно оно нацелено на изменение отношения к мотивам социального поведения, трансформации системы ценностей осужденного. Вместе с тем принципиально значимым является изменение отношений данной категории лиц к оценке криминального поведения, заключающееся в полном (объективном) определении негативных последствий, вызванных уголовным преследованием и последующим за ним наказанием.

Полученные нами результаты указывают на существование альтернативного ресурса профилактики криминального поведения, базирующегося на когнитивных способностях и рефлексии осужденного. Об этом свидетельствуют, во-первых, низкие результаты когнитивной пробы «Исключение лишнего» у лиц, осужденных за корыстно-насильственные преступления, по сравнению с другими категориями осужденных. Это, по-видимому, подтверждает идею о когнитивных искажениях, влияющих на предпочтение криминального поведения социальному, например высказанных П. А. Гнездовой [31].

Во-вторых, на роль когнитивных факторов в сохранении криминальной направленности указывают различия по когнитивным показателям и рефлексии между осужденными с просоциальной и криминальной направленностью поведения. Осужденные с просоциальным поведением чаще анализируют собственное поведение и оценивают его, чем осужденные с криминальным поведением. Кроме того, они более логичны и обоснованны в своих рассуждениях, поскольку допускают меньше ошибок при обобщении и исключении. Конечно, обсуждаемые результаты имеют ограничения, а выводы нуждаются

в дополнительной проверке. Но, в целом, изучение когнитивных способностей лиц, осужденных в связи с проявлением криминального насилия (грабежей и разбоев), указывает на существование отношений между когнитивными способностями и способностями к рефлексии с одной стороны и готовностью к криминальному поведению с другой.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости проведения углубленного изучения когнитивных особенностей и, при необходимости, повышения их уровня, поскольку ясно, что их коррекция будет способствовать более правильной и точной оценке последствий криминального поведения и позволит снизить риск рецидива.

2.2. Индивидуально-психологические свойства лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы

В рамках данного параграфа обсуждаются психологические свойства и криминальная направленность лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Данные психологические особенности выступают, по нашему мнению, ключевыми факторами, определяющими готовность к совершению правонарушений и преступлений. Данная позиция в целом соответствует существующим в современной криминальной психологии и криминологии представлениям о характеристиках личности преступника.

В частности, она поддерживается исследованиями криминологопсихологических характеристик личности преступника, выполненных А. Е. Шалагина и О. Н. Хрустальной [167], морально-психологическим компонентам личности преступника, предложенным Ю. В. Новиковой [113].

В проведенном нами эмпирическом исследовании лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России, рассматривались свойства личности, способствующие социальной адаптации (ресоциализации). Методической основой для выбора черт стал комплекс свойств личности, склонной к деструктивному поведению [61]. Ранее комплекс свойств уже изучался на различных выборках и оценивался применительно к правонарушающему, преступному, самоповреждающему и другим разновидностям деструктивного поведения.

Всего выделялось шестнадцать личностных свойств, каждое из которых рассматривалось в двух диапазонах проявления — максимальном и минимальном (например, «зависимый — независимый»). Свойства располагались попарно, применялась семибалльная шкала

измерения. Набор свойств предлагался психологу для проведения экспертного оценивания личности осужденного.

Выборку составили лица, отбывающие наказание по приговору суда в исправительных учреждениях ГУ ФСИН России по Свердловской области. Всего обследовано 540 осужденных (71% мужчин; ср. возраст = 33,4 года; SD =7,45 лет). Из них лиц, осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений — 227 человек.

В результате был получен профиль личностных свойств каждого обследуемого. Далее экспертная оценка каждого свойства была соотнесена с уровнем средних показателей по нормативной выборке условно-правопослушных лиц. Результаты соотношения позволяют охарактеризовать специфические отличия осужденных от правопослушных лиц, выделив тем самым факторы, способствующие правонарушающему и преступному поведению (таб.1), установить общие для обоих установок и специфические свойства.

Таблица 1

Характеристика свойств личности осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений

<i>Оцениваемые черты личности</i>	<i>Осужденные за совершение корыстно-насильственных преступлений (n=540)</i>	
1. Впечатлительный или хладнокровный?	3,1	впечатлительные
2. Возбудимый или уравновешенный?	3,6	менее уравновешенные
3. Несговорчивый или сговорчивый?	4,1	несговорчивые
4. Независимый или подчиняющийся?	3,1	склонные к подчинению
5. Расчетливый или безрассудный?	2,4	расчетливые
6. Необязательный или обязательный?	4,1	обязательные
7. Самолюбивый или самоотверженный?	3,2	скорее альтруистичные
8. Агрессивный или дружелюбный?	3,7	скорее агрессивные
9. Расточительный или аскетичный?	3,8	более расточительные
10. Семейный или несемейный?	3,2	несемейные
11. Стремящийся или уклоняющийся?	3,1	более уклоняющиеся
12. Ценящий или обесценивающий?	3,0	скорее увлеченные
13. Включенный или отчужденный?	3,2	скорее отчужденные

Полученные результаты показывают, что с позиции индивидуально-психологических особенностей осужденные характеризуются большей сензитивностью и меньшей уравновешенностью, что, по

нашему мнению, свидетельствует о нервно-психической неустойчивости характерологической обусловленности.

Также следует выделить такие особенности, как склонность к подчинению (внушаемости), дополненной упрямством (несговорчивостью) что позволяет указать в качестве предпосылок криминализации, с одной стороны, повышенную подчиняемость, подверженность влиянию других людей, а с другой — неспособность гибко реагировать на других людей, делать им уступки и следовать их пожеланиям.

Следует подчеркнуть, что правопослушные лица более контактны и погружены в социальное взаимодействие по сравнению с осужденными. Последние же обладают чертами социальной отчужденности, но при этом склонны подпадать под влияние авторитета, демонстрировать непоследовательность в поступках. Усиливает данные особенности склонность к зависимости от других людей, вещей, отношений, сопряженная с непоследовательностью и отчужденностью.

Еще одним параметром оценки стала личностная зрелость — интегральный показатель социального развития, ключевыми признаками которого выступает чувство ответственности, самопринятия и самореализации [122].

Эксперты оценивали уровень личностной зрелости каждого осужденного в диапазоне: «низкая», «средняя», «высокая». Далее этот показатель с помощью дисперсионного анализа изучался в группах правопослушных и преступников, отбывающих наказание. Результаты показывают, что склонность к правонарушениям обусловлена влиянием личностной зрелости ($F=4,12$, $p=,005$). Таким образом, личностная зрелость существенным образом влияет на криминализацию, по всей видимости, выступая предиктором готовности к правонарушающему и преступному поведению.

Подводя итоги, отметим, что выявленные характеристики лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России, не только описывают их специфические особенности, но и свидетельствуют о потенциальных трудностях в социальной адаптации и ресоциализации. Направлением профилактики может стать комплекс мер по расширению знаний осужденных о социальных, политических, экономических аспектах общественных отношений, формированию их познавательных компетенций.

Важным аспектом изучения индивидуально-психологических особенностей лиц, отбывающих наказание, выступает оценка риска рецидива преступлений.

Анализ научных публикаций показывает, во-первых, что основными подходами к изучению причин рецидива являются: (а) социальный (раскрывающий проблемы социального функционирования и нарушения социальных связей криминогенных лиц); (б) поведенческий (описывающий психологические трудности социального поведения лиц, освободившихся после отбывания наказания из исправительных учреждений); (в) клинический (оценивающий аномалии личности, препятствующие ресоциализации и постепенной реинтеграции).

Стремясь повысить точность предсказания рецидива, исследователи интегрируют подходы, объединяя их показатели в комплексы. Так, для оценки рецидива оценке подвергаются:

— степень исправления, отношение к труду, положение в коллективе, привлечение к дисциплинарной ответственности и поощрения, отношения к семье, особые криминогенные черты, намерения после освобождения, намерения по поводу преступной деятельности;

— характеристики осужденного до совершения преступления — наличие места жительства, трудоустройства, наличие и поддержание им социально-полезных связей; уровень образования, отношение к труду; навыки самообслуживания, признание вины и раскаяние, уровень агрессивности и конфликтности, правомерные личностные принципы, умения правомерного поведения, адекватность потребностям возможностям их удовлетворения);

— недостатки (дефекты) саморегуляции, планирования и низкой самостоятельности, клиничко-психологические особенности личности (агрессивность, лживость);

— сознательность, лживость, педантичность, роль инициатора преступления, отсутствие мотива для совершения преступления, отношение к наказанию;

— криминальная зараженность, отношение к преступлению, образ жизни после освобождения, воздействие окружающих, измененное психоэмоциональное состояние, стечение обстоятельств.

Характеризуя представленные комплексы, можно видеть, что они охватывают разнородные категории социального функционирования криминогенной личности, ее антиобщественное поведение на разных этапах криминализации, индивидуально-психологические особенности и отношения к разным сторонам взаимодействия с обществом. Однако качество прогноза, получаемого посредством изучения данных показателей, как показывает статистика рецидива, не

является в полной мере удовлетворительным. Размышляя о возможностях совершенствования методологии прогноза, следует подчеркнуть, что прогноз рецидива должен учитывать не только риск, который криминогенная личность представляет для общества, окружающих и себя, но и ее индивидуально значимые потребности и ресурсы, жизненные цели и ценности. Подобный анализ требует обращения к субъектности криминогенной личности как основания разработки теоретической основы инструментов прогноза.

Выполненный нами анализ позволяет заключить, что субъективные представления имеют ключевое значение для выстраивания отношений криминогенных лиц к социальному окружению и себе, выступают основанием направленности на достижение лично значимых жизненных целей (самореализации). Следует подчеркнуть, что интеграция факторов рецидива, представленная в существующих подходах, по нашему мнению, преломляется субъективными представлениями криминогенной личности. Таким образом, рецидив можно прогнозировать не только через анализ указанных факторов изолированно, либо в их интегративной совокупности, но и посредством изучения субъективных представлений криминогенной личности.

В основе такой методологии прогноза лежит предположение о том, что субъективные представления криминогенной личности находят выражение в ее отношении к социальному окружению, выступая своеобразным индикатором субъективного благополучия и, вместе с тем, риска криминализации.

Отметим, что в академической литературе социальное окружение рассматривается в виде основополагающего фактора формирования криминогенной личности и характеризуется в качестве либо детерминанты криминализации, либо условия, в контексте которого она осуществляется. Однако обращение к отношениям криминогенной личности смещает фокус внимания с влияния окружения на субъективные представления криминогенной личности о значении окружающих для ее жизнедеятельности.

Поскольку наиболее значимым для жизнедеятельности криминогенной личности сегментом общества является социальное окружение, изучение отношения к нему раскрывает субъективные предпосылки рецидива. Изучение значений открывает возможности для построения субъективной топологии социального окружения и оценки функций, которые криминогенная личность атрибутирует входящим в него индивидам и группам.

Отдельным вопросом, рассматриваемым в рамках данного параграфа, выступает описание влияния окружения на формирование готовности к адаптации. С этой целью предметом изучения выступает социальное окружение криминогенных лиц. Данный феномен оказывает существенное влияние на поведение человека, побуждая его как к правопослушным, так и к правонарушающим действиям. В контексте рецидивной преступности роль социального окружения приобретает существенное значение.

Анализ состояния рецидивной преступности в России позволяет заключить, что у большинства лиц, повторно привлеченных к уголовной ответственности, трудности социальной адаптации и неудачи ресоциализации во многом обусловлены проблемами взаимодействия и взаимоотношений с социальным окружением [121]. Этот вывод подтверждают криминологические исследования, показывающие, что социальное окружение выступает в качестве фактора, прямо влияющего на побуждение к преступлению, либо выступающего существенным условием, обуславливающим его совершение [8]. Ясно, что для объяснения причин рецидивной преступности особое внимание следует уделять характеристикам социального окружения.

Наиболее распространенным способом изучения социального окружения является структурно-функциональный подход. Он описывает социальное окружение в терминах социальных групп и связей, участником которых выступает преступник. Изучению подвергаются социально-культурные характеристики, имеющийся криминальный опыт, противоправная направленность и образ жизни данных лиц. Сильной стороной подхода выступает способность структурировать лиц, составляющих окружение преступника (выделяя семью, родственников, друзей, близких), а также установить вид и характер отношений с ними. При этом подход не позволяет дать параметрическую оценку влияния социального окружения на рецидивиста, как по отношению ко всему объему лиц, так и отдельных их совокупностей; описать трансформацию состава и структуры социального окружения, происходящую, как правило, в связи с переходом к правопослушному образу жизни.

Альтернативу структурно-функциональному подходу в изучении социального окружения преступника составляет «пространственный» подход, рассматривающий всю совокупность взаимодействий преступника с другими людьми в качестве однородной, устойчивой системы, отграниченной от других социальных отношений [67].

Ее центром является сам субъект, периферию образуют люди, с которыми он вступает во взаимодействие и находится в отношениях. Пространственная модель упрощает родственные, семейные и иные межличностные отношения до набора свойств, которыми они обладают, и влияний, которые они оказывают на субъекта.

Помимо этого методология пространственного подхода допускает изменчивость социального окружения преступника, обусловленные его субъективными предпочтениями — образованием новых связей, разрушением имеющихся. Предметом оценки выступают материальные, социальные и иные виды ресурсов, которым обладают лица, включенные в социальное окружение, степень их соучастия в решении трудных жизненных ситуаций субъекта, готовность к предоставлению помощи.

Используя структурно-функциональный и пространственный подходы для изучения социального окружения преступников-рецидивистов, нами были получены разные сведения о социальном окружении, позволяющие охарактеризовать его структуру и свойства.

Выборка преступников-рецидивистов состояла из 131 человека, средний возраст = 24,8 лет, SD = 1,5 года, 100% — мужчины, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях ФСИН России по Свердловской области. Из опрошенных основной массив составили лица, совершившие корыстные преступления — кражи, мошенничество (52,7% опрошенных), корыстно-насильственные — грабеж, разбой (22,9% — грабеж и разбой), насильственные (убийства, — 18,3%).

Результаты показывают, что структура социального окружения преступников-рецидивистов характеризуется небольшим количеством социальных связей (5–7 человек), малым числом значимых лиц (1–3 человека), однородностью социально-культурных характеристик включенных в него людей.

Свойства социального окружения вычисляются на основе анализа устойчивого взаимодействия преступника с определенным кругом лиц. В целом такое взаимодействие оценивается затрудненным, сложным и обременяющим, а его участники — нечувствительными и игнорирующими. Собственные действия рассматриваются ошибочными, спонтанными и низкоэффективными, а возможность оказывать влияние на других людей считается низкой. Преступники полагают, что окружающие своевольны, непослушны, неподконтрольны и, как следствие, способны на обман, предательство.

Сопоставляя структурно-функциональный и пространственный подходы, можно отметить противоречие между полученными моделями социального окружения. В этом противоречии видны возможности обоих подходов к изучению социального окружения рецидивистов. Так, с позиции структурного подхода социальное окружение включает в себя однородные по характеру отношений группы членов семьи, родственников, друзей, тогда как с пространственной точки зрения оно сегментировано на группы соучаствующих (помогающих и поддерживающих), влияющих (контролирующих, управляющих), а также избегаемых (лиц, с которыми преступники отказываются взаимодействовать). Данная сегментация носит атрибутивный характер, поскольку основывается на индивидуальных представлениях преступника. Ценно и то, что для их маркирования используются представления и понятия самого преступника. Они, с одной стороны характеризуют принадлежность лиц к определенным сегментам социального окружения, а с другой — оценивают качество отношений с ними.

В завершение можно отметить, что социальное окружение обладает определенными свойствами, влияющими на преступника и определяющими его правопослушное поведение. Изучая социальное окружение преступника посредством пространственного подхода, можно выявить новые аспекты его структурной организации и свойств, недоступные при изучении посредством структурно-функционального подхода. Можно полагать, что это знание выступит ценным источником информации о причинах вторичной преступности, обусловленных проблемами социальной адаптации и ресоциализации, необходимых мерах по ее профилактике на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах сопровождения данной категории лиц.

2.3. Влияние последствий уголовного наказания на социальное взаимодействие криминогенных лиц

Рассмотрение последствий проводится путем их разделения на социальные и личностные с описанием психологической специфики каждого из них. Вне внимания остаются правовые последствия, заключающиеся в ограничении отдельных избирательных прав, возможности замещать должности государственных гражданских служащих и военнослужащих, а также иных ограничений в правах, основанных на решении суда.

Необходимость рассмотрения социальных последствий обусловлена тем, что их эффект является противоречивым, поскольку

лишь отчасти связан с фактом привлечения к уголовной ответственности. В большей мере социальные последствия связаны с нормами, ценностями, представлениями и установками социальных сообществ, участником которых является преступник. В глобальном смысле социальные последствия определяются отношением общества к преступлению и преступнику.

Воплощаясь в виде социальных представлений, они формируют социальное отношение, стереотипы и установки во взаимодействии с преступниками. Следует отметить, что данные представления неоднородны, поскольку у отдельных социальных слоев, сообществ и социальных групп мнение о преступниках может быть противоположным. Ряд из них отрицают преступление и осуждают преступников, склонны ограничивать взаимодействие с преступником, вытесняя либо вовсе исключая его из системы отношений. Часть сообществ, в силу обычаев и традиций может считать допустимым осуществление отдельных видов преступлений [71]. Наконец, в асоциальных сообществах преступление может восприниматься нейтрально либо даже положительно, если оно соответствует установленным в нем ценностям и нормам. Статус и авторитет участников подобных сообществ может прямо зависеть от общественной опасности их действий [89], противоправных представлений групп и сообществ осужденных [153].

Таким образом, социальные представления, присущие разным сообществам и группам, по-разному оценивают факт привлечения к уголовной ответственности — от прекращения взаимодействия и разрыва отношений до присвоения более высокого статуса. Несмотря на многообразие оценок, наиболее частыми социальными последствиями привлечения к уголовной ответственности для индивида выступают: потеря источника дохода вследствие прекращения трудовых отношений и разрыва связей с определенной частью социального окружения [33], разрушение неформальных социальных связей, в том числе с семьей [37], родственниками и друзьями [93].

К личностным последствиям уголовного наказания, влияющим на взаимодействие с социальным окружением, можно отнести изменения самооценки и состояние потребностно-мотивационной сферы. Они изучаются в контексте социальных последствий привлечения к уголовной ответственности и гипотетически связываются с субъективным переживанием социального давления, вызванного стигматизацией преступлений и преступников.

Психологическая специфика самоотношения преступников неоднократно подвергалась анализу отечественными исследователями. В частности, в работах А. В. Вэтра [29], М. В. Кроз [85], Ю. В. Новиковой [113], Е. В. Чернышевой [164] представлены сведения об уровне и состоянии самоотношения преступников, показывающие, с одной стороны, противоречия в самоотношении и неадекватность самооценки, с другой — отсутствие потребности в ее регуляции, в том числе приведение в соответствие вслед за мнением окружающих людей.

Объяснение данным феноменам дается с позиции дефектов механизмов, регулирующих самоотношение [142], действий психологических защит [146, 147], влияния криминализованного социального окружения [60]. Обобщение современных представлений, позволяет заключить, что самоотношение преступника по сравнению с законопослушным лицом может иметь отклонения, обусловленные акцентуированными чертами характера, сниженной потребностью в социальных источниках формирования самооценки, дефектами перцепции социальной информации, низкой социальной компетентностью. Отметим, что в ходе уголовного преследования преступники находятся в ситуации, требующей публичного признания вины, что существенно влияет на их самоотношение и самооценку. Вместе с тем, как показывают криминологические исследования, раскаяние в содеянном преступлении чаще всего носит формальный характер, происходит в целях избежания наказания [173].

Изучение психологических особенностей лиц, осужденных за совершение преступлений, позволяет заключить, что их социальная некомпетентность ведет, как правило, к снижению самооценки, которая, в свою очередь, способствует развитию агрессивно-насильственной и, в целом, криминальной направленности осужденного. Конечно, социальное отчуждение не имеет однозначной связи с выбором преступного действия. Однако известно, что человек стремится восстановить самооценку теми средствами и в тех условиях, которые ему доступны. Поэтому преступники, имеющие проблемы с самооценкой, считают, что успешные, но противоправные действия являются для них единственной возможностью повлиять на свой социальный статус в группе [185].

Можно заключить, что самоотношение и самооценка преступников обладает дефектами формирования, влияющими на восприятие социального отношения к преступлению, затрудняющими переживание вины за его совершение. Как следствие, взаимодействие с соци-

альным окружением ориентировано на формирование идеального «образа-Я», исключая раскаяние за антиобщественный поступок, сочетающегося с самооправданием, позитивно-завышенную самооценку, эгоцентрическую и суверенную позицию во взаимодействии с окружающими людьми [164].

Состояние потребностно-мотивационной сферы также влияет на социальное взаимодействие преступников с окружающими. Поскольку психологической предпосылкой большинства преступлений выступает актуальная потребность, то ее вид, а также мотив, цель и способ ее достижения являются ведущими основаниями для совершения противоправных действий [35]. При этом уголовное наказание не влияет на уровень притязаний и характер потребностей лица, затрагивая лишь мотивационно-целевую и операциональную сторону деятельности.

Рассматривая их в рамках модели регуляции преступной деятельности, предложенной В. Н. Кудрявцевым, можно отметить, что криминогенная направленность проявляется на личностном и мотивационном этапах регуляции, а не на целевом и операциональном [87]. Соответственно, решение о возможности совершения преступления предполагает приемлемость криминального деяния личностным ценностям, убеждениям, представлениям и пр. Другие этапы регуляции преступного поведения, как показывает исследование О. В. Кузнецовой, влияют на процессуальную сторону преступного действия, его планирование и реализацию [88].

В результате привлечения к уголовной ответственности субъект сталкивается с трудностью либо невозможностью выполнения определенной деятельности, и, как следствие, удовлетворения потребности. Эта ситуация, с одной стороны, сопровождается переживанием стресса и фрустрации, с другой — требует перестройки деятельности и взаимодействия с окружающими. В то же время субъект, подвергшись уголовному наказанию, сталкивается с необходимостью изменить (скорректировать) свое поведение, но может не изменять мотив поступка, его цель и средства достижения.

В результате, содержание деятельности субъекта, подвергшегося судимости, остается неизменным, в то время как внешняя сторона, социальное поведение и взаимодействие с окружающими затруднено последствиями уголовного наказания и психологической реакцией на последствия привлечения к уголовной ответственности. Этим, как представляется Д. В. Кохману, обусловлена проблематика трудоустройства

лиц, осужденных к уголовному наказанию [83]. Как показывают исследования [7], осужденным свойственно переживать тревогу перед будущим, вызванную, в том числе, отсутствием социальными навыками, необходимых для обеспечения желаемого образа жизни [22].

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности усиливает противоречия в самоотношении и регуляции потребностно-мотивационной сфер личности. Специфика самоотношения преступников вызвана противоречием между поддержанием положительного представления о себе (положительного «образа-Я» и высокой самооценки) и избеганием принятия ответственности за совершенное преступление в сочетании с негативными социальными представлениями о преступлении и преступнике.

Специфика потребностно-мотивационной сферы характеризуется противоречием между сохранением уровня притязаний и регуляции потребностно-мотивационной сферы преступника и социальными условиями их удовлетворения. Данное противоречие может быть решено путем перестройки притязаний и изменения потребностей, либо путем интенсификации взаимодействия с окружающими, привлечения ресурсов и помощи окружающих.

Поскольку социальные возможности и условия жизнедеятельности лиц, подвергшихся уголовному наказанию, ухудшаются, то психологическим переживанием, связанным с искаженным самоотношением и трудностью удовлетворения потребности, выступают стресс и фрустрация. Их проявление вызвано субъективно воспринимаемой невозможностью удовлетворения потребности либо наличием существенных препятствий.

Подводя итоги выполненного анализа целесообразно обобщить социально-психологические особенности отношений лиц, подвергшихся уголовному наказанию, с социальным окружением.

К социально обусловленным последствиям следует отнести социальную стигматизацию, вызванную привлечением к уголовной ответственности, приводящую к ограничению социальных возможностей, нарушений в совместной деятельности, ухудшению межличностных отношений.

Следствием дефектов социального взаимодействия выступает снижение объективного и субъективного качества жизни, психологические переживания стресса и фрустрации, вызванные трудностями удовлетворения потребностей.

Субъективные последствия обусловлены совокупным влиянием представлений преступника о себе и содержанием потребностно-мотивационной сферы. К данным представлениям относятся:

— в части самоотношения — искаженное самоотношение и неадекватная самооценка, сопряженная с представлением о себе как преступнике;

— в сфере потребностно-мотивационных компонент деятельности — завышенный уровень притязаний, искажения мотивационно-целевой составляющей внутреннего плана деятельности, неадекватный стиль взаимодействия с социальным окружением.

Следствием описанных особенностей выступает специфический стиль взаимодействия с окружающими, ориентированный на поддержание благоприятного образа-Я и самооценки, сочетающийся со стремлением к удовлетворению потребностей и соответствия уровню притязаний в условиях отказа от сотрудничества, предоставления помощи и поддержки.

2.4. Влияние криминальной субкультуры на криминальное поведение лиц, подвергающихся административному надзору

Параграф посвящен обсуждению роли социального окружения в формировании правонарушающего и преступного поведения. С этой целью рассматриваются социально-психологические предпосылки совершения правонарушений и преступлений, а в качестве наиболее проблемной области выступает система отношений молодежи социальным окружением.

Современные представления о влиянии объясняют его несколькими факторами преимущественно социально-психологической природы и социально-экономическим контекстом, характеристики которого усиливают либо ослабляют их воздействие на человека. К основным факторам относят социальные (общественные) представления о возможности совершения девиаций, антиобщественные групповые ценности и нормы, поощряющие девиации, а также влияние референтных лиц, нацеленное на побуждение к девиантному поведению. Предполагается, что все они в совокупности, либо в определенном сочетании способны подтолкнуть субъекта к конкретным девиациям. При этом их влияние разными исследователями трактуется по-разному.

Ряд исследователей утверждает и эмпирически демонстрирует, что социальное влияние приводит к нарушениям либо искажениям социализации. В таком случае правонарушающее поведение становится возможным вследствие множественности оценок конкретного поведения, запрещающих его в одних сообществах и легализующих в других, равно как и разрешающих его одним группам и запрещающим другим, разрешающим в определенных социальных ситуациях и пр.

Противоречивость, неопределенность либо изменчивость социальных представлений приводит к дефектам индивидуальных представлений молодежи о социально-ценном поведении. Они выражаются в несоответствии поведения социальным условиям, ригидности (негибкости) целей, отношений, убеждений, обусловленности поведения узкоспецифичными ценностями (нормами, отношениями). Как показывают исследователи, выбор (соблюдение) конкретных моделей поведения во многом зависит от индивидуальной направленности и сформированности индивидуальных регуляторных механизмов. Вместе с тем следует отметить, что регуляторные функции выполняет и социальное окружение — члены семьи, родственники, друзья и коллеги. Конечно, их потенциал ниже, чем индивидуальный механизм регуляции, но все же он существует.

Вторая точка зрения рассматривает причиной девиаций социальное неравенство. В современных научных публикациях прослеживаются различные формы его воплощения. К таковым относятся разные возможности удовлетворения потребностей и разный уровень социальных ресурсов, которыми располагает молодежь. Неравенство в возможностях и ресурсах стимулирует разные виды конфликтов, одни из которых, являются традиционными для обществ (например, неравенство в распределении ресурсов между старшими и молодыми поколениями, титульными и маргинальными социальными группами, представителями разных полов, религий). Наряду с ними неравенство может порождаться социальной категоризацией общества — признанием.

Поэтому наше исследование основывается на социально психологических принципах и подходах к изучению криминального поведения. В его основе лежит предположение о социально-психологических предпосылках формирования личности преступника. Данная позиция является одной из возможных концептуализаций криминального поведения, наряду с теориями и концепциями, объясняю-

щими его спецификой ценностно-нормативной регуляции, дефектов потребностно-мотивационной сферы и пр. Выбор социально-психологического подхода обусловлен представлениями о социальной природе преступности и социально-психологическими основаниями формирования личности преступника.

Предметной областью исследования выступает криминальная идентичность, определяемая в рамках данного параграфа как результат самосознания субъектом себя как преступника. Криминальная идентичность рассматривается через призму теории идентичности, предложенной Дж. Марсией, согласно которой идентичность выступает центральным образованием самосознания, передающим личности ощущение целостности и непрерывности социального существования «Я» [220]. Криминальная идентичность может быть определена как представление субъекта о принадлежности к преступному миру.

В таком виде криминальная идентичность может иметь групповую и социально-категориальную разновидности. В первом случае криминальная идентичность характеризует принадлежность к конкретной группе преступников и правонарушителей. Во втором значении она указывает на принадлежность к социальной категории «преступник», соответствующей общественному мнению, установкам и стереотипам относительно преступников.

В рамках данного исследования идентичность рассматривается с позиции принадлежности к социальной категории преступников. Таким образом, в фокусе исследования находится феномен осознания человеком себя как преступника, а не восприятие себя участником преступной группы.

Предметом исследования выступают предпосылки развития криминальной идентичности, поскольку ее формирование недостаточно изучено как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Наряду с имеющимися подтверждениями влияния криминальной идентичности на устойчивость преступной группы, длительность совершения преступлений ее участниками, степень общественной опасности действий и проблемы ресоциализации, неясными являются процессы ее формирования. Наиболее важным вопросом является соотношение индивидуального и социального в развитии криминальной идентичности, определение того, в какой степени ее принятие является выбором личности либо результатом социального влияния.

В этой связи в рамках исследования рассматриваются отношения между криминальной идентичностью и социальными представлениями о преступниках и их образе жизни — криминальной субкультурой [82]. Криминальная субкультура достаточно давно подвергается психологическим исследованиям, однако задачи профилактики ее распространения в молодежной среде актуализируют изучение причин и условий ее популяризации.

Целью исследования является изучение отношений между криминальной идентичностью и криминальной субкультурой. Задачами выступает рассмотрение теоретических представлений о криминальной идентичности, описание предпосылок ее формирования и определение значения криминальной субкультуры в этом процессе.

Материалами исследования выступают отечественные и зарубежные теории и эмпирические исследования криминальной идентичности и криминальной субкультуры. Полученные результаты объясняют причины формирования криминальной идентичности влиянием криминальной субкультуры, показывая, что ее основу составляют социальные представления о преступниках и преступном образе жизни, источником которых выступает криминальная субкультура.

Приступая к обсуждению криминальной идентичности, необходимо констатировать, что к настоящему времени в психологической науке отсутствует единое представление о ее сущности. Описание идентичности осуществляется на основе социологических и психологических концепций идентичности. Они не в полной мере специфичны по отношению к криминальной идентичности, но оба направления содержат теоретически обоснованные и эмпирически подтвержденные положения о ее формировании.

Рассмотрение криминальной идентичности на основе положений теории социальной идентичности позволяет описать ее в виде результата самоопределения индивида по отношению к социальным группам [248]. Полагая, что потребность человека принадлежать к социальным группам и сообществам является одной из фундаментальных социальных потребностей, представители этого направления утверждают, что криминальная идентичность формируется вследствие неудач в социальном взаимодействии. Предпосылками этому исследователи называют неудачи социального функционирования, такие как неспособность выполнять требования социальной роли

(например, ученика в школе), исключение из просоциальных сообществ и неформальных, но правопослушных групп.

Таким образом, криминальная идентичность формируется вследствие негативного самоопределения индивида, осознавшего трудности и препятствия социальной интеграции. Не имея возможности являться членом желаемых (референтных) групп, индивид принимает решение к вовлечению в криминальное сообщество. Аналогичным образом объясняют формирование преступных групп представители концепции стигматизации, утверждая, что социальное отчуждение сплачивает индивидов в сообщества, посредством которых они могут обеспечить себе необходимый уровень существования [251].

Близким к социально-интерактивной теории криминальной идентичности является концепция социальной делинквентности, предложенная Г. Сайксом и Д. Матзой [247]. По их мнению, криминальная идентичность выступает результатом ассоциации индивида с преступниками, однако она образована стремлением к взаимодействию, а не желанием подражать им. Сформированная криминальная идентичность облегчает преступную деятельность, поскольку предполагает освоение алгоритмов преступных действий, которыми руководствуются преступники. По аналогии с другими социальными группами (профессиональными, спортивными, игровыми), идентичность с криминальным сообществом предполагает получение знаний о деятельности, ее методах и средствах. Отличием криминальной идентичности от других видов идентичности выступает функция нейтрализации осуждения со стороны правопослушных лиц [212].

Наряду с социологическими теориями в зарубежной психологической науке разработаны подходы к объяснению криминальной идентичности. Они основываются на концепциях проблем регуляции социального поведения и проблемах самовосприятия, присущих преступникам. С позиции концепций регуляции поведения преступление объясняется неспособностью индивида удовлетворять свои потребности социально приемлемым способом, а криминальная идентичность выступает термином, объединяющим под собой симптомокомплекс негативных черт, присущих преступнику, — жестокости, корысти, эгоизма.

В концепциях формирования самоотношения отмечается, что криминальная идентичность является результатом осознания своей принадлежности к социальной категории преступников или, буквально-

но, самоидентификации индивидом себя в качестве преступника. Предпосылками ее формирования становятся социальные отношения. Так, например, R. Paternoster и S. Bushway утверждают, что «преступное Я» субъекта формируется вследствие взаимодействия с преступниками [233]. Воспринимая ролевой статус других людей и их мнения относительно себя, индивид обобщает их, соединяя с имеющимся представлением о себе. Поэтому криминальная идентичность основывается на двух источниках информации — социальной оценке своего положения в обществе и самоотношении.

Эмпирические исследования показали, что криминальная идентичность и самовосприятие отрицательно связаны друг с другом. Представление о себе как преступнике снижает самооценку, тогда как низкая самооценка повышает риск криминального поведения [194]. Исследования самооценки преступников демонстрируют, что ее низкий или чрезмерно высокий уровни в соединении с криминальными установками выступают индикатором риска преступности [251]. Кроме того, противоречие между внешними оценками и самоотношением формирует чувство стыда и вины, что мотивирует к прекращению криминального образа жизни [213].

Таким образом, к настоящему времени научное представление о сущности криминальной идентичности разрабатывается на основании социологических и психологических положений, различающихся по своим теоретическим основаниям.

С социологической точки зрения криминальная идентичность формируется социальными условиями жизнедеятельности и взаимодействия с сообществами и группами, тогда как с психологической позиции индивид конструирует ее в качестве составляющей «Я-концепции», преломляя через нее отношение к другим людям, самому себе, своим целям и планам на будущее. В психологических исследованиях понятие «криминальная идентичность» обозначает симптомокомплекс проблем, обусловленных дефектами регуляции социального поведения и неадекватным самоотношением, влиянием криминального окружения.

В качестве показателя оценка криминальной идентичности используется для изучения риска криминализации лиц с противоправным и преступным поведением, определения возможностей ресоциализации, а также прогноза социальной адаптации после завершения срока отбытия наказания.

Несмотря на существенные различия, социологические и психологические представления о криминальной идентичности не противоречат друг другу при описании ее когнитивной составляющей. Эта часть криминальной идентичности включает в себя представления о преступлении и преступнике, а также категории и понятия, маркирующие их признаки. Источником информации для нее выступают социальные и групповые представления, которые вырабатываются соответствующими социальными сообществами и закрепляются в культуре.

Полагая, что криминальная субкультура влияет на формирование криминальной идентичности, нами рассматриваются теоретические представления и результаты исследований, подтверждающих данное предположение. На основании изложенного становится возможным описать влияние криминальной субкультуры на криминальную идентичность.

Криминальная субкультура включает ценности, представления и установки лиц, склонных к совершению преступлений, поддерживает и пропагандирует идеалы криминального образа жизни. В отечественных исследованиях отмечается, что криминальная субкультура в местах лишения свободы фокусируется на правилах общежития и взаимоотношений, ведении быта, гигиене, приемах пищи, распорядке дня. За пределами исправительных учреждений криминальная субкультура реализуется в качестве альтернативы легальной правовой культуре.

Утверждая правила взаимодействия и санкции за их нарушение, криминальная субкультура устанавливает в качестве источника права «понятия» о правильном поведении, а в качестве лица, осуществляющего контроль за их соблюдением, человека, имеющего криминальный опыт и обладающего высоким статусом в преступном сообществе [18].

Кроме того, криминальная субкультура регулирует взаимодействие и взаимоотношения с различными категориями лиц, среди которых можно выделить преступников и правопослушных граждан [135], осужденных, принадлежащих к различным ступеням криминальной иерархии [107], сотрудников правоохранительных органов. Таким образом, криминальная субкультура выполняет функцию регулятора общественных отношений для лиц, которые ей следуют, подменяя собой общепринятые правовые нормы.

Существование криминальной субкультуры объясняется несколькими причинами. С социально-психологической точки зрения оно обосновано стремлением криминальных лидеров легитимизировать свое положение в преступной группе [253]. Для этого в сообществах выделяются ценности и нормы, которые лидеры стремятся поддерживать и защищать.

Второй причиной выступает сплочение и взаимодействие преступников, поэтому субкультура определяет роли и модели поведения участников преступных групп [119]. Кроме того, она разграничивает «своих» и «чужих», предписывая отношение к каждой из них, например, пропагандируя необходимость поддержки преступников, оказавшихся в местах лишения свободы, запрещая обращение к сотрудникам правоохранительных органов.

Психологическими причинами существования криминальной субкультуры выступает, на наш взгляд, ее влияние на индивидуальные представления, среди которых исследователи называют способность оправдывать криминальный образ жизни, предоставлять объяснение совершаемым преступлениям, снижать вину за антиобщественные поступки [60].

По нашему мнению, поддержка криминальной субкультуры обусловлена ее способностью придавать ценность и смысл антиобщественному образу жизни преступника. Она пропагандирует гедонизм и эгоизм и противоположна социальной культуре, ориентирующей на труд и творчество, альтруизм и взаимопомощь [40]. Кроме того, она фокусируется на сиюминутном удовлетворении актуальных потребностей, не выстраивая перспективы на будущее.

Как отмечает А. М. Рябков, несовершеннолетние, подверженные ее влиянию, отличаются от правопослушных сверстников меньшим вниманием к собственному будущему, ограниченной перспективой собственной жизни [132]. Взрослые осужденные, поддерживающие криминальную субкультуру, по мнению В. Е. Лапшина, реже конструируют социально-приемлемый образ себя, напротив, они используют криминальные ценности и нормы для обоснования своих отношений с окружающими и планов на будущее [91].

Ценностная основа криминальной субкультуры не способствует интеграции в общество и затрудняет процесс ресоциализации лиц, отбывших наказание за совершение преступлений [125]. Даже имея возможности для восстановления социального функционирования —

перспективы трудоустройства, поддержку членов семьи и близких, эта категория лиц не использовала данные возможности, а, напротив, эксплуатировала их в своих интересах [218].

Таким образом, криминальная субкультура позволяет индивиду осмыслить и объяснить его состояние в настоящем времени, при этом не давая возможности сформулировать перспективу на будущее и не обеспечивая социальной интеграции. Эта особенность используется для снижения влияния криминальной идентичности на социальный образ жизни. Предлагая осужденным задуматься о своем будущем, исследователи добиваются осознания негативных последствий криминальной идентичности. Признавая, что криминальный образ жизни и поддержка ценностей преступного мира не соответствует их целям и жизненным планам, преступники изменяют отношение к себе, отказываясь от криминальной идентичности [234].

В заключение следует отметить, что криминальная субкультура оказывает влияние на криминальную идентичность, выступая ценностно-смысловым основанием ее формирования. Она позволяет сформировать представление о себе как преступнике, объяснить причины антиобщественных поступков и снизить уровень вины за их совершение. При этом криминальная идентичность лишена временной перспективы и локализована в рамках криминального сообщества, поскольку сфокусирована на поддержании соответствия индивида нормам преступных сообществ, не позволяет устанавливать жизненных целей, осуждается в правопослушных сообществах.

Таким образом, в отличие от других видов социальных идентичностей (семейной, профессиональной) криминальная идентичность не может развиваться, поскольку она замкнута в социальном пространстве лиц, разделяющих ее принципы и нормы. Устанавливая стандарты взаимодействия с другими людьми, криминальная субкультура регламентирует взаимоотношения, облегчая и упрощая их образование с лицами, поддерживающими преступные ценности. При этом она сегментирует социальное пространство, формируя барьеры коммуникации с правопослушными лицами, представителями правоохранительных органов.

Анализ результатов исследования показал, что криминальная идентичность и криминальная субкультура в определенной степени взаимосвязаны.

Распространение криминальной субкультуры облегчает построение криминальной идентичности, а также создает смысловое пространство, способствующее взаимодействию лиц, разделяющих криминальные убеждения. Криминальная субкультура присуща лицам с высоким уровнем криминальной идентичности, тогда как отрицание субкультуры отмечается у лиц, не причисляющих себя к категории преступников.

Популярность криминальной субкультуры объясняется ее коммуникативной функцией, позволяющей взаимодействовать с лицами, придерживающимися криминальных ценностей. Иначе говоря, знание криминальной субкультуры облегчает выстраивание взаимоотношений с людьми, поддерживающими и разделяющими нормы и ценности преступного мира.

Выполненное исследование показало актуальность, научную значимость и перспективы изучения как криминальной идентичности, так и криминальной субкультуры.

Выводы главы

В главе рассмотрены индивидуально-психологические особенности криминогенных лиц, подвергнутых уголовному наказанию в виде лишения свободы. Установлено, что когнитивные свойства, характерологические особенности и индивидуальные представления лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, могут препятствовать их успешной адаптации к социальным условиям жизнедеятельности после освобождения. Ими выступают:

— когнитивные искажения в оценке последствий криминального поведения, приводящие к неполному (частичному) осознанию негативных последствий уголовного преследования;

— негативные индивидуально-психологические особенности (повышенная сензитивность, эмоциональная неуравновешенность, ригидность, внушаемость), а также повышенный уровень личностной незрелости (как интегрального образования, характеризующего регулятивные и ценностно-смысловые основания взаимодействия криминогенных лиц);

— субъективные представления о допустимости криминального поведения и признание криминального образа жизни как альтернативны правопослушному поведению.

Комплекс характеристик препятствует адаптации криминогенных лиц к социальным условиям жизнедеятельности после освобождения из мест лишения свободы и приводит к рецидиву преступления.

Изложенное обосновывает необходимость изучения социально-психологических факторов, способствующих снижению влияния данных характеристик на адаптацию лиц, находящихся под административным надзором органов внутренних дел.

С учетом представленной в первой главе монографии теоретической модели адаптации лиц видится целесообразным обратиться к сфере отношений криминогенной личности к социальному окружению. Считая окружение социально-психологической средой, способствующей снижению негативного влияния характеристик криминогенных лиц, препятствующих адаптации, его изучение, в том числе отношений к нему со стороны поднадзорных лиц, будет способствовать раскрытию закономерностей, снижающих риск криминализации. Решению этой задачи посвящена следующая глава данной монографии.

Глава 3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ К СОЦИАЛЬНОМУ ОКРУЖЕНИЮ

3.1. Психологические характеристики социального окружения криминогенной личности

В параграфе обобщаются научные представления о психологии лиц, групп и сообществ, в совокупности составляющих социальное окружение криминогенной личности. Анализу подвергаются подходы и теории, раскрывающие особенности связей личности с социальным окружением, описывается их значение для изучения отношений криминогенной личности. Поскольку обобщению подвергаются сведения, полученные в теоретически и методологически неоднородных исследованиях, они рассматриваются и излагаются в контексте субъектного подхода.

Как было показано в предыдущей главе, субъектный подход рассматривается нами в качестве базового методологического основания изучения отношений криминогенной личности с использованием теорий, сформулированных в русле субъектного подхода. Его современное состояние позволяет выделить три направления реализации субъектности: субъектность как способ осуществления жизнедеятельности (субъект жизнедеятельности), субъектность во взаимодействии со средой (субъектно-средовое) и субъектность во взаимодействии с другими людьми (субъектно-деятельностное).

Каждое из направлений предлагает собственную концептуализацию отношений криминогенной личности, объяснение их детерминации, факторов и условий формирования. Несмотря на то, что теоретические положения разрабатывались применительно к правопослушным лицам, проводимые в последние годы исследования характеризуют отношения криминогенных лиц с социальным окружением. Представляется целесообразным рассмотреть специфику отношений криминогенных личностей в рамках каждого из направлений субъектного подхода. Их обобщение позволит выделить закономерности отношений, понять субъектные предпосылки их детерминации, а также обстоятельства, в которых отношения формируются и изменяются.

Субъектный подход рассматривает активное и преобразующее влияние личности на окружающий ее мир (С. Л. Рубинштейн). Соглашаясь с К. А. Абульхановой в том, что формирование отношения

к социальному окружению осуществляется субъектом в процессе его жизни, процитируем ее высказывание о том, что «...*Личность мыслит о социальной действительности в целом и одновременно очерчивает своим сознанием ту ее сферу, в которой она осуществляет себя, устанавливает связи с другими людьми, проходит этапы своего жизненного пути*» [4, с. 89].

Можно заключить, что социальное окружение выступает частью жизненного мира криминогенной личности, при этом оно лишь отчасти является неизменным, в значительной мере оно формируется благодаря ее самореализации. Таким образом, субъект является движущей силой социальной действительности, задавая динамику и придавая ей форму. При этом, рассматривая социальное окружение в качестве сферы социальной действительности, следует выделить такие его характеристики, как подчиненность самореализации личности, пронизанность связями с другими людьми и обусловленность этапами жизненного пути. Для криминогенных лиц данные положения важны вследствие неоднородности этапов жизненного пути, часть которого характеризуется криминальным поведением, выражающимся зачастую и в антиобщественном существовании. В случае, когда криминальное поведение выступает средством самореализации, речь может идти об антиобщественной самореализации, проявляющейся в преступлениях, нацеленных на достижение лично значимых целей самоактуализации (например, уважения определенных лиц, получения признания со стороны окружающих).

Исследования криминогенных лиц, выполненные Д. В. Жмуровым и А. Г. Завьяловым [49], М. А. Желудковым и В. Е. Ковалевским [48] показывают, что потребность в самоактуализации связана с невозможностью самореализации (самоосуществления). Совершение корыстных и насильственных преступлений выступает негативным способом самореализации и выражается в девиантном, делинквентном либо криминальном поведении. Важно, что объектами этих действий зачастую выступают члены семьи, близкие родственники, ближайшее социальное окружение. Так, в исследовании преступников, совершивших корыстные и насильственные преступления в отношении близких родственников, отмечается, что при общем ситуативно-импульсивном побуждении конкретными причинами являлись желание развлечься, продемонстрировать силу и смелость, самоутвердиться, в том числе за счет обладания престижными вещами [150].

Исследования социального окружения криминогенных лиц в рамках субъектного подхода фокусируются на нескольких предметах. Наиболее изучаемой является проблематика переживаний физического, психологического, сексуального и иных видов насилия, безразличия, попустительства со стороны родителей, недостатка заботы, любви, уважения как со стороны родителей, так и иных близких родственников [117]. В рамках субъектного подхода выявляется криминализирующее влияние негативных детско-родительских отношений, формирование чувства тревоги, депрессии, импульсивных реакций, защитного поведения в раннем детстве. Прослеживается влияние негативных отношений к окружению на формирование образа родителей, близких родственников, одноклассников [42]. В ряде исследований раскрывается субъективное значение травматических переживаний в формировании правонарушающего и противоправного поведения подростков и молодежи. Существенное значение имеют исследования, раскрывающие последствия детского опыта негативных взаимоотношений на родительские отношения в зрелом возрасте [78]. Социальное окружение характеризуется неполным и некачественным исполнением родительских функций (выражающемся в отсутствии внимания, заботы и воспитания), проявлением безразличия и насилия. Исследования криминогенных лиц в зрелом возрасте рассматривают социальное окружение в совокупности составляющих его лиц — близких родственников, друзей, криминальных лиц, осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Анализу подвергаются представления криминогенных лиц о данных лицах, отмечается субъективное значение, придаваемое им в зависимости от длительности взаимоотношений, жизненных ситуаций и условий, в которых они протекали.

Психологические характеристики социального окружения криминогенных лиц раскрывает динамика связей с другими людьми, группами и обществом. Отмечается, что отношения к социальному окружению проявляются в динамике взаимодействия, в частности в совместной деятельности, включении в группы и сообщества, социальной мобильности. При этом исследователями подчеркивается значение субъектной позиции, проявляющееся во включении в группы и сообщества криминальной и правопослушной направленности.

Поскольку функционирование криминальных групп отличается от правопослушных и по динамике образования отношений и их содержанию, следует отметить ряд исследований, характеризующих

субъективные мотивы вовлечения [171], восприятие участников и группы в целом [127], выступающих основанием формирования отношения к ним. Описываемые причины характеризуются разнородностью, охватывающей и переживание неудовлетворенности, безопасности и потребности в защите, чувства страха, одиночества и отчуждения, восстановления справедливости и отмщения, искаженное представление о собственной исключительности. Подчеркнем, что причины свойственны не только несовершеннолетним, но и лицам зрелого, в том числе и пожилого возраста.

Для этой категории лиц свойственно переживание отчуждения, враждебности и агрессии со стороны близких родственников, а насилие обусловлено стремлением к восстановлению справедливости, отмщению [77].

Социальное окружение непосредственно связано с подобными переживаниями, членство в группе является способом его трансформации, заключающемся в образовании новых связей и установлении отношений, обеспечивающих удовлетворение потребностей [57]. Основанием данного аргумента является концепция социального мира личности, предложенная Н. И. Леоновым [94]. Она рассматривает человека активным создателем социальной реальности, конструирующим ее посредством взаимодействия с другими людьми, группами и обществом. Социальное окружение криминогенной личности, выступая частью данной реальности, реорганизуется посредством конфликта, целью которого является снятие субъективных противоречий. Опираясь на предложенную им идею, можно полагать, что социальное окружение выступает либо их источником, либо условием возникновения, либо средством разрешения.

Еще одним предметом анализа социального окружения, выполняемого в русле субъектного подхода, является субъективное восприятие роли окружающих в жизненном пути криминогенной личности. Исследования в этой области сфокусированы на пенитенциарном этапе жизнедеятельности криминогенной личности. В них разрабатывается методология и методы изучения субъективного отношения к жизни в условиях лишения свободы и планирования жизнедеятельности в период после освобождения.

Ряд исследований основывается на методологии изучения жизненного пути, предложенной А. А. Кроником и Е. А. Головахой. Жизненный путь рассматривается в виде субъективно воспринимаемых событий жизни, упорядоченных временной перспективой. В выпол-

ненных на этом основании исследованиях социальное окружение дифференцируется во временной и пространственной перспективах. Близкие люди, члены семьи и родственники до, во время и после отбывания наказания воспринимаются неоднородно. Существенное значение для прошлого имеет травматический опыт, связанный с расставаниями и утратами, для женщин — лишением родительских прав и разрывом связи с детьми, родительской семьей [74]. Представление о социальном окружении в будущем фокусируется на родственниках и членах семьи.

Так, жизненные планы мужчин, осужденных на длительные периоды отбывания наказания (в т. ч. пожизненно), нацелены на восстановление отношений с близким социальным окружением, формирование семьи и стремление к самореализации [17]. Создание семьи входит в состав жизненных ценностей как мужчин [143], так и женщин после освобождения [124].

Ряд исследований развивает теоретические представления о жизненном пути криминогенных лиц на пенитенциарном этапе. Так, А. Н. Баламут обращается к понятию «жизненная позиция», описывая с ее помощью избирательное отношение осужденных к событиям их жизнедеятельности. Основанием их отношения является субъективный опыт жизнедеятельности (в т. ч. и криминальный), влияющий на выбор стратегии поведения [16]. Описываемые им жизненные позиции осужденных раскрывают представления о «крахе» жизненных планов и характеризуются иллюзорностью будущего, фрустрационным синдромом, сочетающимся с чувством безнадежности, отчаяния и характеризуется враждебным и агрессивным отношением осужденных женщин к обществу.

Исследование жизненного плана осужденного осуществляют И. С. Ганишина и С. В. Русаков, характеризуя его как совокупность жизненных целей (программ, планов, установок, стремлений) и сроков их достижения. Жизненный план рассматривается с позиции временной перспективы, разделяется на позитивный и негативный и сохраняет влияние условий жизни в период отбывания наказания, связанного с лишением свободы [30].

Е. А. Ипполитова и П. Е. Володина отмечают неоднородность жизненных планов, связанных с детализацией будущего и бедностью ближайшей временной перспективы, слабой рефлексией социального окружения и центрацией на лично значимых целях в будущем [73].

Э. В. Зауторова и Н. Г. Соболев, изучая осмысленность жизни лиц с длительными сроками отбывания наказания, приходят к выводу о низком интересе к жизни и отчуждении от происходящих событий, недостаточности жизненных целей и ограниченности временной перспективы [52].

Завершая характеристику субъектного подхода, отметим ряд принципиальных положений, значимых для исследования характеристики отношений криминогенной личности к социальному окружению:

— взаимодействие криминогенной личности с социальным окружением опосредовано самореализацией;

— комплекс связей криминогенной личности с социальным окружением выражает проявление ее субъектности, поскольку их формирование подчинено субъективным представлениям о жизнедеятельности;

— рефлексивная позиция человека по отношению к своим отношениям с социальным окружением побуждает к изменению сложившейся системы отношений к окружающим.

В контексте разрабатываемой проблемы исследования субъектный подход ценен для исследования субъективных оснований направленности отношений криминогенной личности в контексте жизнедеятельности, трансформации отношений к окружающим, происходящих на разных этапах криминализации.

Исследования, проводимые в рамках субъектного подхода, обогащают научное представление о социальном окружении криминогенной личности. Во-первых, раскрывая значение отношений в формировании криминогенной личности, характеризуют состояние отношений в актуальный момент времени и во временной перспективе. Ретроспективный анализ социального окружения уточняет роль близких и родственников в становлении криминогенности личности, ее истории как криминального пути и разработке индивидуальных профилактических процедур, превентивных мероприятий, препятствующих криминализации.

Субъектно-средовое направление. В последние десятилетия в отечественной психологии активно развивается субъектно-средовой подход, раскрывающий систему связей и отношений человека в его взаимодействии с миром (А. А. Журавлев, А. Б. Купрейченко, С. К. Нартова-Бочавер, В. И. Панов, Н. М. Сараева, А. Н. Татарко, П. Н. Шихирев).

Исследования, выполненные в рамках субъектно-средового направления, изучают связи личности с физической и социальной средой, выявляя закономерности, определяющие их совместное развитие. Ключевым положением средового подхода выступает утверждение о том, что психологическое развитие личности определяется свойствами окружающей среды в той же степени, как и преобразование среды, определяется свойствами личности [116]. Процессы развития личности и преобразования среды рассматриваются взаимодополняющими друг друга: развитие личности формирует среду ее жизнедеятельности [136].

Фокусируясь на системе отношений «личность — среда», субъектно-средовой подход предлагает конкретно-научную методологию (по Э. Г. Юдину) для изучения криминогенной личности. К примеру, Ю. Г. Абрамовой разработана единица анализа репрезентации пространственно-предметной среды жизнедеятельности человека — «место — ситуация» [1]. Данная категория состоит из двух компонент: формальных характеристик предметной среды и ее свойств, определяющих содержательный компонент. Способность к репрезентации формируется, начиная с формального компонента (чувственного уровня) вплоть до ценностно-смыслового (содержательного).

В исследовании особенностей восприятия среды, выполненном Т. В. Дорониной, показано, что репрезентация человеком среды включает в себя формальный компонент (размер, прочность, динамика, структура), а также два содержательных компонента. Первый, прагматический, включает в себя измерения пользы, ресурсности, контроля и освоенности элементов среды, а второй — эстетико-этический, характеризует уровень привлекательности, свободы, безопасности и близости.

Выводы ее исследования показывают, что людям свойственно пользоваться ресурсами сред, воспринимаемых эмоционально положительно, и избегать сред, воспринимаемых эмоционально отрицательно. При этом подростки используют среды, воспринимаемые ими эмоционально положительно, и не замечают среды, воспринимаемые эмоционально отрицательно. Юношеский возраст характеризуется стремлением улучшить среды, воспринимаемые и отрицательно, и эмоционально положительно [43]. Таким образом, исследования субъектно-средового подхода раскрывают особый вид отношений человека с окружающей его средой, выявляя механизмы восприятия и оценки пространственных характеристик среды.

В рамках изучения отношений криминогенной личности субъектно-средовое направление реализовано в исследованиях, раскрывающих взаимодействие личности и среды как условий противоправного поведения. Экологическое направление характеризует влияние среды проживания на побуждение к ее повреждению. Восприятие городской среды, доступной для вандализма, присвоения или уничтожения, обуславливает число подобных деяний со стороны проживающих на этой территории лиц [177]. Исследования показывают и то, что изменение среды посредством повышения ее антикриминальных свойств (устойчивости к повреждению, хищению) снижает уровень криминального воздействия [254]. Вместе с тем критическая оценка свидетельствует о том, что характеристики среды не могут однозначно влиять на криминальные посягательства. Так, проведенное В. Чеккато с коллегами исследование вандальной пораженности г. Мальмо (Швеция) показало, что районы, заселенные горожанами с низким уровнем дохода и образования, но высоким криминальным опытом, не всегда отличаются высоким уровнем вандализма по сравнению с районами, заселенными успешными в экономическом и социальном плане людьми [191]. Соглашаясь с Д. В. Руденкиным, следует признать, что криминальное поведение в отношении городской среды опосредовано представлениями субъекта о его приемлемости [129].

Адаптационные средовые исследования раскрывают роль приспособления личности к среде и изменений личности под ее влиянием. В их числе проблематика криминализации мигрантов и их детей, обусловленная неспособностью пользоваться правовыми институтами, механизмами и средствами в ходе своей жизнедеятельности в стране их прибытия [244], отторжением новой культуры [238]. Психологические исследования описывают субъективные переживания трудностей аккультурации и социально-психологической адаптации, проявляющиеся в различных формах стрессовых реакций [105], изменений идентичности [145]. Отношения к социальному окружению, присущие криминогенным лицам, находящимся в статусе мигрантов, обусловлены присущим большинству из них низким социально-культурным уровнем, переживанием проблем жизнедеятельности [28]. Концепции взаимодействия личности с социальным окружением определяют их в терминах:

— социального пространства личности (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко, С. К. Нартова-Бочавер);

— социального (социально-психологического) капитала (А. Н. Тарко, П. Н. Шихирев).

Организация социального пространства в отличие от социальной среды обусловлена особым, субъективным восприятием его участником других людей, социальных групп и общества. Психологические концепции, изучающие восприятие социальной среды человеком, показывают, что сегмент, образованный его собственной активностью, действиями и отношениями, обладает особым значением и воспринимается в виде пространства.

С. К. Нартова-Бочавер описывает психологическое пространство личности в качестве субъективно значимого фрагмента бытия человека, определяющего актуальную деятельность и стратегию жизни человека в обществе [111]. По ее мнению, «психологическое пространство» имеет характер атрибута, поскольку распространяется на вещи, предметы и отношения, которые человек считает своими. Категорией, структурирующей пространство, выступает суверенность, проявляемая в способности человека контролировать, защищать и развивать пространство, которое он считает своим. Суверенность в таком значении близка к понятиям «территориальность» и «приватность». По ее мнению, пространство представлено личности бытийными фрагментами: тело, территория, вещи, привычки, социальные связи и ценности.

Психологическое пространство конструируется субъектом по критерию суверенности: высокая суверенность присуща части пространства, относимой к приватной части, а низкая — депривированной, т. е. не принадлежащей человеку. Рассматривая отношения между нарушением пространства и благополучием, С. К. Нартова-Бочавер приходит к выводу, что субъективное благополучие и удовлетворенность качеством жизни связаны со средним уровнем суверенности, а неудовлетворенность — с высоким и низким [111].

Систему психологических отношений личности с социальным окружением А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко описывают понятием «социально-психологическое пространство личности». Оно раскрывает отношение человека к объектам и явлениям, имеющим социальную природу, и представляет собой систему субъективно значимых объектов и явлений, оцениваемых личностью положительно, негативно или нейтрально, находящихся в определённой структуре по отношению друг к другу, связанных и выполняющих определё-

ные функции и роли в соответствии с нормами, правилами, стандартами и эталонами [50].

В специальной работе А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко описано более ста параметров данного пространства, сгруппированных в виде общих характеристик социально-психологического пространства, характеристик субъекта (носителя) пространства, характеристик элементов пространства, особенностей межпространственных отношений. Методологическое значение для решения задачи, поставленной в нашем исследовании, имеют категории, понятия и метрики, описанные указанными авторами для характеристики психологического и социально-психологического пространства — дистанция, граница (барьер), область (сфера) и пр. Данные категории позволяют стандартизировать разнородные характеристики психологической связи криминогенных лиц с другими людьми, группами и обществом, образуя «топологический тезаурус», пригодный для маркирования разнородных феноменов отношений.

Проблематика качества отношений личности к социальному окружению исследуется А. Н. Татарко в рамках концепции социально-психологического капитала [156]. Социально-психологический капитал основывается на отношениях личности к группам членства и окружающим и формируется в двух системах отношений личности: «личность — личность» и «личность — группа (общество)». В совокупности образующих его отношений социальный капитал представляет собой свойство социального пространства личности и наряду с этим является одной из образующих его характеристик. Так, оценивая такое качество отношений, как доверие, А. Н. Татарко раскрывает его возможности для связи людей и социальных групп между собой. Установив доверительные и уважительные отношения с кем-либо, человек считает данных людей частью своего социально-психологического пространства.

Схожим образом рассматривает социальный капитал П. Н. Шихирев, констатирующий, что качество межличностных отношений влияет на благосостояние и жизнедеятельность людей. Достижение определенного уровня отношений расширяет индивидуальные возможности личности, поскольку позволяет сотрудничать, обмениваться информацией, предлагать взаимовыгодные решения, избегать конфликтов [172]. При сравнительно небольшой верификации субъектно-средового подхода на выборке криминогенных лиц можно выделить ряд исследований, в которых раскрываются особенности их со-

циального окружения. В их числе работы, посвященные исследованию криминальной среды и криминальной субкультуры. Криминальная среда, по мнению В. Ф. Пирожкова, является условием профессионализации преступности, поскольку она обеспечивает воспроизводство преступников, их обмен опытом, сплочение и мобилизацию на совершение преступлений.

В местах лишения свободы она снижает воспитательное воздействие на лиц, отбывающих наказание [119]. Воспроизводство и развитие преступного поведения обеспечивается и за счет непосредственного взаимодействия с лицами, склонными к криминальному поведению, и за счет культивирования ценностей и смыслов криминального образа жизни — криминальной субкультуры [134].

Криминальное влияние субкультуры как социальной среды описывается применительно к несовершеннолетним в аспекте их вовлечения в преступную деятельность. Для криминогенных лиц зрелого возраста используется понятие криминального образа жизни, характеризующего антиобщественную направленность личности и ее готовность к совершению правонарушений и преступлений [72]. Локализация криминальной среды описывается в различных масштабах — от группы, сообщества, организации до цифровых пространств. Ее участниками являются лица с асоциальным (преступным) опытом и поддерживающим соответствующий образ жизни [167].

Проблематика качества отношений криминогенной личности изучается через призму отношений с членами семей и родственниками. Так, по данным Л. В. Мешковой и В. С. Худоконенко, представление о семье характеризуется искаженным восприятием семьи и родственников, неразвитой способностью сопереживания, антипатиям и враждебности, формальным принятием семейной роли, недооценкой членов семьи [102].

Ф. С. Сафуановым отмечается, что криминогенным лицам свойственно совершение противоправных или аморальных действий в отношении близкого окружения [137]. Криминогенные лица в отношениях с членами семьи демонстрируют проявления агрессивности и антисоциальности, эгоцентризма и завышенной самооценки, склонности к самовзвинчиванию, а отношениям, предшествующим насилию — враждебности, конфликтности, эмоциональной напряженности.

М. Р. Нигматуллин наблюдает у женщин — жертв насилия низкую самооценку, самообвинение и самоотрицание, стремление к при-

нятию ответственности за поведение обидчика на себя [112]. Как следствие, насилие женщин по отношению к криминогенным членам семьи имеет реактивную природу и обусловлено длительным стрессом, психотравмирующей ситуацией, которая воспринимается угрожающей жизни [108].

Уровень противоправного поведения подростков может быть предсказан отношением доверия, выступающим одной из метрик социально-психологического пространства. Высоким уровнем криминогенности обладают подростки-правонарушители, надеющиеся только на себя, тогда как меньшим уровнем — те, кто надеется на родителей и других людей [13].

Характер психологических отношений с членами семьи и родственниками позволяет изучать данный сегмент социально-психологического пространства личности. К этому выводу приходит и С. К. Нартова-Бочавер с соавторами, выделяя нарушения приватности в суверенном психологическом пространстве в качестве маркеров риска насильственных преступлений [110]. Анализируя социально-психологический капитал члена преступной группы, А. Н. Татарко констатирует низкий уровень его проявления, обусловленный трудностями формирования подобных отношений в других группах. При высоком уровне сплоченности, доверия, взаимопомощи с определенной группой лиц, отсутствие подобных отношений с другими группами ограничивает возможности личности по их получению за пределами данной группы [156].

Значимость субъектно-средового подхода для исследования социального окружения криминогенной личности заключается в возможности представления в рамках модели «личность — социальная среда», где личность является целостным и однородным образованием, а социальная среда — сложным и неоднородным образованием, трансформируемым вследствие активности личности. Социальное пространство выступает частью среды, подвергшейся преобразованию личности, выражающемуся в построении психологических отношений к составляющим его объектам. В таком представлении субъектно-средовой подход позволяет:

— рассмотреть социальное окружение в виде социального пространства, образующего средовой контекст жизнедеятельности криминогенной личности в определенный период времени;

— описать структуру отношений криминогенной личности путем выделения образующих ее факторов и их репрезентации в связях с другими людьми;

— использовать топологические категории («барьер», «граница», «дистанция») при концептуализации социальных и межличностных отношений;

— оценивать уровень криминогенности посредством анализа качества отношений, формирующих психологическое пространство личности.

Субъектно-деятельностный подход (Г. М. Абульханова, А. В. Брушлинский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн) раскрывает значение деятельности в формировании отношений криминогенной личности к социальному окружению.

Специфика субъектного подхода выражается в понимании личности активным, инициативным и творческим преобразователем окружающей действительности [152]. По мнению К. А. Абульхановой, способность быть субъектом проявляется в направленности личности на самосовершенствование, выражающееся в формировании жизненной стратегии, отвечающей смыслу жизни человека и Я-концепции, представляющей ее на уровне сознания [3]. Воплощение субъектности, в представлении А. В. Брушлинского, определяется активностью личности, которая, будучи последовательной и упорядоченной, конституируется в направленности [21]. Для В. В. Знакова субъект — это «тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания» [69]. В. М. Коваль отмечает осознаваемость проявлений субъектности через анализ себя и своих действий в отношениях с окружающим миром, выделяя три вида оценок [79]:

— субъектность по отношению к самому себе (рефлексивность, уровень субъективного контроля);

— субъектность в отношении к окружающим (независимость, самостоятельность, устойчивость к воздействию);

— субъектность в деятельности (организация и регуляция активности).

С позиции общепсихологической теории деятельности окружающий мир предстает личности в виде образа — чувственной формы психического явления, имеющей в идеальном плане временную динамику и пространственную организацию. А. Н. Леонтьев отмечал, что психология образа есть конкретно-научное знание о конструиро-

вании человеком в ходе деятельности образа мира, о том, как данный образ опосредует деятельность в объективной реальности. Предложенная Ф. Е. Василюком концепция жизненного мира предполагает, что мир личности образован предметами ее деятельности, а деятельность выступает базовым элементом жизни личности [25]. Взаимодействие с миром происходит в форме *переживания*, т. е. перестройки образа мира в сознании человека. Переживанием личность устанавливает смысловое соответствие между осознанием мира и его реальным состоянием. Поддержание связности образа мира и реальности находит отражение в принимаемых человеком решениях и поступках.

Исследуя отношения между образом мира и образом жизни, В. П. Серкин доказывает, что образ мира структурирован деятельностью личности, зависит и определяется индивидуальной иерархией ее мотивов [141]. Подсистемы образа мира формируются благодаря конкретной деятельности, а их системообразующим фактором является мотивация данной деятельности.

В отечественной и зарубежной юридической психологии представлен комплекс исследований, описывающих различные аспекты совместной деятельности и возникающих на ее основе отношений криминогенных лиц. Исследования совместной деятельности криминогенных лиц раскрывают ее значение, во-первых, для вовлечения в преступную деятельность, во-вторых, формирования отношения к другим членам групп, построения внутригрупповых иерархий, в-третьих, структур отношения криминогенных лиц к правоуправляющим и противоправным лицам, группам и сообществам [159].

Охарактеризуем направления, выделив компоненты совместной деятельности, влияющие на формирование отношений.

Первое направление исследований раскрывает роль социального окружения в формировании криминального поведения подростков и молодежи. В них рассматривается сегмент близкого окружения — членов семьи, родственников, друзей и сверстников в побуждении к корыстным и насильственным преступлениям [197]. Несмотря на значительное количество исследований, значение семьи и родственников остается высокоиндивидуализированным, зависящим от влияния множества факторов — от психосоциальных характеристик семьи до стилей воспитания и влияния неформального окружения [207]. Наиболее стабильным криминогенным показателем является состав семьи — несовершеннолетние и молодежь, воспитываю-

щиеся в неполных семьях, чаще совершают правонарушения и преступления не только в подростковом, но и во взрослом возрасте [186]. Данный фактор сочетается с негативным влиянием неформальной среды (сверстников, соседей), которые усиливают негативное воздействие на подростков и молодежь [215]. В целом, взаимодействие делинквентных подростков характеризуется еще большим уровнем влияния на формирование преступной мотивации, чем взрослых. К. А. Brookmeyer с коллегами отмечают, что вхождение в группу сверстников с антисоциальным поведением практически всегда приводит к криминализации подростка [188].

Совместная деятельность и межличностные отношения криминогенной молодежи нацелены на преодоление трудных жизненных ситуаций, защиту от агрессии и насилия со стороны членов семьи, родственников и неформального окружения [230]. Как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, отношения делинквентных подростков и молодежи имеют компенсирующее и замещающее значение в условиях неблагоприятного социально-экономического положения [106, 256].

Криминогенное влияние неформального окружения объясняется его инструментальными и ценностными функциями [58]. Инструментальная составляющая влияния заключается в формировании у субъекта представления о цели, способе и средствах совершения преступления. Так, преступники и лица с криминальной направленностью нередко обмениваются друг с другом знаниями, делятся опытом совершения преступлений [237].

Подростки и молодежь, не имеющие родителей или воспитывающиеся в неполной семье, наиболее восприимчивы к инструментальному влиянию социального окружения. Исследование криминального поведения, выполненное Д. Дж. Шоемакер, продемонстрировало ведущее значение взрослых в формировании стратегии криминального поведения несовершеннолетних и его выбора в качестве ведущего при наличии правопослушной альтернативы [241].

Ценностная функция криминального социального окружения заключается в обосновании необходимости совершения преступления. Оно, с одной стороны, снижает чувство вины и сглаживает конфликт убеждений субъекта криминального поведения, с другой — оправдывает преступника в глазах окружающих. Так, у распространителей наркотиков ценностная функция окружения выражается в оправдании приема наркотиков и создания мотивации его употреб-

ления и продажи. Г. С. Беккер показал, что новички не способны обосновывать необходимость приема наркотиков и могут отказаться от употребления под давлением окружающих [181].

Совместная деятельность криминогенных лиц описывается зарубежными исследователями с помощью диадических (межличностных) и структурно-позиционных (групповых) моделей. В результате их построения оценивается роль отдельных родственников, друзей и групп сверстников в вовлечении в преступление и формировании преступного образа жизни [232].

Анализ современных представлений о ближайшем социальном окружении как факторе криминализации личности демонстрирует различия в его криминогенном значении. В целом, данные значения могут быть охарактеризованы как криминогенные, т. е. способствующие формированию криминальной направленности:

— в агрессивном и жестоком либо безразличном и игнорирующем потребности отношении со стороны членов семьи и родственников;

— в побуждении к совершению правонарушений или преступлений, склонению к аддиктивному поведению (со стороны семьи, родственников, соседей, сверстников);

— в пропаганде асоциального образа жизни, криминальных ценностей и криминального поведения.

Вторым направлением исследования отношений выступает их анализ внутри криминальных групп и сообществ, а также сообществ осужденных лиц в условиях пенитенциарных учреждений [216].

Анализ отношений опирается на предположение о том, что криминогенные лица объединяют свои усилия с другими людьми для достижения целей. Возникающая кооперация порождает процессы координации действий, затем распределения обязанностей, руководства и лидерства, оценки других людей и самооценки. В результате, каждый участник формирует отношение к членам группы, оценивает их и себя через призму совместной деятельности [118]. Соответственно, представление о взаимодействии включает в себя оценку действий других людей — помощи и поддержки, оценку своего вклада в общее дело — вовлеченности, ответственности за общий результат. Следуя Г.М. Андреевой, внутригрупповое взаимодействие порождает интенсивный информационный обмен, нацеленный не только на координацию действий членов группы, но и определение их отношения друг к другу [9].

Методология исследования базируется на социометрической (Дж. Морено), стратометрической (А. В. Петровский) концепциях социальных групп, теории социальных представлений (С. Московичи), методах сетевого анализа (М. Grannovetter) [204].

Предметом изучения выступают отношения и взаимодействия внутри преступных групп и сообществ, для чего анализируется количество их участников и интенсивность общения между ними, описываются типовые функции участников групп, значение статусных позиций и социально-психологические основания их получения [24]. Схожим образом оцениваются отношения в группах осужденных лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы (Ю. К. Александров, В. Ф. Пирожков, Е. Л. Сучкова, А. И. Ушатиков). Описание ими четырех категорий неформального статуса осужденных («черных», «красных», «мужиков» и «обиженных») основывается на трех видах представлений:

— социальных представлениях, определяющих отношение к преступлению и преступникам как социальной группе. Данное представление разграничивает лиц, поддерживающих преступный образ жизни и отказывающихся от него;

— субкультурных представлениях о допустимом и недопустимом в поведении осужденных в местах лишения свободы;

— индивидуальных представлениях о взаимодействии с другими осужденными и персоналом исправительного учреждения.

Исследователи выделяют разнородные характеристики криминальных лиц — лидерские (доминирование, готовность к соперничеству, способность организовать), регулятивные (планирование, самоконтроль, хладнокровие), ценностные (безнравственность, жадность, корысть) [157].

Зарубежные исследователи разрабатывают структурно-позиционные модели отношений, основывающиеся на сетевом подходе к взаимодействию. Разрабатываемые модели основываются на методологии сетевого подхода, описывающего участников отношений и отношений между ними в виде сети взаимодействия [182]. Ее применение позволяет характеризовать формальные (объем, состав, длительность взаимодействия, его интенсивность) и содержательные (отношения лидерства/подчинения, значимости и ценности группы) характеристики [187]. Так, в исследовании С. G. Roman с соавторами показано, что молодежная преступная группа в среднем может до 50% состоять из родственников и соседей. Большая часть ее участни-

ков значительное время проводит вместе, а в совместные криминальные действия вовлечены до 60% ее состава. Отношения между ними имеют гомогенный характер без существенных различий в статусе, лишь незначительная часть (до 1%) рассматривается ими в качестве высокостатусных лиц, выполняющих функции наставников, советчиков, учителей. Эмоциональное восприятие участниками друг друга в целом положительно, негативно оценивается лишь 11% участников группы [235]. Однако исследования с применением сетевого подхода показывают его ограничения в части способности прогнозировать совместные криминальные действия. В частности, выбор соучастников преступлений не всегда зависит от сплоченности отношений или длительности взаимодействия [227]. Зачастую на него влияет активность субъекта, ситуация, благоприятствующая совершению преступления, субъективная оценка опыта криминального поведения — «криминальной зрелости». Последний фактор находит подтверждение и в работах отечественных исследователей. В частности, А. М. Рябковым с соавторами установлено, что межличностное взаимодействие криминогенных лиц существенным образом определяется их отношением к криминальной субкультуре [131, 133].

Проводимые в рамках данного направления исследования объясняют статус в группах криминогенных лиц на докриминальном, криминальном и посткриминальном этапах жизнедеятельности, зависящими от направленности криминогенной личности. Данные, полученные на основе обработки внутригрупповых статусов участников групп, частоты контактов между ними, способа коммуникации, ролей и участия в преступлениях [182], свидетельствуют о значимости криминогенных свойств для занятия неформального статуса (авторитета) на докриминальном и криминальном этапах жизнедеятельности криминогенной личности.

Третьим направлением изучения социального окружения выступает контекст отношений, снижающих риск криминального поведения. Выполняемые исследования разрабатывают предположение о том, что отношение к социальному окружению может сдерживать криминогенность, способствуя отказу от противоправного поведения.

Социальное окружение влияет на отказ от преступных действий, осуществляя социализацию личности (Е. П. Белинская), обеспечивает удовлетворение потребностей, необходимых для жизнедеятельности (А. Л. Свенцицкий, П. Н. Шихирев), в т. ч. выступая в качестве источ-

ника материальных, социальных и иных ресурсов, которые социальное окружение предоставляет человеку (Л. Г. Почебут, А. Н. Татарко).

Немаловажной является способность социального окружения поддерживать криминогенных лиц, освободившихся после отбытия наказания, связанного с лишением свободы, в трудных жизненных ситуациях (Т. Л. Крюкова). В этой связи концепция «сопротивления криминализации», разработанная Ф. МакНейлом, базируется на предположении о том, что потребность в принадлежности к социальной группе, а также получения знаний и навыков являются ведущими условиями к правопослушному образу жизни. Реализация концепции выражается в образовании лицами, освобожденными из мест лишения свободы, связей с социальным окружением. При этом существенное значение имеют характеристики составляющих его лиц и групп. Так, зарубежные исследователи подчеркивают роль культурного разнообразия социального окружения, способствующего восприимчивости и терпимости по отношению к разным моделям поведения, взглядам и ценностям окружающих [206].

Поскольку социальное окружение криминогенной личности выступает разнородным образованием, члены которого вовлечены в него на разных этапах ее жизненного пути, их декриминализирующее значение определяется оценкой самого субъекта. При этом отношения к окружающим не только выступают средствами получения информации о правопослушном и неправомерном поведении, но и способны усиливать или ослаблять ее значение, ускорять или блокировать обмен ею [190].

К факторам, влияющим на правопослушное поведение личности, относится отношение к определенной части социального окружения как референтной и значимой. Референтное окружение значимо влияет на представление личности о себе и правопослушном поведении [210]. Данное влияние не является однородным и неодинаково на всем протяжении жизни. Многочисленные неустойчивые и поверхностные социальные контакты подростков заменяются на стабильные и глубокие отношения в зрелости и пожилом возрасте. Соответственно, меняется и сила влияния других людей на поведение человека, которая достигает максимума в детском и подростковом возрасте и снижается в зрелости. Но в сложных жизненных ситуациях (при распаде семьи, болезнях, потере работы, экономических проблемах) растет влияние референтных лиц из числа социального окружения на принятие решений и преодоление проблем.

Референтность членов семьи и близких родственников для криминогенных лиц описана зарубежными исследователями. В ходе изучения молодёжных банд С. Strocka отмечает, что их участники соблюдают нормы взаимодействия, предписанные ролями сына и отца [243]. Сопоставление семейной и криминальной социальной идентичности криминогенных лиц, выполненное Т. Р. LeBel с соавторами, показало, что направленность на исполнение роли отца и мужа снижает вероятность возобновления криминальной карьеры [217]. Вне воздействия криминального окружения асоциальное поведение может трансформироваться в законопослушное. Так, А. Dawes установлено, что нравственное поведение преступника изменяется при изменении социального окружения [192]. Можно заключить, что криминальная направленность реализуется тогда, когда преступник воспринимает себя таковым и получает подтверждение этому в социальном окружении. Безусловно, в этом процессе имеет значение психологическая близость и идентификация с преступниками из числа своего социального окружения. Так, Е. К. Asencio и Р. J. Burke выявили роль социального окружения в процессах поддержания криминализации осуждённых [180]. Полученные ими результаты демонстрируют, что оценка социального окружения оказывает дифференцированное влияние на криминальное поведение. В её формировании участвуют оценки и мнения ближайшего социального окружения (членов семьи и родственников), а также лиц, совместно с ними отбывающих уголовное наказание.

Дополнительные подтверждения влияния окружающих получены в исследованиях социального исключения и отчуждения. В них подчеркивается связь между отсутствием доверительных отношений и переживаниями одиночества и депрессии. Как отмечает Е. DiTommaso, негативные последствия социального отчуждения зависят не столько от количества собеседников, сколько от качества взаимодействия с ними [193].

Дополнительным фактором является влияние, оказываемое конкретной частью социального окружения на решения и поступки субъекта. Теоретические основания для определения влияния окружения могут представить социально-когнитивные теории поведения. В частности, в теории планируемого поведения (Theory of planned behavior) [240] предполагается, что намерение осуществления действия регулируется и представлениями об условиях, которые могут помочь действию осуществиться, либо барьерах, которые могут мешать. Необходимыми для предсказания параметрами выступают

три представления субъекта: а) о цели поведения; б) о последствиях (результатах) поведения; в) об оценке окружающими поведения. Их мнение относится к числу регуляторов поведения, останавливающих либо усиливающих его [64]. Измерение представлений о поведении, мнении окружающих и условиях осуществления позволяет предсказывать до 34% вероятности осуществления поведения и оказывает до 42% влияния на намерения его осуществить [201]. Альтернативные исследования показывают, что средняя корреляция между реализованным действием и компонентами модели составляет 0,49 для представлений, 0,34 для мнений окружающих, а также 0,43 для условий осуществления [178].

Вместе с тем в отношении криминального поведения влияние окружающих наиболее дифференцировано. Например, при планировании криминальных действий субъект оценивает факторы, способствующие, к примеру, хищению, достаточно произвольно: он принимает во внимание те, что позволят совершить кражу, и игнорирует риски быть пойманным при этом. Эти примеры показывают ограничения теорий планируемого поведения и свидетельствуют об иных факторах, составляющих механизм принятия решения [242].

В целом, подводя итоги, отметим, что субъектно-деятельностный подход позволяет рассмотреть отношения к социальному окружению через призму совместной деятельности. Значимыми для раскрытия ее значения в формировании отношений криминогенной личности можно считать такие принципиальные положения, как:

- развитие индивидуальных представлений о ценностях и смыслах деятельности, осуществляемой в ее индивидуальной и совместной формах;

- образования связей с отдельными лицами, группами и сообществами и занятие определенной социальной позиции в них;

- формирование образа жизни, обусловленного профессиональной деятельностью, пространственно-временным режимом труда и отдыха.

Подводя итоги параграфа, отметим, что субъектный, субъектно-средовой и субъектно-деятельностный подходы к исследованию социального окружения личности обладают достаточными теоретическими и методологическими возможностями для изучения и объяснения отношений криминогенной личности к социальному окружению.

Вместе с тем, отмечая разработанность в рамках субъектного подхода феноменологии отношений криминогенной личности с соци-

альным окружением, следует признать ее недостаточной и нуждающейся в дополнительном изучении.

Комплекс эмпирически установленных психологических и социально-психологических вопросов, характеризующих отношения криминогенной личности с социальным окружением, весьма значителен. Теоретические объяснения детерминации отношений криминогенной личности, разнородного и разнокачественного характера связей с социальным окружением, специфика отношений криминальных групп и сообществ локальны и разобщены. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки проблематики отношений и об использовании субъектного подхода в качестве ее методологического основания.

3.2. Теоретические представления о социальном окружении криминогенной личности

Термин «социальное окружение» используется в различных социальных науках — психологии, педагогике, социологии. Под социальным окружением подразумевают семью и близких родственников, друзей и коллег и даже незнакомых людей, ситуативно взаимодействующих с человеком. При этом основания причисления людей к социальному окружению остаются неясными. Ими могут быть связи, обусловленные социальным функционированием человека (участием в группах, сообществах), а могут быть межличностные взаимоотношения, в том числе возникшие под влиянием кратковременных чувств.

Социальное окружение личности является разнородной общностью, состоящей из индивидов, групп и сообществ. Интенсивность его изучения в юридической психологии уступает исследованиям семейного окружения, других неформальных и формальных групп. Однако интерес заключается в изучении той части социального окружения криминогенной личности, что формируется на основе личного решения, а не только условиями жизнедеятельности, актуализирует данное направление исследований.

В настоящее время подхода к определению понятия «социальное окружение личности» не выработано, а существующие направления исследований условно могут быть разделены на (а) социально-психологическое, описывающее окружение личности через призму членства в социальных группах и сообществах, и (б) личностное, разрабатываемое в психологии личности.

В социально-психологическом контексте социальное окружение представляется интегральным образованием, включающим членов семьи, близких родственников, друзей и коллег, участников неформальных и формальных групп. Основанием для включения в социальное окружение выступает представление субъекта о связи с группой или сообществом. Так, например, в концепции сетевого подхода социальное окружение рассматривается в виде сети социальных связей, центрированных на ее субъекте — личности [211]. Содержание связи варьируется широко и может обозначать общение, совместную деятельность, формальные отношения (например, родственные).

С позиции психологии личности социальное окружение представляет собой фрагмент психологического пространства личности [67], образованного на основе системы психологических отношений человека к обществу, социальным группам и отдельным людям. Представление о членах социального окружения формируется на основе субъективных категорий, производных от психологических свойств пространства. Характеризуя социальное окружение криминогенной личности, отметим, что его образуют межличностные отношения, совместное взаимодействие, а также социально-структурные характеристики групп и сообществ, в которые она вовлечена. Перечисленные основания позволяют систематизировано представить отношения с каждой из рассмотренных категорий, исходя из типичных оснований их образования.

Предполагая, что социальное окружение формируется и определяется совокупностью взаимодействий криминогенной личности, характеристики данных взаимодействий могут применяться для категоризации социального окружения. Их применение позволяет упорядочить субъектов, составляющих социальное окружение, а также дифференцировать качества данных отношений. Подобный способ формализации представляет социальное окружение в виде условной группы, центром которой выступает криминогенная личность, а другие ее участники определяются на основании связей или отношений, возникающих в ходе их взаимодействия.

Состав социального окружения является разнородным по характеру включенных в него людей, социальных групп и сообществ. Основываясь на критерии интенсивности и стабильности социальных связей, а также постоянстве состава их участников, окружение криминогенной личности может быть упорядочено в виде нескольких категорий [67]. В частности, может быть выделена категория близкого окру-

жения, участниками которой считают членов семьи и родственников, друзей и коллег. Как правило, между ними существует определенный уровень доверия, позволяющий обсуждать интимную информацию и удовлетворять непубличные потребности.

Второй категорией социального окружения могут быть охарактеризованы лица, объединенные совместной деятельностью в рамках групп и сообществ. На этом основании выделяется учебное, профессиональное, спортивное, досуговое и другие составляющие социального окружения.

Третьей категорией социального окружения личности выступают отношения, образованные в сообществах, объединённых совместным существованием. В условиях города оно предполагает проживание в многоквартирных домах, посещение магазинов, проезд в общественном транспорте и другие локализованные в определенном пространственно-временном диапазоне действия, формирующие социальное окружение человека. Его участники (соседи, дворники, продавцы, водители городского транспорта и др.) выходят за пределы формально-ролевых моделей поведения. Обмениваясь информацией и обсуждая волнующие их события, участники упрощают собственное существование, получая советы, эмоциональную поддержку и реальную помощь от окружающих.

Четвертой категорией социального окружения выступают наименее устойчивые и нестабильные связи, краткосрочно возникающие в процессе взаимодействия с незнакомыми людьми. При всей скоротечности, поверхностности отношений они выступают важной компонентой социального окружения криминогенной личности, поскольку представляют собой ситуации, в которых складываются наилучшие возможности удовлетворения ее потребностей криминогенным способом. Фактически, именно квазигрупповые отношения в местах общественного пользования (транспорт, магазины, больницы и т. п.) и отдыха (парки, скверы, кино, музеи и т. п.) обладают необходимым уровнем анонимности, повышающим вероятность успешного совершения преступления [56].

Рассмотрение организации социального окружения нуждается в анализе социальных структур, опосредующих отношение личности. Со структурной точки зрения социальное окружение состоит из конкретных социальных групп (семьи, коллег, других неформальных групп и сообществ), участником которых является субъект. Анализируя взаимодействие людей, исследователи установили, что его сред-

ние размеры варьируются в диапазоне 10–15 социальных групп, охватывая 300–500 человек [226]. При этом следует учесть, что социальное окружение человека расширяется по мере взросления. Так, социальное окружение ребенка может ограничиваться 3–5 социальными группами (50 людьми), а школьника — достигать 7–10 социальных групп (200–300 человек).

Характер отношений между участниками социального окружения определяется нормами и правилами, функциями и ролями, выполняемыми субъектом в социальных группах. Можно заключить, что социальное окружение личности по составу участников и характеру взаимоотношений обусловлено и в значительной мере предопределено их социальным функционированием.

Вместе с тем взаимодействие человека с социальным окружением подразумевает нечто большее, нежели общение или совместную деятельность. Социальное окружение выступает ключевым фактором самоопределения и социализации личности, ресурсом адаптации к трудным жизненным ситуациям, средством удовлетворения потребностей и достижения целей. Для выполнения этих функций взаимодействие участников, включенных в социальное окружение, должно достигать определенного уровня развития. Исследователи рассматривают его в виде характеристик «доверия» (А. Б. Купрейченко), «взаимности» (Дж. С. Хоманс), «взаимопонимания» (А. А. Духновский), «приватности» (С. К. Нартова-Бочавер), «ценностно-смысловой направленности на участников взаимодействия» (Н. Р. Салихова). Можно полагать, что эти проявления характеризуют степень ценности (референтности) участников социального окружения для его субъекта. Изучая показатели референтности лиц, входящих в социальное окружение, становится возможным выявить социальную направленность человека, определить область его устремлений и интересов.

Следует отметить, что социальное окружение активно преобразовывается личностью в процессе жизнедеятельности. Причиной его трансформации выступает стремление человека к самореализации. Находясь в поиске возможностей для воплощения своих жизненных планов, человек активно взаимодействует с окружающими людьми, устанавливает и преобразует отношения с ними. Как следствие прилагаемых усилий, социальное окружение изменяется — расширяются социальные связи, возникают межличностные отношения. Динамика

отношений определяется способностями организовывать совместную деятельность и координировать ее.

Таким образом, социальное окружение является сложным социально-психологическим образованием, представляющим собой совокупность социальных связей личности с другими людьми.

Параметры социального окружения задаются его социально-структурной, референтной и интерактивной организацией. Характеристиками социально-структурной организации социального окружения выступает число участников и их социально-статусные позиции, особенности взаимоотношений и взаимодействия. Характеристиками референтной организации отношений с социальным окружением выступают состояние и содержание межличностных отношений с другими людьми, репрезентирующее их значимость. Интерактивную организацию социального окружения характеризуют способности субъекта к организации взаимодействия и взаимоотношений с другими людьми, в том числе к установлению новых отношений либо прекращению уже имеющихся.

Описанные характеристики представляют наиболее общее содержание отношений между социальным окружением и личностью. Современные исследования указывают на многоаспектное влияние социального окружения не только в части побуждения к совершению конкретного преступления, но и формирования правонарушающего мировоззрения. Их анализ показывает, что социальные отношения преступника образуют социально-психологическое пространство, в контексте и под влиянием которого формируется преступный замысел. Так, близкие люди зачастую выступают причиной преступления, кроме того, они выступают его соучастниками. В то же время именно близкие люди ресоциализируют преступника, помогая ему изменить представления и ценности с антиобщественных на социально значимые.

В академических работах, посвященных криминогенным лицам, социальное окружение рассматривается в контексте нескольких основных проблем. Ими выступают побуждение к совершению преступления, вовлечение в противоправное (преступное) сообщество, контроль за совершением преступлений и влияние на отказ от преступного образа жизни. Данные проблемы раскрывают области влияния социального окружения, показывая его способность стимулировать преступление, побуждать к участию в преступной группе, а также способствовать прекращению антиобщественного образа жизни.

Влияние социального окружения личности на принятие решения о преступлении. Е. Н. Sutherland, автор одной из первых концепций криминального влияния социального окружения, объясняет его инструментальными и ценностными аспектами [245].

Инструментальная составляющая влияния заключается в формировании у субъекта представления о цели, способе и средствах совершения преступления. Так, преступники и лица с криминальной направленностью нередко обмениваются друг с другом знаниями, делятся опытом совершения преступлений [237]. Общение неблагополучных подростков характеризуется еще большим уровнем влияния на формирование преступной мотивации, чем взрослых. Исследователи отмечают, что вхождение в группу сверстников с антисоциальным поведением практически всегда приводит к криминализации подростка [188]. Подростки и молодежь, не имеющие родителей или воспитывающиеся в неполной семье, наиболее восприимчивы к инструментальному влиянию социального окружения — они чаще участвуют в насильственных преступлениях, употребляют наркотические средства [188].

Ценностная составляющая влияния социального окружения заключается в обосновании необходимости совершения преступления. Данное обоснование, с одной стороны, снимает чувство вины и сглаживает конфликт убеждений субъекта преступления [211], с другой — оправдывает преступника в глазах окружающих. Так, в группах наркоторговцев ценностная функция выражается в оправдании приема наркотиков, однако она сопровождается еще и фасилитирующей функцией, снижающей влияние социального контроля [185]. Изучение общения новичков со «старыми» участниками таких сообществ показало, что новички не способны обосновывать необходимость приема наркотиков и могут отказаться от употребления под давлением окружающих. Наркоманы со стажем не только не отказываются от употребления, но и активно доказывают пользу наркотиков.

Эффект влияния социального окружения определяется четырьмя характеристиками, среди которых, наряду с частотой оправданий, продолжительностью и приоритетом, значение имеет социальный статус лица, предоставляющего оправдание. Также следует отметить, что социальное окружение преступника снижает интенсивность переживания им чувства вины. Так, участники преступной группы обладают более высоким уровнем самооценки и уверенности, в отличие

от преступников-одиночек, испытывающих снижение самооценки после участия в преступлении [225].

Следует отметить, что влияние социального окружения опосредовано характером социальных отношений с ним человека. В частности, проживание в районе с высоким уровнем преступности обуславливает меньший риск совершения преступления по сравнению с наличием близких отношений с людьми, разделяющими криминальные ценности. Применяя для обозначения этой закономерности понятие «индивидуализированное соседство» (personnel neighborhoods), F. L. Sweetser, обосновывает важность изучения межличностных отношений для точного определения риска криминализации [246].

Вовлечение в криминальные группы. Социальное окружение может побуждать к участию в группах с антиобщественной и криминальной направленностью. Психологическими предпосылками для этого выступают явления социальной дезорганизации и социальной категоризации.

Социальная дезорганизация отношений выражается в снижении возможности удовлетворения потребностей легальным способом [239]. Совершение преступлений снижает влияние дезорганизации, позволяя добиться необходимого уровня жизни. Следует отметить, что преступные сообщества удовлетворяют не только жизненные потребности (в еде, жилище, средствах к существованию, безопасности), но и социальные. Так, участие в преступной группе позволяет получить статус, уровень которого определяется возможностями влияния на окружающих. Повышение статуса позволяет участнику рассчитывать не только на безопасность, но и на уважение окружающих, власть над ними, признание и пр. Снижение статуса или его потеря влечет за собой риск перейти в категорию жертвы, в том числе для своих же сообщников. Таким образом, криминальный образ жизни компенсирует недостатки социальной организации.

Вместе с тем участие в преступной группе требует принятия норм и правил поведения. Изучая их содержание, R. Horowitz пришел к выводу, что такой «кодекс» провозглашает уважение, мужество и честь основными нравственными категориями участника преступного сообщества, но их проявление выражается через агрессию по отношению к жертвам, участникам других сообществ, полицейским, жителям [209].

Социальная категоризация относится к механизмам социального познания, выражаясь в формировании представлений криминоген-

ной личности, а также приписывании их социальным группам. Распространенным проявлением категоризации выступает стигматизация. Признание стигмы (негативной, нежелательной социальной категории) является основанием для отождествления с категорией лиц, обладающих схожей стигмой. Результатом категоризации выступает осознание единства, закрепление принадлежности к преступной группе, сообществу [236].

Следует отметить, что социальная категоризация тесно связана с самокатегоризацией — определением человеком себя в терминах социальных категорий. Самокатегоризация воплощается в социальном поведении, принятии решений и совершении поступков, подтверждающих принадлежность к социальной группе. В концепции криминальной социальной идентичности, разработанной D. Boduszek и P. Nyland, отмечается, что процесс самокатегоризации, проходящей в неблагоприятных условиях — криминальном социальном окружении, в сочетании с неспособностью личности к построению независимого от окружающих образа себя (самоопределения), может приводить к формированию криминальной идентичности [185].

Побуждение к прекращению антиобщественного образа жизни. Декриминализирующее влияние социального окружения выражается в снижении уровня криминализации и переходе к правопослушному образу жизни. Как показывают исследования, одним из условий декриминализации выступает изменение представлений преступника о себе [222]. Этот процесс характеризуется снижением эгоцентрической и развитием социцентрической и правопослушной направленности. Исследованием W. Gove установлено, что преступники, отказываясь от эгоцентризма в пользу заботы о других, принимают общественные ценности и ведут себя социально надлежащим образом, стремятся конструктивно выстраивать отношения с окружающими, проявляют заботу о других в своей деятельности, а также стремятся определить собственный смысл жизни в обществе [203]. К схожим выводам приходит G. B. Trasler, выявляя просоциальную направленность ценностных установок у ресоциализированной молодежи [252].

Роль социального окружения в декриминализации выражается в создании условий для формирования соответствующих представлений о себе. Трудности перехода к правопослушному образу жизни заключаются во взаимосвязи двух психологических причин: самообви-

нении и неспособности эффективного взаимодействия с социальным окружением.

Самообвинение базируется на переживании чувства вины и низкой самооценке, социальной стигматизации. Ощущение вины, стыда вызывает защитную психологическую реакцию и, как показали исследования, приводит либо к росту криминального поведения, либо к дезадаптации, реакциям «бегства» и аутодеструктивным действиям [250]. Самообвинение завершается конструктивно тогда, когда преступник обладает возможностью возместить причиненный ущерб, восстановить последствия своего проступка.

Второй составляющей декриминализации выступает формирование межличностных отношений. Исследования социального взаимодействия преступников показали низкое качество отношений с другими людьми. Так, высокая сплоченность преступных групп оказалась обусловленной механизмами группового давления, опасениями преследования со стороны правоохранительных органов, мести жертв или агрессии со стороны соучастников преступления [214]. Также E. Rabon с коллегами установили, что участники преступных групп, как правило, испытывают недостаток интимности и привязанности в их отношениях [231]. Ключевое значение для социального контроля преступников имеет установление отношений доверия и взаимопонимания [189]. По-видимому, развитие подобных отношений повышает референтность социального окружения.

Объясняя декриминализацию с позиции теории социального капитала, следует отметить, что преступникам присущ ограниченный объем ресурсов, которыми они могут распоряжаться для решения собственных жизненных проблем. Соответственно, формирование способности к установлению межличностных отношений позволит образовывать отношения поддержки и помощи.

Подводя итоги параграфа, сформулируем выводы.

1. Анализ исследований показывает, что социальное окружение изучается, в основном, в связи с криминальным поведением — в аспектах вовлечения или прекращения. Вместе с тем обобщение позволяет утверждать, что значение окружения многообразно и выходит за его рамки, сказываясь на всей жизнедеятельности криминогенной личности.

2. Психологические аспекты влияния социального окружения на криминогенную личность являются разнородными:

а) социальное окружение может усиливать криминальную направленность, фасилитируя чувство вины, помогая избегать социального контроля. Существенное значение имеет криминальная направленность социального окружения, определяющая ценности и нормы взаимодействия;

б) социальное окружение может оказывать декриминализирующее влияние тогда, когда создаются предпосылки для изменения самоотношения криминогенной личности.

3. Предпосылками для формирования отношений к социальному окружению является субъективная значимость входящих в него лиц, групп, сообществ.

3.3. Значение социального окружения в жизнедеятельности криминогенной личности

В различных отраслях психологической науки обращение к социальному окружению используется для объяснения причин взаимодействия с окружающими людьми, группами и обществом в целом. Существующие представления раскрывают различные аспекты влияния социального окружения на личность — от психологического развития и социализации до самоопределения и самореализации. Наиболее общей категорией, применяемой в психологической науке для характеристики многообразной активности личности в виде единого и предельно обобщенного понятия, выступает жизнедеятельность.

Понятие *жизнедеятельности личности* в психологической науке в наиболее общем виде определяется как совокупность видов внутренней и внешней активности человека в конкретных условиях его существования (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, и др.). Подобный интегральный характер жизнедеятельности личности пронизывает все виды ее деятельности и, с позиции субъектного подхода, нацелен на созидание жизненного пути в соответствии с индивидуальным смыслом жизни [32]. Для характеристики жизнедеятельности правопослушных лиц разработаны и применяются понятия «жизненный путь», «жизненный опыт», раскрывающие многообразие деятельностей, которые осуществляет личность, ее активное и целенаправленное стремление к реализации жизненных планов.

Однако применительно к криминогенной личности зачастую рассматриваются только виды деятельностей и сферы жизни, характеризующие участие в совершении преступлений. Подобное пред-

ставление обусловлено задачами выявления и разоблачения преступников и не преследует цели изучения психологических закономерностей преступности [155]. Поэтому характеристика жизнедеятельности криминогенной личности решает лишь задачи уголовного судопроизводства и оптимизации следствия [90].

Представляется целесообразным рассмотреть жизнедеятельности криминогенной личности шире, изучая все присущее ей многообразие взаимодействий и взаимоотношений. Значимым является лишь определение этапов жизнедеятельности, в которых существенным образом изменяются условия ее регламентации. Ими выступают докриминальный, криминальный и посткриминальный этапы, предшествующие преступлению, связанные с его совершением и последующими за ним мерами уголовного преследования и уголовного наказания.

Такое определение не противоречит существующим в научном обороте терминам, определяющим жизнедеятельность криминогенной личности. Так, например, понятие «жизненный путь» включает в себя предпосылки криминализации на разных этапах развития личности, а понятие «жизненный опыт» характеризует опыт преступной деятельности и отбывания наказания [10].

Следует отметить, что в исследованиях криминогенной личности ее социальное окружение, как правило, рассматривается фактором криминализации, влияние которого заключается в побуждении к преступлению, либо объектом виктимизации, подвергшемся криминальным посягательствам. В обоих случаях учету не подвергаются аспекты жизнедеятельности, выходящие за пределы преступления.

Вместе с тем в общепсихологических исследованиях значение социального окружения описано в процессах принятия решения и регуляции деятельности, побуждения и мотивации, переживаниях сотрудничества и соперничества. Роль социального окружения растет в сложных жизненных ситуациях. Именно окружающие оказывают помощь и поддержку, помогают осмыслить происходящее и выбрать наилучший способ поведения, преодолеть препятствия и пережить их последствия. При всей многоплановости влияния социальное окружение криминогенной личности остается сложным и недостаточно изученным социально-психологическим образованием. Объяснение этому видится в существующем в современной юридической психологии комплексе представлений о социальном окружении как явлении, вторичном по отношению к изучению криминогенной личности и высту-

пающим в качестве показателя ее антиобщественной и криминальной направленности.

В изучении детерминации криминогенности социальное окружение подвергается анализу как фактор криминализации либо условие ресоциализации. При этом внимание исследователей фокусируется на отдельных компонентах окружения — составляющих его людях, группах и сообществах и на конкретных этапах жизнедеятельности криминогенной личности. В результате, накопленные научные сведения и факты имеют дискретный характер, не позволяя рассмотреть весь спектр значений социального окружения криминогенной личности. Поэтому в рамках параграфа описываются не только криминогенные, но и просоциальные виды взаимодействия, а также оцениваются особенности их проявлений на разных этапах криминализации личности.

Анализ публикаций, раскрывающих значение окружения в жизнедеятельности криминогенных лиц, позволяет систематизировать их в несколько направлений:

а) *проблемы социального функционирования* обусловлены ведением криминального образа жизни (отсутствием жилья, незавершенным образованием, отсутствием профессии (специальности), легальным опытом трудовой деятельности), а также зависимостями и заболеваниями, социальной дезадаптацией вследствие отбывания наказания, связанного с лишением свободы.

Криминальный (или преступный, в трактовке В. И. Игнатенко [72]), образ жизни в большинстве случаев нарушает процессы социального функционирования личности, поскольку связан с прекращением образования и трудовой деятельности вследствие получения нелегальных доходов или риска подвергнуться уголовному преследованию, ограничением взаимодействия с конкретными лицами, ведущими противозаконную деятельность [90]. Внимание исследователей фокусируется на социальном функционировании криминогенных лиц на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах жизнедеятельности. Их анализ показывает, что декриминализация невозможна без восстановления социального функционирования. Трудности социального функционирования приводят к рецидивной преступности, выражающейся в том, что 61,5% лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, осуждены к лишению свободы второй и более раз [126].

Отсутствие жилья, недостатки образования и низкая квалификация не позволяют получить постоянный источник дохода и при наличии заболеваний, зависимостей в совокупности влияют на совершение нового преступления [92]. Социальное окружение компенсирует недостатки социального функционирования, предоставляя жилье, участвуя в получении правовой, материальной и медицинской помощи. Данные функции выполняют и члены семьи, родственники, друзья и знакомые, а также институциональные структуры — органы социальной защиты и учреждения социального обслуживания населения, службы социального сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Однако результативность их деятельности не всегда способствует решению проблем.

Ряд исследователей отмечает, что социальное функционирование криминогенных лиц на пенитенциарном и постпенитенциарном этапе может обеспечиваться неформальными этническими и религиозными группами [104], этническими сообществами [95], криминальными группировками [144]. Эта тенденция сохраняет дезинтеграцию криминогенных лиц, поддерживает их антиобщественную и криминальную направленность.

б) *оказание социально-психологической помощи.* Изучаются установление различных видов социально-психологической помощи криминогенным лицам на криминальном, пенитенциарном и постпенитенциарном этапах жизнедеятельности.

Социально-психологическая помощь на криминальной стадии в научной литературе рассматривается в контексте внутригрупповых отношений правонарушителей и преступников. Ее целями являются преодоление конфликтов и противоречий между членами преступной группы, снижение чувства вины за совершаемые действия, а также тревоги, связанные со страхом разоблачения и уголовного преследования.

Следует согласиться с Н. А. Крайновой в том, что совершение преступления является серьёзным десоциализирующим фактором [84], который, по нашему мнению, вызывает слом социальных отношений как в отношениях между личностью и обществом, так и внутри социальных групп, участником которых является криминогенная личность.

Теоретические представления об оказании социально-психологической помощи различным категориям социального окружения [138], а также их значение как ресурса преодоления трудных жизненных

ситуаций [11] может быть транслировано на криминогенную личность. Согласно S. E. Hobfoll, социальная поддержка — это вид взаимодействия субъектов, нацеленный на дополнение (восполнение) утраченных либо отсутствующих ресурсов [208]. Для людей с ограниченными возможностями поддержка является условием жизнедеятельности, поскольку только с ее помощью могут быть удовлетворены витальные потребности. В научной литературе отмечается, что потребность в поддержке и помощи возрастает на пенитенциарном этапе жизнедеятельности криминогенной личности.

Во-первых, вследствие необходимости адаптироваться к условиям ограничения или лишения свободы на стадиях расследования уголовного дела и, впоследствии, при отбывании наказания в исправительном учреждении. Переживания пенитенциарного стресса обусловлены изменением привычного образа жизни, нарушением сформированных способов удовлетворения потребностей, ожиданиями уголовного наказания и прекращением значимых отношений [100].

Во-вторых, к жизнедеятельности в условиях отбывания наказания в местах лишения свободы, в том числе связанных с неформальными отношениями с сотрудниками исправительного учреждения, иными осужденными. Привлечение к уголовной ответственности приводит к преобразованию социального окружения путем исключения определенной его части [33], разрушению неформальных социальных связей, в том числе с членами семьи [37], родственниками и друзьями [92, 93].

В-третьих, в преддверии окончания отбывания наказания при адаптации к жизнедеятельности вне исправительного учреждения [96]. В этот период повышается чувство тревоги перед будущим, вызванное, в том числе, отсутствием социальных навыков, необходимых для обеспечения желаемого образа жизни [7]. В пенитенциарных условиях возрастает значение семьи и близких родственников. Они выступают ресурсом преодоления стрессов, в том числе психотравмирующих факторов, связанных с отбыванием наказания [165]. Вместе с тем на стадии отбывания наказания у ряда осужденных нередко отмечается разрыв семейных отношений и прекращение брака [149]. Зачастую члены семей, ведущие антиобщественный образ жизни, не общаются с осужденным или вовсе прекращают отношения с ним. В свою очередь, со стороны криминогенных лиц наблюдаются неадекватное восприятие и непонимание членов семьи, родственников и друзей, а также устойчивые отрицательные чувства по отношению к ним.

Следует отметить, что социально-психологическая поддержка со стороны лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в научной литературе освещается преимущественно под углом зрения повышения криминогенности. В частности, об этом пишет В. В. Лунеев, говоря о негативном влиянии криминогенных лиц на осужденных, выражающемся в закреплении криминальных мотивов в криминальные убеждения [98]. А. Н. Михайлов отмечает, что в социально-психологической помощи нуждается группа лиц, склоняющаяся к просоциальным ценностям, но испытывающая страх перед освобождением. Данная группа обладает наименьшим риском рецидива по сравнению с лицами с высоким неприятием социальных ценностей и норм, а также с сочетанием как асоциальных, так и просоциальных установок [103].

Оценивая эффективность ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, А. Р. Абуталипов подчеркивает, что степень нравственно-психологической устойчивости бывших осужденных в процессе их адаптации к условиям свободы зависит от преодоления чувств страха, растерянности, беспомощности, агрессии, равнодушия, возникающих при взаимодействии с социальным окружением [5].

в) формирование *самоотношения криминогенных лиц под влиянием социального окружения* подвергается изучению на докриминальном, криминальном и посткриминальном этапах жизнедеятельности.

В ряде работ отмечается, что социальное окружение посредством воздействия на данные компоненты представления криминогенной личности о себе способствует изменению ее поведения. Психологическая характеристика данных процессов неоднократно описывалась отечественными исследователями.

Криминогенная личность оценивает себя в контексте совместных с другими людьми действий, ориентируясь на их представления и оценки ее поведения. Соответственно, ее представление восходит к социальной оценке эффективности ее действий, которые, фактически, противоречивы — часть окружающих негативно оценивает правонарушения и преступления, тогда как другая часть может их одобрять и поддерживать.

Конечно, нарушения самоотношения объясняются еще и тем, что в ходе уголовного преследования преступники находятся в ситуации, требующей публичного признания вины, а впоследствии, в исправительном учреждении, это уже не требуется, что влияет на их самоотношение и самооценку.

Взаимодействие с социальным окружением криминогенной личности ориентировано на поддержание идеального «образа-Я», исключая раскаяние за антиобщественный поступок, сочетающееся с самооправданием, позитивно-завышенную самооценку, эгоцентрическую и суверенную позицию во взаимодействии с окружающими людьми.

Следует подчеркнуть, что значения отношений зависят от норм, ценностей групп и сообществ, представлений и установок участвующих в них криминогенных лиц. Воплощаясь в виде социальных представлений, они формируют отношения, стереотипы и установки социального окружения криминогенных лиц. Следует отметить, что данные представления не являются однородными, поскольку у отдельных социальных слоёв, сообществ и социальных групп мнение о преступниках может быть противоположным. Ряд из них отрицают преступление и осуждают преступников, склонны ограничивать взаимодействие с преступником, вытесняя либо вовсе исключая его из системы отношений.

Согласно данным А. Г. Финаевой, формирование и поддержание отношений зависит от отношения членов семьи к мотивам преступления и форме вины. Лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, а также экономические преступления, вызывают большую поддержку у членов семьи, нежели за преступления против жизни, половой неприкосновенности [5].

С учётом изложенного, можно отметить, что самоотношение криминогенной личности включает в себя представление о себе, формируемое на основе оценок окружающими ее как участника совместных действий и взаимоотношений, дополненное самооценкой. Роль правопослушных и криминогенных членов социального окружения в их влиянии на криминогенную личность дифференцируется, во-первых, в части разнородных представлений и оценок ее поведения, а во-вторых, меняется в зависимости от задач адаптации и ресоциализации, а также постпенитенциарной реинтеграции в общество.

В целом, можно заключить, что социальное окружение криминогенной личности представляет собой разнородную совокупность людей, групп и сообществ. Социальное окружение может быть условно разделено по критериям интенсивности и частоты взаимодействия на несколько категорий, каждая из которых обладает определенным значением.

Социальное окружение выступает необходимым условием жизнедеятельности криминогенной личности поскольку:

а) обеспечивает ее социальное функционирование на криминальном и посткриминальном этапах в ситуациях адаптации к социальным условиям;

б) предоставляет социально-психологическую поддержку;

в) влияет на формирование самооотношения и самооценки на разных стадиях криминализации.

Взаимодействие с социальным окружением криминогенной личности характеризуется недостаточной надежностью, проявляющейся в агрессивно-враждебных реакциях, неисполнительности, обманах, попустительстве, отказе от совместных действий.

Значение конкретных людей, групп и сообществ, составляющих социальное окружение криминогенной личности, разнородно. Так, декриминализация осужденных лиц, как правило, осуществляется за счет членов семьи и ближайших родственников, а криминализация — посредством взаимодействия с отдельными криминогенными лицами и (или) их группами. Существенное значение имеют участники ближайшего социального окружения с криминальной направленностью (члены семьи, родственники, друзья).

Изменение отношений зависит от криминальной (либо) правопослушной направленности криминогенной личности, которая сказывается на ее способе социального функционирования, оказании социально-психологической поддержки, формировании самооотношения и самооценки.

Объяснение различиям может быть обусловлено как изменениями в жизнедеятельности криминогенной личности на разных этапах ее криминализации, так и субъективными представлениями об окружающих, обуславливающими отношение к ним. В связи с этим целесообразным является описание детерминант отношений криминогенной личности, влияющих на ее взаимодействие с социальным окружением.

3.4. Детерминанты трансформации отношений криминогенной личности к социальному окружению

Трансформация отношений криминогенной личности к социальному окружению выступает одним из актуальных аспектов ее изучения, объясняющих рост или снижение общественной опасности, риска совершения правонарушений и преступлений. Несмотря на не-

значительное количество исследований, охватывающих все этапы жизнедеятельности криминогенной личности, наиболее рассмотренными являются докриминальный и посткриминальный этапы жизнедеятельности.

Докриминальный этап формирования отношений описан в работах, посвященных криминализации несовершеннолетних и молодежи, описывающих отношения к себе, людям, группам, разным сторонам общественной жизни через призму девиантного поведения. Исследования, охватывающие посткриминальный этап, обращены к категории осужденных лиц либо отбывающих наказание, либо отбывших его и адаптирующихся к условиям жизни вне исправительного учреждения. Результаты данных исследований обычно представлены в виде дополнений и уточнений общепсихологических концепций личности и ее отношений, но не используются для разработки концепции отношений криминогенной личности. Таким образом, выполнение обобщения является значимым для развития теоретических знаний о криминогенной личности, описания закономерностей ее развития. В контексте этого находят решение вопросы трансформации отношений криминогенной личности, психологические объяснения которых недостаточно представлены в юридической психологии.

Теоретические основания научных представлений об изменении отношений криминогенной личности разработаны на материале правопослушных лиц. Их основу составляют теории и концепции развития личности, раскрывающие преобразования отношений в связи с возрастными изменениями, социальным и профессиональным развитием, заболеваниями.

Характеризуя личность и отношения человека, В. Н. Мясищев отмечает, что изменение отношений к объекту обусловлено изменением представления об этом объекте [109]. Изменение свидетельствует как о пересмотре (например, уточнении, расширении) представления об объекте, так и об изменениях субъекта, воспринимающего данный объект, приводящих к изменению значений, смыслов, в которые вовлечено отношение к объекту. Поэтому, следуя позиции В. Н. Мясищева, изменение отношений следует связывать с изменением сознательного отношения к действительности.

Специфика изменения отношений личности рассматривается в социально и индивидуально детерминированных контекстах (З. И. Рябикина, А. В. Брушлинский, Е. А. Сергиенко, Е. Б. Старовойтенко, Р. Н. Шамионов), однако соотношение рассматриваемых в них

факторов, механизм их регуляции и их результирующее взаимодействие различаются. Так, к примеру, Р. Н. Шамионов, анализируя соотношение индивидуализированных и социотипичных отношений личности, оценивает меру их совпадения, соприкосновения либо противоположности. На этом основании он выделяет субъектность как способность регуляции отношений, присущих личности. Личность, находясь в субъектной позиции организации собственных отношений, по мнению Р. М. Шамионова, формирует их на основе бытийного опыта, духовных поисков и ценностно-смысловых предпочтений [168]. Следуя Е. А. Сергиенко, индивидуально-психологический контекст в большей степени характеризует субъектные факторы, тогда как социально-пси-хологический контекст раскрывает закономерности личности [139]. В ее представлении, именно согласованность субъектных и личностных характеристик приводит к формированию зрелых форм поведения.

По мнению А. В. Брушлинского, общественные движущие силы перемещаются на личностный и социально-психологический уровень деятельности, сознания и поведения реальных людей как субъектов [21]. В представлении Е. Б. Старовойтенко, отношения личности характеризует богатство взаимосвязей с другими людьми. Они являются универсальными, общими, типичными или уникальными, но для любой из них характерно общественное, или коллективное, содержание. По ее мнению, устойчивые свойства собственных отношений личности выступают ее «сущностным ядром», интегрирующим общественно-типичное и индивидуально-неповторимое [151]. Для З. И. Рябикиной, разрабатывающей субъектно-бытийный подход к личности, развитие субъектности связано с накоплением опыта разрешения противоречий в отношениях с другими людьми и миром. Таким образом, создание и решение бытийных противоречий личностью является способом ее развития, при этом именно личность определяет выбор целей и ресурсов для их достижения субъектом [130].

Обобщая высказанные исследователями позиции, можно заключить, что отношения криминогенной личности могут быть рассмотрены в контексте двух групп обуславливающих их факторов:

— социальных и социально-психологических, раскрывающих влияние общества, групп и отдельных лиц;

— индивидуальных (субъектных), отражающих направленность личности, выражающих ее стремление к реализации собственных жизненных планов, достижения целей.

При этом криминогенная личность подвержена влиянию специфических и отличных от правопослушной личности социально-психологических факторов. К ним следует отнести влияние нескольких социальных и групповых представлений о преступлении и преступнике, которые регулируют взаимодействие членов сообществ и групп друг с другом. В их числе:

1. Представление о законе и преступлении, норме поведения и правонарушении, воплощенное в общественном сознании. Представления подкреплены мерами наказания за их нарушение, устанавливаемыми институтами государства и отдельными сообществами. Спектр воздействия на нарушителя достаточно широк и определяется с учетом интересов государства, общества, социальной группы и конкретной личности, являющихся, как правило, объектом криминальных посягательств [14].

Как отмечает О. А. Гулевич, представления о преступлении и преступнике разнородны и могут иметь взаимоисключающий характер, но, несмотря на это, они являются основанием для формирования соответствующего отношения и поведения [34]. Основу взаимодействия составляет представление об опасности криминогенных лиц для них самих, их близких, той части общества, которую они представляют.

Изучая представления о преступлении, И. Б. Бовина и Б. Г. Бовин установили, что ядро представления о преступлении составляет факт нарушения закона и общественной нормы, а его моральная оценка выносится на периферию, тогда как представление о преступнике базируется на понятии о вине (виновный) и дополняется оценкой его поведения (плохое/хорошее). Оценочное значение представления о преступнике и преступлении опосредовано типом преступления. Так, например, представление о преступнике-«маньяке» у мужчин и женщин описывается как противозаконность, так и социальная опасность поведения, оценка которого у женщин стоит на первом месте, а у мужчин на втором [20]. Под влиянием данных представлений формируется модель взаимодействия с лицами, оцениваемыми как правонарушители и преступники, а также с сотрудниками правоохранительных органов в ситуации криминальных посягательств.

В содержание социальных представлений включены и модели взаимодействия с криминогенными лицами. В научной литературе они рассматриваются в контексте стигматизации — маркирования определенных лиц по признаку их принадлежности к категоризации криминализированных — преступников и осужденных. В исследова-

нии Е. Л. Сучковой установлено, во-первых, что стигматизация выражается в определении признаков криминогенных лиц по основанию совершения ими преступления, во-вторых, что в рамках данной стигмы преобладающей стратегией взаимодействия с категорией преступников выступает дистанцирование, формы которого — ограничение взаимодействия вплоть до разрыва отношений [154]. Оценка образа осужденных в медиасфере, выполненная И. Г. Ясавеевым, показывает наличие в нем признаков опасности, угрозы и способствует стимулированию страха [174]. В исследовании Н. П. Ячменевой и Н. Е. Симонович отмечается, что стратегиями взаимодействия право послушных лиц с бывшими осужденными являются избегание и отстранение, однако их формирование осуществляют не только сами опрошенные, но их родители и старшие родственники [175].

Можно заключить, что социальное представление о криминогенных лицах неоднородно и отличает преступников от осужденных. При отсутствии комплексных исследований по данной теме анализ публикаций, охватывающих проблематику, показывает, что представление о преступнике опосредовано представлением о типе преступления и основывается на оценке его опасности для группы и общества в целом. Представление об осужденных сопряжено с представлением о преступнике, однако имеет более негативную эмоциональную оценку, обусловленную описанием условий жизнедеятельности. Стратегии взаимодействия с преступниками и осужденными в общественном представлении совпадают и выражаются в ограничении взаимодействия с ними.

2. Представление о преступлении и правонарушении и условий их допустимости, составляющее основу субкультуры определенно-го сообщества, ценностно-нормативных оснований функционирования группы.

Функционалистский подход к исследованию субкультур позволяет представить ее социально-психологическим механизмом, позволяющим участникам достигать социально заданных целей криминальным способом. Девиантная субкультура рассматривалась альтернативным способом самореализации. Р. Мертон, в частности, утверждал, что появление субкультуры обусловлено неспособностью жителей городских трущоб достигать целей, декларируемых массовой культурой, а ее существование легитимизировало допустимость асоциальных способов обретения материального благополучия и статуса [101]. Таким образом, субкультура групп и сообществ, допускающая со-

вершение преступлений и правонарушений участниками, представляет собой социально-психологический механизм, дающий возможность добиваться установленных целей криминальным способом.

Оценивая характер криминальных посягательств, поддерживаемых различными субкультурами, отечественные исследователи отмечают высокий уровень общественной опасности, связанный с криминальной и радикально-религиозными культурами. Отечественные и зарубежные исследования подтверждают, что криминальная субкультура обладает высоким уровнем криминогенности. Она провозглашает гедонистический образ жизни, оправдывая насилие и жестокость в качестве методов его достижения, обесценивает культуру труда и социального порядка [19]. Популярность субкультуры объясняется совокупностью причин: во-первых, упрощением стратегии социального успеха, декларирующей возможность применения насилия для его обретения; во-вторых, признанием допустимыми социальных девиаций — алкоголизма, наркомании, проституции; в-третьих, виктимностью отдельных категорий населения (лиц без определенного места жительства, мигрантов, ведущих асоциальный образ жизни, и др.), способствующей получению первичного опыта криминального воздействия [160].

В целом, субкультура, легитимизирующая совершение преступлений и правонарушений, может легитимизировать притязания на удовлетворение жизненных и социальных потребностей, способствуя признанию ценностей, установок и моделей криминального поведения [60]. Так, к примеру, представления участников криминальных субкультур содержат ряд норм и предписаний, ограничивающих социальное взаимодействие. Ими могут выступать запреты на обращение в правоохранительные органы, искаженное восприятие отдельных социальных групп (например, обесценивание сотрудников органов внутренних дел, лиц без определенного места жительства), подчинение участников криминального сообщества друг другу в зависимости от иерархии, возможность проявления насилия к нижестоящим по статусу участникам группы и вероятность подвергнуться насилию со стороны более статусных участников, жестокость наказаний за нарушение отдельных норм и правил группы [18]. Кроме того, порицаемым в отдельных молодежных криминальных группах является занятие трудовой деятельностью и профессиональное обучение [99].

Наравне с криминальными, субкультуры, присущие радикальным религиозным группам, легитимизируют совершение преступле-

ний и правонарушений в отношении лиц, придерживающихся иных религиозных убеждений или вовсе не имеющих их. Влияние субкультур подобных групп на молодежь выходит за пределы духовной сферы и распространяется на самоопределение и социальную идентификацию. Она формирует одну из «осей» своеобразной мировоззренческой системы координат, закладывая основу оценки себя, других людей, событий, общества в целом [65]. Как следствие, формируемые ими представления о допустимости совершения преступлений не подвергаются критической оценке и становятся основанием для криминальных посягательств в отношении широкого круга лиц, чьи убеждения и поведение не соответствует представлениям о религиозности.

Обобщая, отметим, что влияние субкультур может способствовать изменению представлений криминогенных лиц и способствовать усилению их криминогенности. Под влиянием насаждаемых ими антиобщественных представлений криминогенная личность планирует и реализует свое взаимодействие с другими людьми, группами и обществом в целом.

Изменения индивидуальных представлений, способствующие изменению отношений к социальному окружению у криминогенных лиц, рассматриваются преимущественно на посткриминальном этапе жизнедеятельности. Объяснением этому выступает проводимая в учреждениях исполнения наказаний профилактическая работа, нацеленная на декриминализацию осужденных лиц и стремление к изменению их направленности.

Процесс изменения отношений на пенитенциарном этапе жизнедеятельности криминогенной личности можно описать с помощью предложенных Е. Г. Багреевой стадий: (а) десоциализации, нацеленной на разрушение асоциальных ценностей и установок, и (б) ресоциализации, включающей адаптацию и вторичную социализацию [15]. Схожим образом рассматривает ресоциализацию В. А. Уткин, считая необходимым восстановление тех отношений личности, что способствуют ее возвращению к полноценной жизни [158]. Комплекс задач ресоциализации в представлении И. И. Евтушенко состоит: из сохранения социально полезных связей у лиц, отбывающих наказание, связанное с лишением свободы, исправления осужденных и подготовки их к освобождению; снижения неблагоприятного воздействия окружающей социальной среды; трудоустройства и бытового устройства по ме-

сту жителя; контроля за выполнением условий условно-досрочного освобождения [45].

Отношения криминогенной личности к социальному окружению, к реализации жизненных планов, достижению целей в условиях отбывания уголовного наказания, связанного с лишением свободы, как правило, дифференцируются в зависимости от присущей ей направленности. Рассматриваются два типа направленностей — криминальная, выражающаяся в поддержке противоправных ценностей, ценностей антиобщественного образа жизни, готовности к совершению преступлений, и правопослушная, проявляющаяся в осуждении криминального поведения, выполнении законов и норм, готовности к адаптации после освобождения.

Предметом изучения выступает комплекс представлений о себе, других людях, криминальном окружении, жертвах преступных посягательств, существующих на докриминальном этапе. Данный комплекс представлений сопоставлялся с комплексом отношений, существующим на посткриминальном этапе. Изменения отношений оцениваются по когнитивным и эмоциональным компонентам, а также поведенческому компоненту, включающему побудительные и регулятивные составляющие. Изменение отношений характерно для лиц с низким уровнем криминогенности (в их числе осужденные впервые, за преступления по неосторожности, имеющие образование, семью), тогда как у лиц с высоким уровнем криминогенности (неоднократно осужденных, в том числе за совершение насильственных и корыстно-насильственных преступлений) и сохраняющейся криминальной направленностью такое отношение не изменялось.

Зарубежные исследователи описывают схожие результаты, показывая, что снижение криминогенности сопровождается комплексом изменений в самоотношении и отношении к другим людям. Это выражается в переосмыслении своего отношения к преступлению, отказе от идентификации себя в качестве преступника, прекращении отношений с членами преступной группы. В то же время, поскольку данные изменения происходят на пенитенциарном этапе, оценка силы эффекта, как правило, затруднена вследствие прекращения связи с отбывающим наказание после его освобождения.

Представленные в академической литературе исследования раскрывают разнородный комплекс причин, порождающих неудачи ресоциализации бывших осужденных и изменения отношений к социальному окружению. Рассмотренные характеристики были обобщены

в три группы: (1) социальные условия; (2) личностные особенности; (3) отношения с социальным окружением.

1. Неблагоприятные социально-экономические условия жизнедеятельности существенно повышают риск совершения новых преступлений бывшими осуждёнными. Так, О. В. Филиппова с соавторами, анализируя предпосылки рецидивной преступности, указывает, что их основной причиной является отсутствие источника дохода. Согласно приводимым ими данным опроса осуждённых-рецидивистов, 73,5 % назвали отсутствие работы причиной совершения нового преступления [161]. При этом, как отмечает А. Д. Денисов, лица, совершившие рецидив, характеризуются низкой трудовой активностью, имеют полное или неоконченное среднее общее образование, не имеют высокой квалификации [37]. К числу причин исследователи относят отсутствие у осуждённых, освобождающихся из мест лишения свободы, документов, устанавливающих личность, имущественных и иных прав, отсутствие постоянного места проживания. Ряд причин обусловлен негативным воздействием на криминогенную личность последствий заболеваний, травм, стрессовых и экстремальных факторов. В совокупности факторы и условия жизнедеятельности оказывают влияние на криминогенную личность, приводя к изменению уже имеющихся отношений к социальному окружению. Исследователи отмечают, что изменения социальных условий жизнедеятельности в посткриминальный период характеризуются увеличением трудностей социального функционирования, требующих адаптации и, как следствие, изменения отношений.

2. Личностные особенности выступают одним из препятствий для ресоциализации криминогенных лиц и основанием сохранения или увеличения криминализации их отношений к социальному окружению. Е. Ф. Сердюкова, диагностируя особенности ценностно-мотивационной сферы лиц, осуждённых за преступления против собственности, отмечает их нежелание изменять свои привычки и склонности [140].

Характеризуя особенности самореализации лиц, осуждённых за совершение тяжких преступлений, О. А. Цветкова и О. В. Волкова выявили выраженную у них конфликтную стратегию самореализации. Для неё характерны агрессивность в отстаивании интересов, стремление к самоутверждению за счёт других людей при отсутствии ясного плана на будущее [163]. Неспособность и нежелание бывших осуждённых выстраивать социально положительный образ жизни,

срыв и возвращение к криминальному поведению также отмечается О. М. Писаревым в качестве личностной особенности, сформированной вследствие длительного отбывания наказания [120].

Ряд исследователей выделяет криминальную направленность личности в качестве глобального фактора, влияющего на изменение отношения к окружающим на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях посткриминального этапа жизнедеятельности. Исследователи по-разному характеризуют ее проявления, выделяя внешнюю сторону (криминальную зараженность, сохранение культуры общения и взаимодействия, свойственной осужденным) [21], а также внутреннюю, субъективную (подверженность криминальным ценностям, сохранение криминальной идентичности, отрицание правоопослушного образа жизни) [83]. Криминальная направленность, как правило, изменяется на пенитенциарном этапе, снижаясь у одних и сохраняясь или повышаясь у других осужденных, что находит свое проявление и в изменении отношения к социальному окружению. Динамика криминальной направленности на пенитенциарной стадии характеризуется нарушением либо соблюдением условий отбывания уголовного наказания, неподчинением либо подчинением сотрудникам исправительного учреждения [147], вхождением в неформальные группы осужденных, в том числе и криминальной направленности [35].

3. Отсутствие связей с членами семьи, родственниками либо враждебно-конфликтные отношения с ними представлены в качестве причины нарушения ресоциализации. Так, анализируя результаты опроса осужденных, Н. В. Ольховик и Л. М. Прозументов отмечают, что новые преступления обусловлены утратой социальных связей, негативным психологическим воздействием социальной среды и ухудшением социальных условий [115]. Характеризуя социальное взаимодействие бывших осужденных, Е. В. Распопин выявил негативные формы взаимоотношений, способствующие вовлечению в занятия противоправными деяниями, и неблагоприятные социально-экономические условия, способствующие рецидиву [125].

Обобщение представлений позволяет сформулировать ряд выводов, объясняющих предпосылки формирования отношений криминогенной личности к социальному окружению:

— во-первых, изменения отношений криминогенной личности к социальному окружению соответствуют криминальному и посткриминальному (пенитенциарному и постпенитенциарному) этапам ее жизнедеятельности;

— во-вторых, изменения обусловлены социально-психологическими и индивидуальными (субъектными) факторами, которые сказываются на социальном функционировании, изменяют условия взаимодействия с другими людьми, группами и обществом в целом;

— в-третьих, криминальная направленность и криминогенность социального окружения стабилизируют отношения криминогенной личности к социальному окружению.

Подводя итоги, подчеркнем, что изменения отношений криминогенной личности, происходящие в условиях уголовного преследования, отбывания наказания и последующей адаптации к жизни в обществе, подчинены задачам реализации жизненных целей и планов — самореализации. Предполагая, что самореализация выступает главенствующей психологической детерминантой активности криминогенной личности, охарактеризуем ее сущность. Согласно С. И. Кудинову, самореализация является комплексной по организации и результативной по характеру воплощения формой поведения личности, реализующей субъектность [86]. В таком представлении самореализация выступает комплексным образованием, интегрирующим в себе такие процессы, как самоактуализация, самовыражение, самоутверждение, самораскрытие, самосовершенствование [51]. Следуя разработанной С. И. Кудиновым концепции, самореализация обеспечивает постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности. По мнению К. А. Абульхановой самореализация базируется на самопознании, самоопределении и готовности личности к воплощению представления о себе [2]. Для Н. В. Овчаренко самореализация выступает воплощением личностью имеющихся способностей в жизнь в целях самоутверждения [114]. В ее трактовке самореализация является рутинным и утилитарным процессом, предполагающим достижение, в том числе и личностно значимых, эгоистических целей. В представлении И. Б. Дермановой самореализация сопряжена с самовыражением, самопроявлением и самоутверждением личности [39].

Следует согласиться с Р. М. Шамионовым в том, что изменения зрелой личности характеризуется особым отношением к социальной ситуации, в которой пребывает личность, имеющая опыт и навык усвоения социальной информации, привычные механизмы (которые до определенной степени не нарушаются), наконец, субъектную позицию, сформированную на протяжении определенного времени; кроме того, она имеет отличные механизмы и институты [169].

Отсутствие комплексных исследований самореализации криминогенной личности ставит вопрос о восполнении отсутствующих научных знаний о роли социального окружения в ее реализации. Их дефицит не позволяет в полной мере раскрыть сущность самореализации, определить соотношение составляющих ее социально-типичных и индивидуально-специфических компонент, выявить роль социального окружения в ее осуществлении. Как следствие, снижается эффективность психологической коррекции криминогенной личности.

Подводя итоги параграфа, отметим основные выводы.

1. Трансформация отношений к социальному окружению характерна для лиц, совершающих преступления, подвергшихся уголовному преследованию, отбывающих уголовное наказание, в том числе связанное с лишением свободы, а также лиц, вынужденных адаптироваться к жизнедеятельности вне исправительного учреждения.

2. Детерминация отношений криминогенной личности к социальному окружению вызвана стремлением к самореализации, субъективно представленной как воплощение личностно значимых целей. Детерминация предполагает формирование отношения и его изменение к лицам и группам, а также обществу в целом как составляющим социальное окружение.

3. Анализ научных представлений о трансформации отношений криминогенной личности показал, что наиболее существенное влияние оказывают социальные условия криминального и посткриминального этапов жизнедеятельности.

4. Обусловливающее влияние на трансформацию отношений к социальному окружению оказывает:

а) комплекс факторов, связанных с социальными, групповыми представлениями о преступлении и преступнике и выраженных в виде социального и группового давления (стигматизация);

б) влияние референтных лиц, групп и сообществ, составляющих социальное окружение криминогенной личности;

в) динамика криминальной направленности криминогенной личности, изменения которой влияют на отношение к окружающим на этапе отбывания наказания и адаптацию к социальным условиям жизнедеятельности после освобождения из мест лишения свободы.

Выводы главы

1. Отношения криминогенной личности к социальному окружению на этапе административного надзора характеризуются четырьмя видами закономерностей:

- а) регламентацией социальных условий жизнедеятельности;
- б) неоднородностью представлений о приемлемости криминального поведения в группах и сообществах;
- в) разнородностью ценностно-нормативных основ взаимоотношений с социальным окружением;
- г) искажением представлений о себе как субъекте отношений (неадекватностью представлений о своих возможностях и несоответствием представлений о себе их социальной оценке).

2. Разнородность и изменчивость отношений криминогенной личности к социальному окружению может быть адекватно описана посредством применения методологии системного подхода, позволяющего охарактеризовать отношения как сложноорганизованное комплексное образование, интегрирующее психологические, социально-психологические и социальные аспекты образования, изменения и формы проявления.

3. Использование субъектного подхода к описанию отношений криминогенной личности позволяет раскрыть специфику деятельности, взаимодействия и жизнедеятельности, показать возможности криминогенной личности в преобразовании социальных условий для достижения субъективно значимого результата.

4. Социальное окружение криминогенной личности соучаствует в ее жизнедеятельности на разных этапах криминализации, выполняя:

- а) инвариантные функции, обусловленные: необходимостью адаптации к социальным условиям жизнедеятельности на ее криминальном и посткриминальном этапах; изменениями самоотношения в связи с совершением преступления, уголовным наказанием, связанным с лишением свободы, реинтеграцией после освобождения из мест лишения свободы; соучастием в самореализации в разных социальных условиях жизнедеятельности;

- б) вариативные функции: на докриминальном этапе (содействие противоправному образу жизни); криминальном этапе (организация преступления, содействие его осуществлению, укрывательство); посткриминальном этапе (пенитенциарной и постпенитенциарной стадии) способствующие ресоциализации либо криминализации личности.

5. Феноменология отношений криминогенной личности к разным субъектам социального окружения может быть представлена в виде структуры, уровни которой составляют отношения к конкретным участникам социального окружения, группировки этих отношений, а также обобщенного отношения к социальному окружению в целом.

5. Трансформация отношений к социальному окружению вызвана социальными условиями криминального и посткриминального этапов жизнедеятельности, а также социальными и групповыми представлениями о преступлении и преступнике; влиянием референтных лиц, групп и сообществ, составляющих социальное окружение криминогенной личности.

6. Криминальная направленность криминогенной личности выступает условием, влияющим на отношение к окружающим на этапе отбывания наказания и адаптацию к социальным условиям жизнедеятельности после освобождения из мест лишения свободы.

Глава 4

ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ КРИМИНОГЕННОЙ ЛИЧНОСТИ К СОЦИАЛЬНОМУ ОКРУЖЕНИЮ

4.1. Организационно-методические основания технологии

В психологической науке технологии являются способом и средством применения научного знания для решения практических задач. Под технологией в исследовании будет пониматься совокупность цели и задач формирования отношений к социальному окружению, нацеленных на самореализацию в социальных условиях жизнедеятельности, а также модели, раскрывающей процесс психологического сопровождения и алгоритма, репрезентирующего его реализацию.

Разработка технологии направлена на эффективное практическое применение положений структурно-функциональной концепции отношений криминогенной личности к социальному окружению в целях снижения риска повторного совершения преступлений и правонарушений, повышения уровня их социального функционирования и психологического благополучия.

Следует отметить, что в психологической науке к настоящему времени не сформировался единый методологический подход к психологическому сопровождению, несмотря на высокую востребованность работы с криминогенными лицами. Психологическое сопровождение осуществляется в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных с различным уровнем криминализации [81, 148] и сроками отбывания наказания [47], возрастом и полом [46]. Его целями выступает психологическая адаптация и ресоциализация данных лиц, профилактика различных форм деструктивного поведения, содействие воспитательному воздействию в целях исправления.

Согласно федеральному закону от 24.07.1997 3 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» психологическое сопровождение несовершеннолетних и молодежи, склонной к противоправному поведению, осуществляется в целях превенции и профилактики безнадзорности и беспризорности, сопровождения образовательного процесса для несовершеннолетних, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода.

Можно видеть, что практика психологического сопровождения криминогенной личности сформирована в федеральных органах ис-

полнительной власти в сфере образования, исполнения наказаний, внутренних дел. Решаемые данными специалистами задачи нацелены на осуществление:

а) превенции, коррекции и профилактики правонарушающего поведения;

б) изменений криминогенного комплекса свойств личности, включающих криминогенную направленность, криминальные ценности;

в) ресоциализации и реинтеграции лиц, освобожденных из мест лишения свободы и испытывающих трудности в адаптации.

Опыт методической и практической работы учреждений и специалистов в сфере психологического сопровождения криминогенных лиц воплощен в комплексах эффективных форм и методов психологической коррекции и реабилитации. В этой связи разработка технологии необходима для интеграции в уже реализуемую систему мероприятий по индивидуально-профилактической работе по профилактике преступлений и правонарушений, технологии формирования отношений криминогенной личности к социальному окружению. Технология стандартизирует психологическое сопровождение отношений криминогенных лиц по направлениям адаптации к социальным условиям жизнедеятельности, изменения самоотношения и содействия в самореализации.

Основанием технологии выступает концепция структурно-функционального анализа отношений криминогенной личности. Ее положения подтверждены теоретическими и эмпирическими исследованиями и апробированы в деятельности специалистов, осуществляющих индивидуальную профилактическую работу по профилактике преступлений и правонарушений, в том числе среди несовершеннолетних. Ими являются:

а) сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие индивидуальную-профилактическую работу с лицами, подвергнутыми административному надзору органов внутренних дел, несовершеннолетними и их родителями, законными представителями;

б) педагогические работники образовательных организаций, выполняющие обязанности по обучению, воспитанию обучающихся;

в) педагоги-психологи (психологи в сфере образования) в образовательных организациях и центрах психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи.

Целью психологического сопровождения отношений выступает: развитие у лиц с разным уровнем криминогенности, способности

к формированию конструктивных отношений к социальному окружению, обеспечивающих возможности адаптации к социальным условиям жизнедеятельности; формирование самоотношения, вовлечение социального окружения в самореализацию.

Достижение цели обеспечивается решением задач целеполагания, диагностики, проектирования, реализации и рефлексии, в совокупности составляющих концептуальную модель психологического сопровождения (ее организация и содержание обсуждается в параграфе 4.2).

Модель психологического сопровождения представляет собой совокупность компонент и последовательность их реализации, необходимых для решения задач сопровождения. Модель является самостоятельным компонентом технологии, раскрывающим организационно-методическое построение сопровождения, проектирования психологических программ, условий их осуществления и критериев оценки эффективности. Реализация модели обеспечивается алгоритмом социально-психологического сопровождения отношений (представлен в параграфе 4.3). Алгоритм определяет специфику сопровождения с учетом осуществляющих его субъектов, стратегий, а также индивидуально-психологических особенностей криминогенной личности и уровня криминализации, социальных условий ее жизнедеятельности.

Следует отметить, что отдельные компоненты технологии (диагностики, проектирования, алгоритмизации) могут использоваться в качестве составляющих иных программ социальной, психологической и педагогической работы с лицами, склонными к преступлениям и правонарушениям. Так, методики изучения и оценки характеристик отношений криминогенной личности могут применяться в качестве психодиагностического инструментария оценки риска криминализации, а сведения о закономерностях и особенностях отношений криминогенной личности к социальному окружению — включаться в организационно-методические разделы социально-психологических и социально-педагогических программ предупреждения и профилактики девиантного, деструктивного и противоправного поведения.

Принципами реализации технологии выступают:

— просветительская направленность, предполагающая формирование у сопровождаемых лиц общественно значимых, научно обоснованных и устойчивых представлений об отношениях к социальному окружению, их значении в жизнедеятельности;

— комплексность воздействия, заключающаяся в оценке и учете всех закономерностей и детерминант отношений к социальному окружению, факторов и условий, в которых они формировались и изменялись;

— компетентность специалиста, предполагающая наличие способности к адекватному, полному и точному применению знаний и методик в практической деятельности;

— добровольное участие сопровождаемого, являющееся необходимым условием его вовлечения в программы психологического сопровождения отношений;

— индивидуализация, выражающаяся в построении и реализации сопровождения с учетом индивидуально-психологических особенностей сопровождаемого и социальных условий его жизнедеятельности.

Основными формами *реализации* сопровождения выступают:

1. *Информирование*, заключающееся в предоставлении сопровождаемому лицу сведений о последствиях его отношений к социальному окружению, значениях социального окружения в целях профилактики преступлений и правонарушений. Осуществление информирования не требует специального психолого-педагогического образования, однако при наличии соответствующей подготовки позволяет мотивировать сопровождаемого к осознанию, оценке и регуляции собственных отношений к окружающим. Это чаще всего осуществляется в рамках административного надзора, устанавливаемого за криминогенными лицами органами внутренних дел. Согласно федеральному закону от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» надзор предполагает оказание на поднадзорных лиц индивидуального профилактического воздействия, нацеленного на снижение риска совершения ими преступлений и правонарушений. Поскольку содержание воздействия на поднадзорных лиц в настоящее время не регламентировано, это позволяет его субъектам — сотрудникам органов внутренних дел — использовать информирование в качестве основного инструмента воздействия.

2. *Психологическое просвещение*, нацеленное на предоставление сопровождаемому знаний о психологических закономерностях отношений к социальному окружению, их функциях и структуре с целью их совершенствования. Психологическое просвещение является формой профилактической деятельности, реализуемой психологическими

службами учреждений образования, исполнения наказаний [166], что позволяет осуществлять работу над формированием отношений лиц, склонных к совершению преступлений и правонарушений, в рамках единого теоретического основания. Это создает основания для преемственности методов и средств просветительского воздействия.

3. *Психологическое консультирование*, представляющее собой способ оказания психологической помощи [123] по изменению личностью отношений к себе, другим, группам и сообществам, обществу в целом. Психологическое консультирование обеспечивает коррекцию и развитие представлений личности, способствующих переоценке значения его участников в жизнедеятельности, приводящих к изменению отношений к лицам (группам), образующим окружение личности.

Осуществление психологического консультирования требует профессионального обучения и дополнительной профессиональной подготовки, позволяющей проводить его с лицами, совершившими преступления, либо склонными к этому.

4. *Социально-психологический тренинг*, нацеленный на изменение представлений его участников об отношениях к окружающим, коррекцию и развитие представлений, формирование способностей по их образованию и регуляции. Тренинг предусматривает информационные и дискуссионные формы работы, практические упражнения в парах и группах, индивидуальную тренировку, деловые и ролевые игры, самостоятельную работу участников, специальные техники психологического воздействия и средства получения обратной связи. По сравнению с другими формами психологического сопровождения он более эффективно позволяет передавать информацию, обучать, формировать и развивать сопровождаемых лиц. Вместе с тем подготовка тренинга и его проведение является более трудоемкой работой, нуждающейся в высокой квалификации специалиста-психолога. Разработка тренинга с криминогенными лицами требует не только подготовки информационного, интерактивного и коммуникативного компонент его содержания, но и способности создавать условия, способствующие психологическому воздействию на участвующих лиц.

Оценивая формы применения технологии, следует отметить, что наиболее эффективной формой ее реализации в отношении несовершеннолетних и молодежи является психологическое (социально-психологическое) консультирование, а в части развития способности к формированию отношений — социально-психологический тренинг.

Необходимо подчеркнуть, что формы реализации технологии (за исключением информирования) требуют привлечения специалистов, имеющих психологическое образование. При этом категория лиц, способных осуществлять информирование, не имеет ограничения и ориентирована на специалистов, имеющих высшее образование и овладевших способностью обеспечивать решение профессиональных задач психологическими методами, средствами и приемами*.

С учетом изложенного, следует отметить, что условием реализации технологии выступает *подготовка специалистов*, привлекаемых к ее осуществлению. Подготовка направлена на формирование необходимой квалификации для организации и реализации форм психологического сопровождения. Также подготовка направлена на формирование знаний о структурно-функциональных особенностях отношений криминогенных лиц у специалистов, взаимодействующих с криминогенными лицами.

Прохождение обучения является необходимым основанием для осуществления индивидуальной профилактической работы с лицами, подвергнутыми административному надзору, а также для организации и проведения психологической работы в формах психологического информирования, консультирования и социально-психологического тренинга. Оценка специалистов, осуществляющих психологическое сопровождение криминогенных лиц, должна учитывать их подготовленность к осуществлению психологического консультирования, а также проведению социально-психологических тренингов.

Важное значение имеет оценка уровня криминализации лиц, подвергающихся психологическому сопровождению, в том числе опыта криминального насилия и виктимности. Как показывает исследование, специфика их социального функционирования, в том числе наличие трудностей и проблем жизнедеятельности, уровень и проявление криминогенной направленности, субъективные представления о собственной жизни и личностно значимых целях, существенно различаются у криминогенных лиц различных возрастов. Поэтому содержание мероприятий психологического сопровождения, поставленные в них цели и задачи должны соответствовать описанным осо-

---

* В качестве примера приведено описание способности выпускника-специалиста, обучающегося в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования — специалитета по специальности 40.05.02 — правоохранительная деятельность (https://base.garant.ru/74636596/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000 (дата обращения: 21.04.2024)).

бенностям. Игнорирование этого снижает эффективность психологического сопровождения. Прохождение подготовки должно способствовать приобретению умений и навыков:

— проведения организационных мероприятий, посвященных выбору форм и методов программы сопровождения, стратегии ее реализации;

— оценки структурных характеристик социального окружения и субъективного отношения к его членам, функционирования (дисфункции) отношений в части задач адаптации, формирования самоотношения и соучастия в самореализации;

— анализа эффективности программы сопровождения, проведения ее модернизации, адаптации общепсихологических и специальных методов диагностики, консультирования и коррекции в целях повышения ее эффективности.

Апробация модели психологического сопровождения при подготовке специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации по специальности 40.03.02 — обеспечение законности и правопорядка, специализация «Организация деятельности участкового уполномоченного полиции», в рамках соответствующих дисциплин* продемонстрировала эффективное формирование профессиональных компетенций в части способностей осуществления наблюдения за соблюдением лицами, состоящими под административным надзором, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими предусмотренных законодательными актами обязанностей, осуществления профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Поскольку реализация технологии осуществляется методами психологического консультирования и социально-психологического тренинга, для его осуществления целесообразно избирать теории и концепции, позволяющие оказывать воздействия на когнитивную, регулятивную и ценностную сферы криминогенной личности. Как показал анализ индивидуально-психологических особенностей криминогенной личности, отношения криминогенной личности к социальному окружению выступают способом решения задач адаптации и самореализации, в то время как перечисленные компоненты яв-

---

* Дисциплины «Административная деятельность полиции», «Организация деятельности участкового уполномоченного полиции».

ляются предпосылками криминализации, сочетающимися с трудностями жизнедеятельности.

Игнорирование индивидуально-психологических особенностей не позволяет осуществить комплексное воздействие на личность и добиться позитивных изменений в отношениях к окружающим в долгосрочной перспективе. С этой целью при проведении психологической работы следует фокусироваться на механизмах формирования индивидуальных представлений, оценивать сформированность регулятивной сферы криминогенных лиц (способности к самоуправлению произвольной активностью, саморегуляции психических состояний) и планировать мероприятия по ее коррекции и развитию.

Существенное значение в построении отношений имеет ценностная сфера криминогенной личности, в связи с чем реализация программы сопровождения должна предусматривать измерение иерархии ценностей, коррекцию эгоцентрических и антиобщественных ценностей (при их выявлении), развитие социцентрических ценностей и направленности на правовое поведение. Реализация технологии должна основываться на оценке интегральных отношений криминогенной личности к социальному окружению, выражаемых в виде ее позиции по отношению к обществу, своему месту в данных отношениях.

4.2. Модель психологического сопровождения отношений криминогенной личности к социальному окружению

Психологическое сопровождение как метод предупреждения и профилактики криминального поведения получил достаточное распространение в образовательной, правоохранительной и исправительной сферах деятельности государственных институтов и общественных объединений. К достоинствам психологической работы следует отнести:

- во-первых, возможность использования для оказания превентивного воздействия без ограничения или лишения свободы;
- во-вторых, продолжительность эффекта воздействия, приводящего к изменению представлений, установок и ценностей криминогенных лиц;
- в-третьих, широтой воздействия на различные категории лиц, склонных к преступному и правонарушающему поведению.

К категориям криминогенных лиц, нуждающихся в психологическом сопровождении, исследователи и практики относят в первую

очередь несовершеннолетних и молодежь, а также лиц, впервые совершивших преступления, в том числе преступления небольшой и средней тяжести.

Представленная модель психологического сопровождения отношений криминогенных лиц характеризует совокупность этапов и задач психологической работы с различными категориями криминогенных лиц. Модель позволяет сопоставлять используемые в практике модели психологического сопровождения и при необходимости интегрировать ее компоненты в более крупные системы сопровождения криминогенных лиц.

Модель включает пять этапов (компонент) организационно-методической, диагностико-планирующей, практической и рефлексивной направленности, а также задач, решаемых на каждом из них (рис. 1).

Структура модели соответствует традиционной этапно-компонентной организации психологического сопровождения лиц, склонных к девиантному, противоправному поведению, применяемой психологическими службами учреждений образования [41], исполнения наказаний в России [170] и за рубежом [97].

Рисунок 1. Модель психологического сопровождения отношений криминогенной личности к социальному окружению

Представленными в модели этапами психологического сопровождения выступают:

1. *Этап целеполагания*, на котором определяются цели психологического сопровождения, описывается методическая работа по формулированию задач и построению процедуры сопровождения. Основаниями постановки целей являются теоретико-методологические представления о структурно-функциональных характеристиках отношений к социальному окружению, а значимым условием их определения выступает уровень криминализации сопровождаемого лица. Поскольку лица ситуативно-криминогенного типа отличаются по своим криминогенным свойствам и криминальной направленности от устойчиво-криминогенных, намечаемые цели должны учитываться при разработке стратегии. Также целесообразно учитывать имеющийся опыт сопровождения схожих категорий криминогенных лиц, наиболее эффективные формы и методы работы с ними.

2. *Этап диагностики*, нацеленный на анализ социальных условий жизнедеятельности криминогенной личности и характеристик социального окружения. В зависимости от специалиста, осуществляющего сопровождение, диагностика может иметь социальную, социально-психологическую и психологическую формы. Каждая из них предполагает изучение отдельных аспектов отношений:

а) социальная диагностика: уровень социального функционирования (наличие удостоверяющих документов, постоянного места проживания, дохода (характера трудовой занятости, профессии), наличие заболеваний, ограничивающих или ухудшающих социальное функционирование;

б) социально-психологическая диагностика:

изучение объема и стабильности отношений, характеристик вовлеченных в социальное окружение лиц, наличия барьеров в отношениях к другим людям и группам и иных характеристик;

изучение отношений к социальному окружению, характеризующее их функциональное состояние, правопослушную либо криминогенную направленность личности сопровождаемого;

в) психологическая диагностика: изучение индивидуально-психологических особенностей криминогенной личности, обуславливающих отношения к социальному окружению, регуляцию и ценностно-смысловые основания их образования.

В результате диагностики устанавливается специфика отношений, связанная с трудностями адаптации, искажениями самоот-

ношения и проблемами самореализации в социальных условиях жизнедеятельности.

3. *Этап проектирования* заключается в определении направлений, форм и методов психологической работы в ходе сопровождения.

Направлениями сопровождения отношений выступают:

а) образование социальных связей и взаимодействия с лицами, группами и сообществами, обеспечивающими адаптацию к социальным условиям жизнедеятельности;

б) прекращение отношений с лицами (группами, сообществами), побуждающими к совершению противоправных действий, искажающими представления о социально значимых ценностях (труде, образовании, здоровом образе жизни), формированию позитивных убеждений о криминальном поведении;

в) проявление общественно значимых свойств личности, поддержка ценности правопослушного образа жизни и развитие убежденности о неприемлемости криминального поведения;

г) противодействие проявлению антиобщественных свойств личности, обесценивание криминального образа жизни и криминальной направленности;

д) соучастие в самореализации лиц, составляющих социальное окружение, посредством вовлечения в совместную деятельность, ответственного соучастия в общественно значимых видах деятельности, повышение ценности социального окружения;

е) противодействие исключению из совместной деятельности, проявлению безответственности и попустительства, виктимизации социального окружения.

Формами психологического сопровождения являются:

1) психологическое просвещение (информирование), заключающееся в предоставлении сопровождаемому психологических знаний об отношениях и формировании умений по их применению в жизни. Психологическое просвещение осуществляется в целях изменения представлений сопровождаемых лиц о психологических закономерностях отношений, видах отношений к людям, составляющим близкое социальное окружение (родственникам, членам семьи, участникам трудовой деятельности, взаимодействия), конструктивных и деструктивных форм выражения отношений, значении отношений в жизнедеятельности и самореализации личности.

Психологическое просвещение может осуществляться в индивидуальной и групповой формах, реализовываться методами моноло-

га, дискуссии, интервью, фокус-группы. Результатом психологического просвещения выступает изменение представлений о системе отношений к себе, другим людям, группами и обществу в целом, возникновение убеждения о необходимости изменения дисфункциональных отношений, отказа от деструктивных форм отношений.

2) психологическое консультирование, нацеленное на оказание психологической помощи сопровождаемым лицам по изменению отношений к социальному окружению. Видами психологической консультативной помощи выступают:

— коррекция представлений сопровождаемого об отношениях к отдельным категориям участников социального окружения (членам семьи, родственникам), стиля подчинения и руководства в совместной деятельности, деструктивных форм воплощения межличностных и социальных отношений;

— развитие представлений о социальном окружении как цели и условия жизнедеятельности сопровождаемого, о значении социального окружения для адаптации к социальным условиям жизнедеятельности, достижения жизненных целей и решении жизненных задач; формирование конструктивных форм воплощения отношений;

— психологическая поддержка, выражающаяся в создании условий для разрешения проблем, возникающих в межличностных и групповых отношениях, проявления деструктивных форм отношений окружающих.

Наиболее распространенными методами консультирования отношений выступают когнитивно-поведенческое, гуманистическое и экзистенциальное направления, позволяющие психологу эффективно реализовывать запросы консультируемых лиц в том случае, если он постоянно совершенствует собственные умения и навыки, активно знакомится с передовыми методами и техниками работы, существующими в данных направлениях.

3) социально-психологический тренинг, позволяющий сопровождаемому лицу сформировать и развить представления, умения и навыки образования отношений, повышающих адаптацию к социальным условиям жизнедеятельности, обеспечивающих формирование самоотношения как субъекта самореализации, способствующих снижению риска криминального поведения. Тренинг дополняет психологическое консультирование, выступая эффективной формой группового обучения, а также средством развития способностей коммуникации, взаимодействия и рефлексии, недоступным в ходе индивидуальной работы. Со-

циально-психологический тренинг предусматривает информационные и дискуссионные формы работы, практические упражнения в парах и группах, индивидуальную тренировку, деловые и ролевые игры, самостоятельную работу участников, специальные техники психологического воздействия и средства получения обратной связи.

Завершающим этапом проектирования является определение критериев и показателей эффективности психологической программы сопровождения. Критерии должны учитывать состояние адаптированности к социальным условиям жизнедеятельности, появление правопослушно-функциональных и снижение криминогенно-дисфункциональных отношений к социальному окружению и другие характеристики, зависящие от индивидуально-психологических особенностей сопровождаемого лица.

К показателям эффективности психологического сопровождения отношений следует отнести:

— развитие отношений, способствующих адаптации к социальным условиям жизнедеятельности, преодолению трудных жизненных ситуаций, сочетающихся с повышением общественной значимости этих отношений, правопослушного поведения;

— совершенствование способности к регуляции межличностных и групповых отношений на основе общественной значимости, субъективной ценности их участников, правопослушной направленности сопровождаемого;

— развитие навыков рефлексии и самосознания, позволяющих оценивать цель и содержание отношений, выявлять недостатки и предпринимать усилия по их коррекции, снижать проявление деструктивных форм отношений к окружающим;

— формирование способности к развитию и изменению отношений, позволяющей сопровождаемому понимать предпосылки отношений, распознавать эмоциональное состояние их участников, прогнозировать решения и поступки окружающих.

4. *Этап реализации* программы психологического сопровождения осуществляется с учетом целей и задач, организационных условий, индивидуально психологических особенностей сопровождаемого лица. Реализация подчинена принципам и методам осуществления психологического консультирования, а также социально-психологического тренинга. Важно подчеркнуть, что отклонение либо нарушение принципов и методов резко снижает эффективность проводимых мероприятий.

Необходимым условием реализации выступает оценка достижения критериальных показателей, которая может проводиться на основе формализованной диагностики социального окружения и отношении к нему, а также изучение субъективных представлений сопровождаемого лица относительно межличностных групповых и иных видов отношений с лицами, составляющими его социальное окружение.

5. *Этап рефлексии* направлен на анализ реализации программы сопровождения, оценку эффективности применяемых форм, методов и процедур, их эффективность. Данный этап является важным компонентом методической работы психолога, позволяющим совершенствовать формы, методы и процедуры психологического сопровождения криминогенных лиц. В этой связи важной задачей является оценка эффективности программы, для которой используется результаты опроса и отзыва сопровождаемого лица, оценка специалиста психолога. Результаты рефлексии должны подвергаться методической обработке, использоваться для коррекции имеющихся программ психологического сопровождения, распространения знаний и умений.

Представленная модель психологического сопровождения выступает теоретико-методическим основанием для разработки программ его реализации, обеспечивая анализ, оценку и изменение отношений криминогенной личности к социальному окружению. Адаптация модели к конкретным условиям работы с криминогенными лицами осуществляется с помощью алгоритма, представленного в следующем параграфе.

4.3. Алгоритм психологического сопровождения отношений криминогенной личности к социальному окружению

Социально-психологическое сопровождение отношений криминогенной личности к социальному окружению представляет собой совокупность форм, методов и приемов, реализуемых субъектами сопровождения во взаимодействии с криминогенными лицами. Осуществление социально-психологического сопровождения нацелено на изменение отношений криминогенных лиц к социальному окружению, обеспечивающее их социальное функционирование и самореализацию в социальных условиях жизнедеятельности, иными словами — на адаптацию к социальным условиям жизнедеятельности после освобождения из мест лишения свободы.

Как показывает анализ теоретических и эмпирических данных, проблемы жизнедеятельности криминогенных лиц обусловлены

нарушениями социального функционирования (отсутствием удостоверяющих документов, жилища, трудностями в устройстве на постоянную работу и др.) и социальным исключением (нарушением социальных связей с семьей, родственниками, трудностями во взаимодействии с другими людьми и др.). При этом осужденные не всегда восстанавливают свои отношения с социальным окружением, избирательно и ограниченно подходят к образованию новых отношений. В результате, у неоднократно судимых лиц не восстанавливается или еще более ухудшается социальное функционирование, а социальное исключение трансформируется в социальное отчуждение, как правило, сочетающееся с асоциальным поведением.

Итогом становится сохранение криминогенного комплекса свойств личности, выражающегося в признании криминальных ценностей и одобрении криминального образа жизни, установлении и поддержании отношений криминогенными лицами, организации преступлений либо в соучастии в их совершении. Следует отметить, что подобные модели поведения характерны не только для лиц зрелого возраста, но и для молодежи. Таким образом, для реализации алгоритма социально-психологического сопровождения отношений криминогенных лиц к социальному окружению является целесообразной характеристика типов данных отношений, позволяющая определить субъектов сопровождения, задачи и условия их реализации.

Оценка отношений к социальному окружению на разных этапах жизнедеятельности криминогенной личности с разным уровнем криминогенности, показала, что они могут быть описаны через призму критериев:

— «социального функционирования — социальной дисфункции»: способности криминогенной личности к удовлетворению бытийных потребностей* в социальных условиях жизнедеятельности;

— «социального вовлечения — отчуждения»: способности криминогенной личности к взаимодействию с другими людьми, группами и сообществами;

---

* Термин приводится в значении, предложенном в последней актуализации его концепции (цит. по: Kenrick, D. T. [et al.]. *Renovating the Pyramid of Needs: Contemporary Extensions Built Upon Ancient Foundations // Perspectives on psychological science: journal of the Association for Psychological Science.* — 2010. — №5(3). P. 292–314.

— «правопослушной — криминальной направленности»: комплекса характеристик потребностно-мотивационной, регулятивной и ценностной сфер криминогенной личности.

На основании установленной нами частоты встречаемости отношений, а также криминогенности их субъектов, наиболее распространенными типами являются:

- отчуждающий дисфункциональный;
- криминогенно-дисфункциональный;
- правопослушно-дисфункциональный;
- правопослушно-функциональный.

Различия между отчуждающе-дисфункциональным и криминогенно-дисфункциональным типом отношений определяются объемом и устойчивостью связей с социальным окружением. Для отчуждающе-дисфункционального типа характерно отсутствие близких отношений, поверхностность и непрочность связей с окружением. Как правило, данные лица не поддерживают связи с членами семьи и родственниками, не имеют определенного места жительства и стабильного места работы. Они используют для проживания социальные учреждения либо общественные места, не имеют постоянного источника дохода.

Криминогенно-дисфункциональный тип отношений характеризуется наличием связи с членами семьи и (или) родственниками, постоянным местом проживания, относительно стабильным источником дохода от занятия преимущественно неквалифицированным либо низкоквалифицированным трудом. Правонарушающее поведение выражается в совершении хищений (путем краж, мошенничества, присвоения, растраты), нарушении общественного порядка в форме мелкого хулиганства. Криминальная направленность обусловлена субъективной поддержкой криминального образа жизни, признанием его перспективности для достижения лично значимых целей.

Правопослушно-дисфункциональный и правопослушно-функциональный тип характеризуются схожестью представлений о субъективной ценности правопослушного образа жизни, принципиальном стремлении следовать закону и отрицательном отношении к преступлению. Отличия между ними заключаются:

а) в условиях жизнедеятельности дисфункциональных лиц: отсутствии собственного жилья, постоянного места работы и стабильного источника дохода, наличия квалификации (профессии), позволяющей претендовать на более высокий уровень дохода;

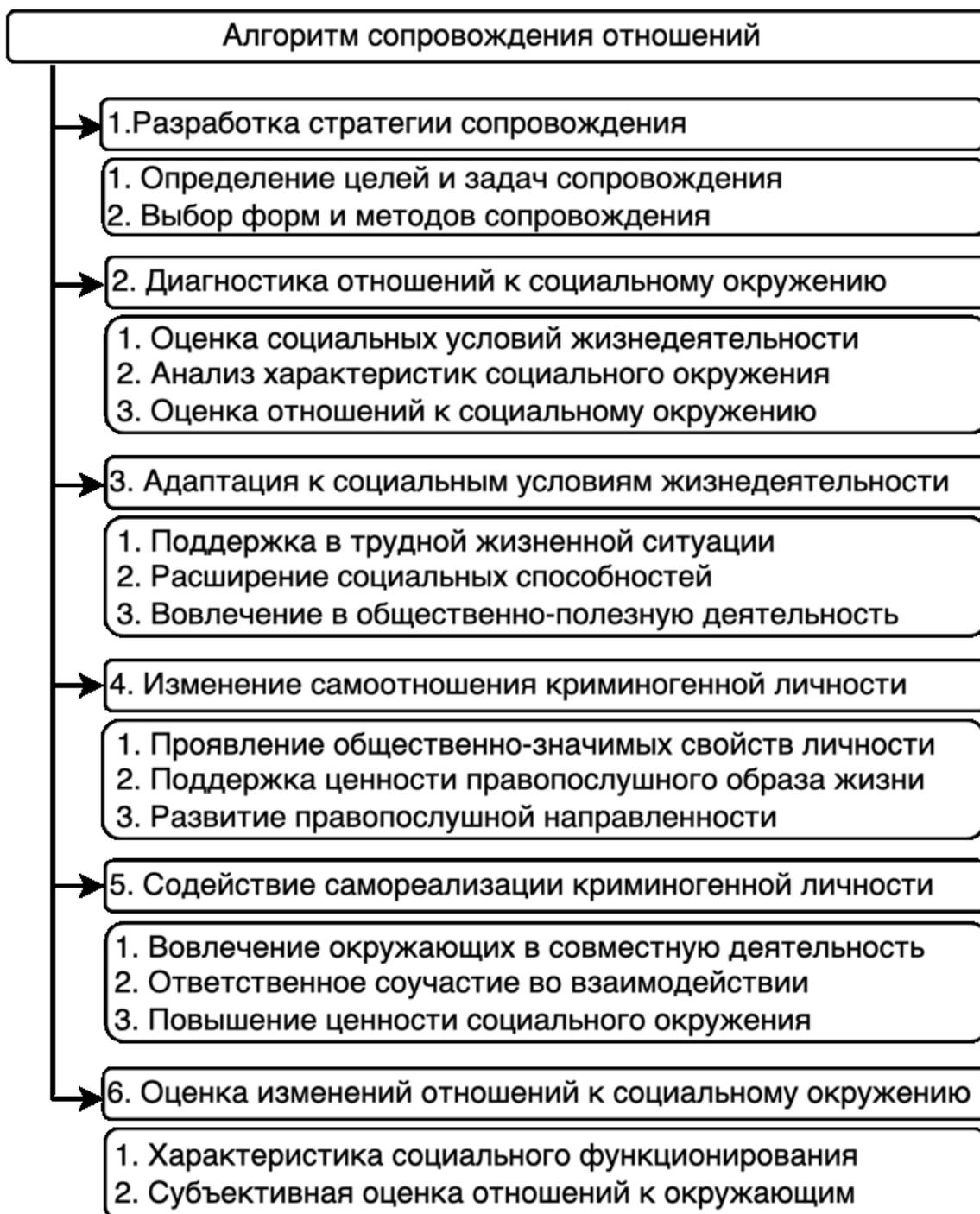
б) во взаимодействии с социальным окружением у дисфункциональных лиц: отсутствии поддержки социального окружения, негативном влиянии окружающих на самоотношение криминогенных лиц, отказе от соучастия в достижении субъективно значимых целей.

Описание характеризует отношения криминогенной личности к окружению в их обобщенном, интегральном виде, сочетающем оценку направленности с социальным функционированием личности. В совокупности она характеризует степень адаптированности криминогенной личности к социальным условиям жизнедеятельности и ее направленность в социальном взаимодействии. Применение данной оценки целесообразно при осуществлении сопровождения в рамках индивидуальной профилактической работы по предупреждению преступлений и правонарушений сотрудниками органов внутренних дел. При осуществлении психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних и молодежи более оправданным является изучение содержания отношений к социальному окружению, позволяющего выявить и корректировать психологические факторы и условия их формирования.

Таким образом, разработка и реализация программы психологического сопровождения нуждается в корректировке с учетом:

- специалиста, привлекаемого к ее осуществлению;
- стратегии, которой он придерживается;
- комплекса социальных, социально-психологических и психологических особенностей, определяющих отношения криминогенной личности.

Для их упорядочивания нами разработан типовой алгоритм социально-психологического сопровождения отношений криминогенной личности к социальному окружению (рис. 2). Он нацелен на решение задач адаптации к социальным условиям жизнедеятельности, формирования самоотношения, обеспечение содействия в самореализации криминогенной личности на разных этапах ее криминализации и в разных условиях социального функционирования.

Рисунок 2. Алгоритм психологического сопровождения отношений криминогенной личности к социальному окружению

Субъектами сопровождения отношений криминогенной личности являются специалисты и сотрудники, в чьи трудовые, функциональные обязанности входит проведение психолого-педагогической и индивидуально-психологической работы с различными категориями криминогенных лиц.

Стратегия сопровождения выбирается и формируется ее субъектами исходя из задач их профессиональной деятельности (индивидуальная профилактическая работа, воспитательная деятельность) с учетом сформированных способностей (компетенций), имеющихся знаний и опыта. Например, стратегия может быть реализована педагогом-психологом образовательной организации в форме психологического консультирования, психокоррекционного воздействия на отношения несовершеннолетних правонарушителей к социальному окружению, либо отдельного компонента в составе программ психолого-педагогического развития и профилактики отклоняющегося поведения, социализации и ресоциализации данной категории лиц.

При проведении сотрудниками служб участковых уполномоченных и подразделений по делам несовершеннолетних индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими под административным надзором, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, стратегия может быть реализована в виде психологического информирования*.

Информирование призвано мобилизовать социальные способности криминогенной личности, инициировать вовлечение в общественно значимую деятельность, социальную ответственность и сотрудничество. Результатами информирования данной категории лиц являются: повышение адаптации к социальным условиям жизнедеятельности (трудоустройства, получения образования, вовлечения в общественно полезную деятельность); изменение самоотношения путем деятельности, формирующей общественно значимые свойства личности (выполнение родительских обязанностей, оказание помощи родственникам и членам семьи, выполнение социально значимых функций (благоустройство мест общего пользования, поддержание общественного порядка) и др.).

Диагностика отношений криминогенной личности к социальному окружению проводится с учетом разработанной стратегии.

Выбор методов диагностики должен основываться на целях и задачах сопровождения, а также учитывать ряд особенностей, присущих не только отношениям, но и свойственным как криминогенной личности, так и ее окружению. Анализ научных публикаций и дан-

---

* Возможности психологического информирования поддерживаются компетенциями, формируемыми на этапе профессионального образования сотрудников органов внутренних дел.

ных наших исследований показывает, что отношения криминогенной личности к социальному окружению затруднены:

1) социально-психологической некомпетентностью, не позволяющей выстраивать отношения к окружающим необходимым для обеспечения жизнедеятельности образом;

2) негативным жизненным опытом, который определяет защитно-оборонительную позицию, препятствующую виктимизации (жертвы) в неформальных отношениях криминогенных лиц;

3) индивидуально-психологическими особенностями, формирующими криминально-посягающую позицию (совершение преступления) в отношении к окружающим (агрессивно-насильственными, корыстно-эгоцентрическими диспозициями).

Соответственно, реализация программы психологического сопровождения в каждом индивидуальном случае определяется комплексом внешних характеристик, связанных с социальным окружением, а также психологическими особенностями криминогенной личности.

В целях методической поддержки в приложении №1 к монографии представлена методика оценки риска рецидива на основе показателей проблем социального функционирования, криминальной направленности и проблем в регуляции отношений личности. Методика обеспечивает оценку характеристик социального окружения криминогенной личности, функционального значения отношений для адаптации, изменения самоотношения и содействия самореализации.

Анализ характеристик социального окружения криминогенных лиц показывает его влияние на возможности криминогенной личности. Они заключаются в адаптации социальным условиям жизнедеятельности, во влиянии на представления, убеждения, установки сопровождаемых субъектов, а также содействия их самореализации.

Минимальными возможностями обладает социальное окружение, не имеющее ресурсов, которые могут быть использованы для оказания поддержки, характеризующееся негативными межличностными отношениями, ухудшающими социальное самочувствие и искажающими представления криминогенной личности, а также не принимающими участия (избегающими соучастия) в самореализации.

Максимальными возможностями обладает социальное окружение, располагающее ресурсами поддержки, позитивным межличностным отношением к субъекту, готовностью соучаствовать в самореализации лица.

С учётом изложенного можно заключить, что возможности, которыми обладает социальное окружение, определяются, с одной стороны, ресурсами его участников, а с другой — отношениями, которые обеспечивают их передачу и использование криминогенной личностью. Эта особенность обозначает зависимость между социальным функционированием, декриминализацией и способностью устанавливать гармоничные отношения с близкими людьми, обладать определённым уровнем морально-нравственного развития и личностной зрелости для образования межличностных отношений необходимого качества. Способность образовывать социальные связи, выстраивать отношения поддержки с окружающими людьми является условием и критерием декриминализации криминогенной личности.

Реализация алгоритма предполагает последовательное решение задач сопровождения, определенных исходя из влияния отношений криминогенной личности на риск ее криминализации.

Психологическое сопровождение предполагает реализацию комплекса мероприятий, нацеленных на адаптацию к социальным условиям жизнедеятельности, изменение самоотношения и вовлечение окружающих в самореализацию личности. Приоритет мероприятий обусловлен их значением для криминализации поведения криминогенной личности.

В целях психологической диагностики направленности и трудностей самореализации, переживаемых лицами, находящимися под административным надзором, в приложении № 2 представлен опросник. Опросник обеспечивает диагностику динамической характеристики самореализации — стремления криминогенной личности к реализации личностно значимых целей, а также трудностей, испытываемых в данном процессе.

Полученные в результате анализа характеристик криминогенных лиц на различных этапах их криминализации сведения показали, что в большинстве случаев риск криминализации обусловлен дезадаптацией к социальным условиям жизнедеятельности и социальной дисфункцией. В этой связи формирование отношений, обеспечивающих адаптацию, рассматривается приоритетной задачей криминогенной личности, носящей как превентивное, так и профилактическое значение. К целям их формирования следует отнести расширение социальных способностей личности в области как общественных и трудовых отношений, так и межличностных. Под этим понимается развитие способности к образованию отношений, заключающейся в по-

нимании их внутреннего содержания, механизмов и условий развития. Существенную роль имеет знание условий, при которых отношения между людьми из поверхностных могут трансформироваться в межличностные, понимание стадильности отношений, выражающейся в их зарождении, зрелости, ослаблении или прекращении.

Задача изменения самоотношения выступает важнейшим условием декриминализации личности, поэтому в ходе сопровождения следует уделять внимание проблематике проявления, поддержки и развития общественно значимых свойств личности, формированию ценностей правопослушного образа жизни как части Я-концепции личности сопровождающего. Проявление общественно значимых свойств блокируется переживаниями криминогенных лиц, формируемыми в связи с опытом существования в криминализованной среде.

Задача формирования отношений, содействующих самореализации криминогенной личности, выражается в вовлечении окружающих в совместную деятельность, ответственное соучастие во взаимодействии. Восприятие других лиц как враждебных и непредсказуемых препятствует выстраиванию иных отношений к ним, вызывает отторжение и отчуждение (высказывание «не верь, не бойся, не проси» иллюстрирует такую формулу отношений [75]) и, как следствие затрудняет самореализацию криминогенной личности. Повышение ценности социального окружения включается в комплекс мероприятий, поскольку существующие представления о криминогенных лицах свидетельствуют о снижении референтности, обесценивании и разрыве отношений с социальным окружением, и усиливаются по мере криминализации.

Оценка изменения отношений к социальному окружению может осуществляться посредством характеристики социального функционирования криминогенной личности, а также результатов субъективной оценки отношений к лицам, составляющим социальное окружение.

Характеристиками социального функционирования, свидетельствующими об успешности реализации алгоритма сопровождения отношений, выступают:

- расширение отношений взаимоподдержки с лицами, составляющими социальное окружение;
- оказание или получение различных видов поддержки;
- планирование или осуществление новых трудовых, образовательных отношений;

— инициативное осуществление общественно полезной деятельности.

Изменение самоотношения криминогенной личности выражается в развитии социоцентрической позиции в отношениях к окружающим, расширении ответственности за конкретных лиц и группы, составляющие социальное окружение, усилении правовой мотивации в отношениях с окружающими, обусловленности целеполагания и регуляции своего поведения не правовыми основаниями. Критерием успешности сопровождения отношений выступает исключение криминогенных компонент самоотношения личности, о котором свидетельствует снижение уровня криминализации личности, криминальной зараженности и криминальной идентичности.

О развитии отношений, содействующих самореализации криминогенной личности, свидетельствует изменение состава социального окружения и/или отношений к его участникам (в частности появление новых отношений, отвечающих жизненным планам, интересам и устремлениям, изменение или прекращение отношений, потерявших актуальность). Принципиальное отношение имеет образование и развитие отношений с группами и сообществами, ведущими общественно полезную деятельность. Взаимодействие с ними должно характеризоваться ответственной и инициативной диспозицией, выражающейся в деятельном соучастии в решении задач этих групп. Субъективным показателем развития отношений выступает повышение субъективной значимости и ценности отдельных лиц, групп и сообществ, составляющих социальное окружение. Это свидетельствует, во-первых, о повышении их роли в самореализации криминогенной личности, а во-вторых — об усилении общественной направленности личности, значимости общественно полезной деятельности.

Выводы главы

1. Представленная научно обоснованная технология социально-психологического сопровождения отношений криминогенной личности с социальным окружением обеспечивает практическую реализацию идей изменения этих отношений. Разработка технологии направлена на эффективное практическое применение положений структурно-функциональной концепции отношений криминогенной личности к социальному окружению в целях снижения риска повторного совершения преступлений и правонарушений, повышения уровня их социального функционирования и психологического благополучия.

2. Технология ориентирована и апробирована в индивидуально-профилактической деятельности органов внутренних дел и психолого-педагогическом сопровождении обучающихся, осуществляемой учреждениями образования.

3. Реализация технологии обеспечивается:

— определением целей, принципов и форм, условий реализации технологии, разработанной модели психологического сопровождения и алгоритма ее реализации различными субъектами;

— конкретизацией стратегий психологического сопровождения криминогенной личности с учетом социальных условий жизнедеятельности, проблем социального функционирования и криминальной направленности;

— проведением социальной, социально-психологической и психологической диагностики характеристик отношений, выявлением значимых для сопровождения параметров социального окружения и структурно-функциональных характеристик отношений криминогенной личности к социальному окружению;

— спецификацией форм психологического сопровождения отношений криминогенной личности, определением критериев и показателей их эффективности.

— алгоритмизацией сопровождения отношений криминогенной личности, раскрывающей приоритет мероприятий, условия их реализации разными субъектами сопровождения, диагностики отношений к социальному окружению, проведением мероприятий психологического информирования, консультирования и социально-психологического тренинга.

— определением индивидуально обоснованных критериев и показателей эффективности программ, оценкой изменений характеристик социального окружения, субъективных представлений криминогенной личности об изменениях в отношениях к социальному окружению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монография включает в себя результаты изучения социально-психологических предпосылок адаптации лиц, находящихся под административным надзором. Необходимость выполнения исследования продиктована стремлением снизить количество лиц, подвергнутых уголовному преследованию, после отбывания ими наказания, в период административного надзора.

Полученные в ходе исследования результаты показывают, что предпосылками трудностей в социальной адаптации выступают индивидуально-психологические особенности, относимые к когнитивным способностям, в том числе и рефлексии, а также комплекс психологических проявлений, объединяющий индивидуально-типологические свойства (черты), личностные качества и межличностные особенности. Установлена роль самоотношения и самоидентификации в адаптации лиц, подвергнутых административному надзору. Показано, что самоотношение данной категории лиц, во-первых, подвержено искажениям и изменяется вследствие негативного влияния социального окружения, во-вторых, подвержено трансформации вследствие социальной стигматизации и механизмов психологической защиты, стремящейся снизить чувство вины, обеспечить самооправдание за совершение правонарушения (преступления).

Рассмотрена форма административного надзора как ключевой процедуры осуществления социального контроля над поведением, отношением лиц, ранее подвергнутых уголовному наказанию. Отмечено, что осуществление административного надзора будет более продуктивным, если станут ясны факторы и условия успешной адаптации поднадзорных лиц.

На основе обобщения отечественного и зарубежного опыта определены основные предпосылки адаптации лиц, находящихся под административным надзором. Выявлена и конкретизирована специфика социальной и воспитательной работы, определены ее теоретические основания в виде структурно-функционального и интеракционистского подходов.

Показано, каким образом осуществляется:

- а) противодействие криминализации поднадзорных лиц;
- б) ресоциализация и реабилитация, обеспечивающие адаптацию к обществу (и косвенным образом — качество жизни поднадзорных лиц).

Проанализированы социально-психологические предпосылки программ адаптации поднадзорных лиц и сформулированы концептуальные основания ее осуществления.

Указывается, что задачами адаптации лиц, находящихся под административным надзором, могут выступать не только обеспечение источника дохода (трудоустройство), организация проживания и получения профессиональной квалификации, но и решение социально-психологических проблем. К ним относятся:

- восстановление связей и отношений с социальным окружением;
- налаживание межличностного взаимодействия с родственниками, членами семьи, неформальным окружением;
- формирование альтруистических и просоциальных убеждений и представлений.

Раскрывается роль и значение социального окружения в противодействии криминализации и обеспечении социального функционирования. Формулируются функции социального окружения, способствующие адаптации:

- ресурсная, выражающаяся в предоставлении средств и возможностей удовлетворения потребностей в жилье, пище и других жизненных нуждах;
- информирующая, обеспечивающая сбор, обобщение и передачу сведений о проблемных вопросах социальной интеграции (проживание, трудоустройство, образование, получение квалификации и др.);
- воспитательная, заключающаяся в закреплении моральных принципов и нравственных оснований взаимодействия с другими людьми и обществом в целом;
- психологическая, формирующая установки на преодоление проблем адаптации к новым условиям жизни, преодоление жизненных трудностей.

Представленные нами сведения обосновывают целесообразность смещения внимания с особенностей криминогенной личности на более углубленное изучение ее взаимоотношений с обществом в целях прогнозирования успешности адаптации и противодействия рецидивной преступности лиц, подвергающихся административному надзору. Полагаем, что для оценки риска рецидива важным является рассмотрение субъектной позиции криминогенной личности, проявляющейся в активном и целенаправленном изменении социального окружения, образовании новых социальных связей, прекращении имеющихся, трансформации отношений.

Выполненное нами исследование по изучению лиц, ведущих правопослушный и криминальный образы жизни (на этапе административного надзора), содержит сведения о реальных трудностях социального функционирования, противоречиях и искажениях самоотношения и попытках реализовать собственные жизненные цели. Эти проблемы жизнедеятельности решаются криминогенной личностью во взаимодействии с социальным окружением, выступающим необходимым условием ее социального функционирования.

Практическое применение результатов монографического исследования видится:

— во-первых, в дальнейшей разработке механизмов осуществления адаптирующего воздействия социального окружения на лиц, подвергшихся уголовному наказанию;

— во-вторых, в совершенствовании программ профилактики повторных преступлений, в том числе и рецидивной преступности, путем формирования психологических условий признания вины и раскаяния за совершенные преступления;

— в-третьих, в совершенствовании программ предупреждения преступлений путем психолого-педагогического воздействия на представления несовершеннолетних преступников и правонарушителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Ю. Г. Психология среды: источники и направления развития / Ю. Г. Абрамова // Вопросы психологии. — 1995. — № 2. — С. 130–137.
2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. — Москва: Мысль, 1991. — 299 с.
3. Абульханова, К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К. А. Абульханова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — Т. 2, № 4. — 2005. — С. 3–21.
4. Абульханова, К. А. Социальное мышление личности / К. А. Абульханова // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3: Социальные представления и мышление личности. — Москва: Институт психологии РАН, 2002. — С. 88–103.
5. Абуталипов, А. Р. Социологический анализ ресурсов постпенитенциарной системы в России и эффективности ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / А. Р. Абуталипов // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9, № 1. — С. 152–169.
6. Аврутин, Р. Ю. О некоторых проблемах проведения профилактической работы участковыми уполномоченными полиции / Р. Ю. Аврутин, А. А. Фомин, Т. Ф. Фомина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 3 (69). — С. 64–68.
7. Акопян, Л. С. Тревожность и страхи женщин в местах лишения свободы / Л. С. Акопян // Вестник Самарского юридического института. — 2015. — № 2 (16). — С. 115–119.
8. Ананич, В. А. Предупреждение рецидивной преступности / В. А. Ананич, С. Ю. Часнок; М-во внутренних дел Республики Беларусь, Академия МВД. — Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2008. — 99 с.
9. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. — Москва: Аспект Пресс, 1997. — 239 с.
10. Антонян, Е. А. Личность рецидивиста: монография / Е. А. Антонян. — Москва: Юрлитинформ, 2018. — 259 с.
11. Александрова, Л. А. Психологические ресурсы личности и социально-психологическая адаптация студентов с ОВЗ в условиях профессионального образования / Л. А. Александрова, А. А. Лебедева, В. В. Бобожей // Психологическая наука и образование. — 2014. — Том 19, № 1. — С. 50–62.
12. Артемьев, Н. С. Прогнозирование индивидуального преступного поведения рецидивиста / Н. С. Артемьев, В. А. Панкратов // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 4(95). — С. 50–54.
13. Астанина, Н. Б. Особенности доверия другим людям у несовершеннолетних правонарушителей / Н. Б. Астанина // Психология и право. — 2013. — №1. — С. 11–21.
14. Бабаев, М. М. Этапы развития современной уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — № 3 (99). — С. 117–126.

15. Багреева, Е. Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Багреева Елена Геннадьевна. — Москва, 2001. — 369 с.
16. Баламут, А. Н. Изучение жизненного пути осужденных женщин с негативной установочной позицией к социуму / А. Н. Баламут // Коченовские чтения — 2022. Психология и право в современной России. Москва, 09–11 ноября 2022 года. — Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2022. С. 110–112.
17. Баламут, А. Н. Изучение жизненных планов осужденных к пожизненному лишению свободы с учетом возможности условно-досрочного освобождения / А.Н. Баламут // Международный пенитенциарный журнал. — 2017. — Т. 3, № 2. — С. 133–136.
18. Барабанов, Н. П. Криминальная субкультура осужденных теоретический, криминологический, психологический аспекты, 187 функциональный механизм [Текст] / Н. П. Барабанов, А. В. Даудов, И. Б. Казак, В. Н. Савардунова. — Рязань: Акад. ФСИН России, 2009. — 316 с.
19. Барабанов, Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных / Н. П. Барабанов // Человек: преступление и наказание. — 2017. — Т. 25, № 2. — С. 177–182.
20. Бовина, И. Б. Особенности социальных представлений о сексуальном насилии: «Маньяк» и «Жертва» глазами молодых мужчин и женщин / И. Б. Бовина, Н. В. Дворянчиков, А. Д. Гутник, А. М. Рикель // Психологическая наука и образование. — 2011. — Т. 3, № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39930 (дата обращения: 29.03.2024).
21. Брушлинский, А. В. О критериях субъекта / А. В. Брушлинский // Психология индивидуального и группового субъекта. — Москва: PerSe, 2002. — С. 9–33.
22. Бусыгин, Н. И. Социально-психологические аспекты адаптации осуждённых после освобождения из мест лишения свободы / Н. И. Бусыгин, Г. Г. Вербина // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 2–10. — С. 35–38
23. Бурый, В. Е. Особенности организации исправительного процесса осужденных в местах лишения свободы: монография / В. Е. Бурый, В. И. Степаненко. — Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2017. — URL: http://www.institutemvd.by/images/NIO/Osobennosti_organizatsii_ispravi-telnogo_protssessa_osuzhdennih_v_mestah_lishenia_svobody.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
24. Быков, В. М. Криминалистическая характеристика преступных групп / В. М. Быков. — Ташкент: Высшая школа МВД СССР, 1986. — 70 с.
25. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. — Москва: МГУ, 1984. — 200 с.
26. Викдорова, Е. А. Исследование мышления у лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / Е. А. Викдорова, А. В. Оглезнева // Вестник Том-

ского института повышения квалификации работников ФСИН России. — 2019. — № 2(2). — С. 102–107.

27. Войцехович, Н. В. Исследование высших психических функций у лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / Н. В. Войцехович, А. В. Оглезнева // Вопросы современной науки и практики. — 2020. — № 1(2). — С. 89–92.

28. Волокитина, М. В. Криминологически значимые свойства личности мигранта, влияющие на совершение преступления / М. В. Волокитина // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 5(54). — С. 119–125.

29. Вэтра, А. В. Теоретико-методологический анализ самосознания подозреваемых и обвиняемых за насильственные преступления / А.В. Вэтра // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. — Рязань: Академия права и управления ФСБ России, 2019. С. 360–366.

30. Ганишина, И. С. Жизненные планы осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима / И. С. Ганишина, С. В. Русаков // Пенитенциарная наука. — 2022. — Т. 16, № 2 (58). — С. 213–219.

31. Гнездова, П. А. Особенности логики криминального мышления / П. А. Гнездова // Наука глазами молодежи: проблемы и перспективы : Сборник научных статей / Под общей редакцией А.Н. Ласточкина. — Вологда : Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. — С. 20–24.

32. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. — Минск, Республика Беларусь: Харвест, 1998. — 489 с.

33. Горбань, Д. В. Концептуальная теоретическая модель уголовно-исполнительной характеристики личности осужденного к лишению свободы / Д. В. Горбань, О. С. Ефремова // Право и политика. — 2019. — № 3. — С. 21–32.

34. Гулевич, О. А. Социальные представления о преступлениях, преступниках, жертвах и работниках правовых институтов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Гулевич Ольга Александровна. — Москва, 2000. — 186 с.

35. Гульдан, В. В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: дис. д-ра психол. наук: 19.00.04 / Гульдан Виктор Викторович. — Москва: 1985. — 512 с.

36. Гусева, Е. В. Проблема влияния неформальных групп на процесс исправления осужденных: психологический аспект / Е. В. Гусева // Вестник Самарского юридического института. — 2020. — № 4 (40). — С. 93–99.

37. Данилин, Е. Ресоциализация осуждённых в колониях-поселениях в процессе совместного проживания с семьёй / Е. Данилин, С. Наумов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2003. — № 7. — С. 30–33.

38. Денисов, А. Д. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве / А. Д. Денисов // Уголовно-исполнительное право. — 2019. — Т. 14 (1–4), № 2. — С. 151–155.

39. Дерманова, И. Б. К вопросу о самоактуализации и самореализации в юношеском возрасте / И. Б. Дерманова // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Л. А. Коростылевой. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб гос. ун-та, 2004. Вып. 8. С. 89–101.

40. Дзьоник Д. В. Социально-психологические особенности сообществ, разделяющих идеологию «АУЕ» / Д.В. Дзьоник // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 октября 2020 года. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2020. С. 135–139.

41. Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога: сборник научных трудов / АПН СССР, НИИ общей и педагогической психологии; отв. ред. И. В. Дубровина. — Москва: АПН СССР, 1987. — 178 с.

42. Долговых, М. П. Психологическая детерминация проявления виктимного поведения личности подростка: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Долговых Маргарита Петровна. — Москва, 2009. — 19 с.

43. Доронина, Т. В. Индивидуально-типологические особенности восприятия пространственно-предметных сред / Т. В. Доронина // Психологические исследования (электронный журнал). — 2012. — № 3 (23). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n323/674-doronina23.html> (дата обращения: 11.05.2023).

44. Духновский, С. В. Психологическое сопровождение подростков в критических ситуациях: учебное пособие / С. В. Духновский. — Курган: КГУ, 2003. — 123 с.

45. Евтушенко, И. И. Условно-досрочное освобождение осуждённых к лишению свободы и их ресоциализация: монография / И. И. Евтушенко. — Волгоград: Политехник, 2005. — 170 с.

46. Ежова, О. Н. Личность осужденных женщин и особенности их психологического сопровождения / О. Н. Ежова, Е. В. Ермоленко // Вестник Самарского юридического института. — 2020. — № 5(41). — С. 135–142.

47. Екимова, В. И. Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения / В. И. Екимова, И. В. Кокурина, А. В. Кокурин // Психология и право. — 2014. — № 1. — С. 59–74.

48. Желудков, М. А. Критический взгляд на теорию самоактуализации с позиции анализа системных потребностей корыстного преступника / М. А. Желудков, В. Е. Ковалевский // Право: история и современность. — 2021. — № 4 (17). — С. 119–127.

49. Жмуров, Д. В. Криминальная самоактуализация / Д. В. Жмуров, А. Г. Завьялов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 3. — С. 66–71.

50. Журавлев, А. Л. Социально-психологическое пространство личности / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. — Москва: Институт психологии РАН, 2012. — 494 с.

51. Забелина, А. В. Проблема самоактуализации личности / А. В. Забелина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2013. — №3 (7). — С. 26–32.

52. Зауторова Э. В. Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания / Э. В. Зауторова, Н. Г. Соболев // Пенитенциарная наука. — 2022. — Т. 16, № 3 (59). — С. 320–326.
53. Злоказов, К. В. Влияние уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением / К. В. Злоказов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 2 (94). — С. 225–232.
54. Злоказов, К. В. Отношение криминогенной личности к социальному окружению / К. В. Злоказов // Виктимология. — 2023. — Т. 10, №4. — С. 512–524.
55. Злоказов, К. В. Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности / К. В. Злоказов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — № 3(99). — С. 218–226.
56. Злоказов, К. В. Представление об анонимности как условие совершения преступления / К. В. Злоказов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2017. — №2(33). — С. 134–135.
57. Злоказов, К. В. Социальная поддержка, признание и уважение: психологические мотивы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества / К. В. Злоказов, М. Б. Ворошилова // Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции. Москва, 05–06 октября 2021 года. — Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. — С. 75–83.
58. Злоказов, К. В. Социальное окружение личности и его влияние на преступное поведение / К. В. Злоказов // Прикладная психология и педагогика. — 2022. — Т. 7, № 3. — С. 127–139.
59. Злоказов, К. В. Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности // Российский девиантологический журнал. — 2023. — № 3(4). — С. 413–428.
60. Злоказов, К. В. Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением / К. В. Злоказов // Пенитенциарная наука. — 2022. — Т. 16, № 1(57). — С. 97–106.
61. Злоказов, К. В. Деструктивное социальное поведение: монография / К. В. Злоказов. — Екатеринбург: УрГПУ, 2017. — 112 с.
62. Злоказов, К. В. Конструирование идентичности и криминализация личности: монография / К. В. Злоказов. — Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2017. — 142 с.
63. Злоказов, К. В. Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности / К. В. Злоказов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — № 3(99). — С. 218–226.
64. Злоказов, К. В. Представление о цели деструктивного поведения / К. В. Злоказов, С.С. Каппушев // Прикладная юридическая психология. — 2018. — № 1 (42). — С. 93–100.
65. Злоказов, К. В. Психодиагностика: учебник / К. В. Злоказов. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2018. — 359 с.

66. Злоказов, К. В. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны / К. В. Злоказов, А. Г. Караяни, Н. С. Прокурова // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2022. — Т. 27, №3 (90), — С. 246–256.
67. Злоказов, К. В. Социальное пространство в представлении преступника: монография / К. В. Злоказов. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2021. — 246 с.
68. Злоказов, К. В. Структурно-функциональная модель отношений криминогенной личности к социальному окружению / К. В. Злоказов // Прикладная психология и педагогика. — 2023. — Т. 8, № 4. — С. 22–29.
69. Знаков, В. В. Самопонимание субъекта как проблема психологии человеческого бытия / В. В. Знаков // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: В 2 ч. / под ред. А. А. Бодалева, Г. А. Вайзер, Н. А. Карповой, В. Э. Чудновского. Часть 1. — Москва: Смысл, 2004. — С. 42–47.
70. Зобков, В. А. Психологическая структура отношения человека к жизнедеятельности / В. А. Зобков // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2016. — Т. 22, № 3. — С. 31–34.
71. Зюков, А. М. Антиобщественные традиции, обычаи и привычки различных этнических групп / А. М. Зюков // Современное право. — 2010. — № 5. — С. 124–127.
72. Игнатенко, В. И. Нужна ли категория «антиобщественный образ жизни» для криминологии? / В. И. Игнатенко // Человек: преступление и наказание. — 2019. — Т. 27(1–4), № 3. — С. 288–294.
73. Ипполитова, Е. А. Субъективная картина жизненного пути женщин, осужденных к лишению свободы / Е. А. Ипполитова, П. Е. Володина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2019. — Т. 8, № 4(29). — С. 299–302.
74. Ипполитова, Е. А. Тенденции проектирования жизненных перспектив женщинами, осужденными к лишению свободы / Е. А. Ипполитова, П. Е. Володина // Человеческий капитал. — 2019. — № 12(132). — С. 183–189.
75. Казберов, П. Н. Специфика коррекционной работы с ВИЧ-инфицированными подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в местах лишения свободы / П. Н. Казберов // Образование и право. — 2023. — № 1. — С. 278–285.
76. Карпов А. В. Метакогнитивные способности личности / А.В. Карпов // Вестник Ярославского государственного университета. — 2008.— №7.— С. 24-29.
77. Касимов, В. О. Особенности предупреждения преступлений, совершаемых лицами зрелого, в том числе пожилого возраста / В. О. Касимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — №3(128). — С. 170–181.
78. Качаева, М. А. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек / М. А. Качаева, Е. Г. Дозорцева, Е. В. Нуцкова // Психология и право. — 2017. — Том 7, № 3. — С. 110–126.

79. Коваль, В. М. Картина мира как концептуальная основа деятельности и сознания / В. М. Коваль // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2008. — №3. — С. 412–417.
80. Ковчина, Н. В. Междисциплинарный анализ феномена «социальное взаимодействие» / Н. В. Ковчина, В. В. Игнатова // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 3. — С. 21.
81. Колесникова Н. Е. Психологическое сопровождение осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества: учебное пособие для вузов / Н. Е. Колесникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Изд-во «Юрайт», 2024. — 175 с.
82. Корзунин, В. А. Криминальная идентичность несовершеннолетних правонарушителей в контексте современных исследований / В. А. Корзунин, С. В. Духновский, В. Ф. Енгальчев // Виктимология. — 2023. — Т. 10, № 1. — С. 49–58.
83. Кохман, Д. В., Некоторые особенности трудоустройства осуждённых к наказанию в виде исправительных работ: опыт России и стран СНГ / Д. В. Кохман, Д. А. Добров // Вестник Воронежского института ФСИИ России. — 2021. — № 1. — С. 172–179.
84. Крайнова, Н. А. Ресоциализация сквозь призму единого законодательства о противодействии преступности / Н. А. Крайнова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 4(51). — С. 42–47.
85. Кроз, М. В. Особенности самооценки коррупционных преступников / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова // Прикладная юридическая психология. — 2018. — № 4 (45). — С. 23–31.
86. Кудинов, С. И. Полисистемный подход исследования самореализации личности / С. И. Кудинов // Сибирский педагогический журнал. — 2007. — № 11. — С. 335–344.
87. Кудрявцев, В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. — Москва: Норма, 2007. — 128 с.
88. Кузнецова, О. В. Структура деятельности делинквентной личности (на примере лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений) / О. В. Кузнецова // Педагогическое образование на Алтае. — 2014. — № 2. — С. 464–465.
89. Кулакова, В. А. Организованная преступность и деяние, предусмотренное статьёй 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Правовая система России: история, современность, тенденции развития : сб. материалов VIII заочной всероссийской научно-практической конференции. — Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. — С. 80–92.
90. Лаврухин, С. В. Образ жизни преступника: криминалистические аспекты / С. В. Лаврухин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 5(118). — С. 246–249.
91. Лапшин, В. Е. Влияние тюремной субкультуры на личность осужденных молодежного возраста / В. Е. Лапшин // Прикладная юридическая психология. — 2018. — № 3 (44). — С. 49–53.

92. Латышева, Л. А. Особенности ресоциализации женщин, осуждённых к лишению свободы / Л. А. Латышева // Вестник института: преступление, наказание, исправление: научно-практический журнал Вологодского ин-та права и экономики ФСИН России. — 2014. — № 2 (26). — С. 94–98.
93. Латышева, Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: монография / Л. А. Латышева. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. — 188 с.
94. Леонов, Н. И. Онтологический подход в социальной психологии / Н. И. Леонов // Ярославский психологический вестник. — 2004. — № 13. — С. 30–32.
95. Лескова, И. В. К вопросу о противодействии распространению религиозного экстремизма среди заключенных в западной Европе, России и СНГ / И. В. Лескова, И. А. Селезнев // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019 — №2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/11SCSK219.pdf>. (дата обращения: 10.10.2023)
96. Леус, Э. В. Адаптационные технологии ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Э. В. Леус, А. Г. Соловьев // Психология и право. — 2012. — Т. 2, № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2012_n3/54179 (дата обращения: 24.09.2022).
97. Лещенко, С. А. Психологическое сопровождение осужденных при реинтеграции в общество в Великобритании / С. А. Лещенко // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. — 2020. — №1(3). — С. 85–90.
98. Лунеев, В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. — Москва: Норма, 1997. — 525 с.
99. Мацкевич, И. М. Криминальная субкультура / И. М. Мацкевич // Российское право в Интернете. — 2005. — № 1. — С. 5.
100. Мельникова, Д. В. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых / Д. В. Мельникова, М. Г. Дебольский // Психология и право. — 2015. — Том 5, № 2. — С. 105–116.
101. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). — Москва: Прогресс, 1966. — С. 299–313.
102. Мешкова, Л. В. Деструктивное отношение к семье у осужденных мужского пола, повторно отбывающих наказание в виде лишения свободы / Л. В. Мешкова, В. С. Худоконенко // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты. — Новосибирск: Кузбасский ин-т ФСИН России, 2020. — С. 74–79.
103. Михайлов, А. Н. Социально-психологические проблемы лиц, освобождающихся из мест лишения свободы / А. Н. Михайлов // Прикладная юридическая психология. — 2016. — № 4. — С. 47–51.
104. Михайлов, В. С. Влияние этнической принадлежности осужденных к криминальной общности как источник экстремизма в исправительных учреждениях / В.С. Михайлов // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической

конференции. Самара, 30–31 мая 2019 года. — Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2019. — С. 154–156.

105. Михайлова, Н. Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции / Н. Б. Михайлова // Психологический журнал. — 2000. — Т. 21, № 1. — С. 26–38.

106. Моисеева, С. И. Психологические особенности подростков, склонных к девиантным формам поведения в современных социально-экономических условиях: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Моисеева Светлана Игоревна. — Санкт-Петербург, 2003. — 176 с.

107. Морозов, А. С. Лица, занимающие низшее положение в преступной иерархии: внутригрупповое деление, особенности характеристики, права и обязанности / А. С. Морозов // Вестник Владимирского юридического института. — 2022. — № 2(63). — С. 56–62.

108. Морозова, Н. О. Особенности значимых отношений, детерминирующих женскую преступность / Н. О. Морозова // Психологические исследования / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. Вып. 6. — Москва, 2012. С. 92–99.

109. Мясичев, В. Н. Личность и отношения человека / В. Н. Мясичев // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л. В. Куликов. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. — С. 95–105.

110. Нартова-Бочавер, С. К. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение / С. К. Нартова-Бочавер, К. А. Бочавер, С. Ю. Бочавер. — Москва: Генезис, 2011. — 320 с.

111. Нартова-Бочавер, С. К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение / С. К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24, № 6. — С. 37–48.

112. Нигматуллин, М. Р. Виктимологическая характеристика жертв семейно-бытовых преступлений / М. Р. Нигматуллин // Виктимология. — 2017. — №4 (14). — С. 29–32.

113. Новикова, Ю. В. Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений) / Ю. В. Новикова // Общество и право. — 2021. — № 2 (76). — С. 32–37.

114. Овчаренко, Н. В. Сравнительный анализ понятий «самореализация» и «самоактуализация» как составляющих категориального аппарата философии образования / Н. В. Овчаренко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 3-3(53). — С. 141–144.

115. Ольховик, Н. В. Рецидивная преступность осуждённых и её предупреждение / Н. В. Ольховик, Л. М. Прозументов. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. — 160 с.

116. Панов, В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В. И. Панов. — Москва: Наука, 2004. — 197 с.

117. Пестикова, Е. В. Социально-психологические особенности личности девиантного родителя (на материале осужденных родителей) / Е. В. Пестикова // Социальные науки и детство. — 2022. — Том 3, № 4. — С. 41–53.

118. Петровский, А. В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды / А. В. Петровский. — Москва: Педагогика, 1984. — 272 с.
119. Пирожков, В. Ф. Криминальная психология / В. Ф. Пирожков. — Москва: «Ось-89», 2007. — 704 с.
120. Писарев, О. М. Изучение жизнестойкости личности на этапе постпенитенциарной реабилитации как социально-психологическая проблема / О. М. Писарев // Прикладная юридическая психология. — 2018. — № 1 (42). — С. 60–66.
121. Поздняков, Ю. А., Пасынков, В. В. Современное состояние рецидивной преступности в России / Ю. А. Пасынков, В. В. Пасынков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук — 2022. — № 10 (3), С. 158–161.
122. Портнова, А. Г. Личность зрелость: подходы к определению / А. Г. Портнова // Сибирский психологический журнал. 2008. №27. С. 37–42.
123. Психологическое консультирование / М. В. Пряхина, Т. В. Мальцева, А. С. Душкин, К. В. Злоказов. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2022. — 204 с.
124. Ральникова, И. А. Личное будущее в представлениях осужденных женщин / И. А. Ральникова, Е. А. Ипполитова, П. Е. Вологодина // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2020. — № 1(38). — С. 217–218.
125. Распопин, Е. В. Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы / Е. В. Распопин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2020. — № 7.— С. 90–94.
126. Ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. — Москва: Изд. центр ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. — 122 с.
127. Романова, Н. М. Экспертная оценка социально-психологических факторов повторного вовлечения в криминальную деятельность осужденных / Н. М. Романова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2019. — Т. 19, № 4. — С. 437–441.
128. Романова, Н. М. Криминальные группы и криминальная субкультура / Н. М. Романова // Психология и право. — 2013. — Т. 3, № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n1/58348 (дата обращения: 20.03.2023).
129. Руденкин, Д. В. Детабузизированный вандализм как элемент повседневной реальности молодежи Екатеринбурга / Д. В. Руденкин // Культура открытого города: новые смыслы и практики: сб. материалов V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Екатеринбург, 30 нояб. — 01 дек. 2017 г.). — Екатеринбург: Екатеринбург. акад. совр. искусства, 2017. С. 238–243.
130. Рябикина, З. И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий / З. И. Рябикина // Психологический журнал. — 2008. — Т. 29, № 2. — С. 78–87.

131. Рябков, А. М. Коррекция криминальной зараженности подростков с делинквентным поведением / А. М. Рябков // Российский девиантологический журнал. — 2022. — № 2(4). — С. 443–453.
132. Рябков, А. М. Криминальная зараженность подростков, совершивших уголовные преступления / А. М. Рябков // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы: материалы Всероссийского психологического форума: в 2 томах (Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года). — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2022. Т. 2. С. 133–136.
133. Рябков, А. М. Особенности распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных / А. М. Рябков, Е. С. Степанова, Р. Р. Муслумов // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2022. — Т. 27, №3(90). — С. 291–297.
134. Садрисламов, Г. Ф. Психологические механизмы воспроизводства и развития преступного поведения / Г. Ф. Садрисламов // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2008. — Т. 8, № 1. — С. 78–83.
135. Самойлов С. Ф. Социальная структура современной российской криминальной субкультуры / С. Ф. Самойлов // Социально-гуманитарное обозрение. — 2018. — Т. 4, № 4. — С. 77–81.
136. Сараева, Н. М. О психологическом статусе человека в условиях взаимодействия с экологически неблагоприятной средой / Н.М. Сараева // Вестник бурятского университета. Сер. 10. Психология. — 2005. — Вып. I. — С. 276–283.
137. Сафуанов, Ф. С. Внутрисемейная криминальная агрессия: глазами судебного эксперта-психолога / Ф. С. Сафуанов // Психология и право. — 2022. — Т. 12, № 3. — С. 3–13.
138. Свило, Я. В. Методы диагностики социально-психологических ресурсов личности детей / Я. В. Свило // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2020. — Т. 9, № 3. — С. 123–129.
139. Сергиенко, Е. А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности / Е. А. Сергиенко // Психологический журнал. — 2013. — Т. 34, № 2. — С. 5–16.
140. Сердюкова, Е. Ф. Ресоциализация осуждённых посредством психологического сопровождения / Е. Ф. Сердюкова // Мир науки, культуры, образования. — 2016. — № 5 (60). — С. 258–261.
141. Серкин, В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни / В. П. Серкин // Психологический журнал. — 2012. — Т. 33, №4. — С. 78–90.
142. Ситковская, О. Д. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе: научно-методическое пособие / О. Д. Ситковская, Л. П. Копышева. — Москва: Изд-во Университета прокуратуры РФ, 2001. — 72 с.
143. Смелова, В. В. Представления о смысле жизни у осужденных / В. В. Смелова // Актуальные проблемы общественных и гуманитарных наук: научный подход молодых исследователей: сб. науч. ст. обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России / под общ. ред. В. Н. Некрасова. — Вологда: Вологодский ин-т права и экономики ФСИН России, 2020. С. 242–245.

144. Смирнов, Л. Б. Сущность и особенности субкультуры осужденных к лишению свободы / Л. Б. Смирнов, Е. Д. Проценко // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. — 2019. — № 1 (33). — С. 61–68.
145. Солдатова, Г. У. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, В. К. Калинин, О. А. Кравцова. — Москва: Смысл, 2002. — 479 с.
146. Сочивко, Д. В. К вопросу о психологических особенностях осуждённых / Д. В. Сочивко, О. И. Сочивко // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. — Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН России, 2021. — С. 139–141.
147. Сочивко, Д. В. Проблема психопатизации личности осужденных к лишению свободы / Д. В. Сочивко, А. О. Бурцев // Прикладная юридическая психология. — 2014. — № 1. — С. 30–41.
148. Сочивко, О. И. Психологическое сопровождение осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности / О. И. Сочивко // Прикладная юридическая психология. — 2019. — № 3(48). — С. 99–103.
149. Спасенников, Б. А. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях / Б. А. Спасенников, А. М. Смирнов // Социологические исследования. — 2015. — № 9. — С. 120–124.
150. Старикова, О. В. Психологические особенности «Я-концепции» осужденных за преступления против близких родственников / О. В. Старикова, К. А. Хрушкова // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 105–115.
151. Старовойтенко, Е. Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений: учебное пособие для вузов / Е. Б. Старовойтенко. — Москва: Академический Проект: Трикта, 2004. — 255 с.
152. Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. — Москва: Институт психологии РАН, 2009. — 619 с.
153. Сучкова, Е. Л. Представления о правовой действительности условно осуждённых / Е. Л. Сучкова // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3. — С. 153–161.
154. Сучкова, Е. Л. Социальные представления осужденных об отношении общества к лицам, находившимся в заключении / Е. Л. Сучкова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 4(92). — С. 231–240.
155. Тазин, И. И. Психологическое содержание хулиганских побуждений как мотива преступления / И. И. Тазин // Альманах современной науки и образования. — 2014. — № 7 (85). — С. 125–128.
156. Татарко, А. Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития / А. Н. Татарко // Социальная психология и общество. — 2014. — Т. 5, № 3. — С. 28–41.
157. Узлов, Н. Д. Личностные особенности заключенных в соответствии с их иерархией в преступном сообществе / Н. Д. Узлов, С. Ш. Арасланов // Пси-

хология и право. — 2013. — Т. 3, №2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n2/61036 (дата обращения: 21.10.2023).

158. Уткин В. А. Ресоциализация освобождённых от наказания: история и современность / В. А. Уткин // Уголовная юстиция. — 2014. — № 1 (3). — С. 75–80.

159. Ушатиков, А. И. Прикладная криминальная психология: учебное пособие / А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев, Г. К. Корнеева. — Рязань: Академия ФСИН России, 2012. — 595 с.

160. Федосеева, А. А. Криминальная субкультура как агент социализации молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Федосеева Анжелика Андреевна. — Майкоп, 2012. — 28 с.

161. Филиппова, О. В. Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период / О. В. Филиппова, А. В. Смирнов, Е. В. Чернышева // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 207–216

162. Финаева, А. Г. Семейные стратегии в структуре ресоциализации заключенных / А. Г. Финаева // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. — 2012. — Т. 12, вып. 3. — С. 35–39.

163. Цветкова, О. А. Особенности самореализации лиц, осуждённых за тяжкие преступления / О. А. Цветкова, О. В. Волкова // Живая психология. — 2022. — Т. 9, № 5 (37). — С. 11–18.

164. Чернышева, Е. В. Криминологические и психологические показатели личности осуждённого / Е. В. Чернышева // Пасхи: научный психологический журнал. — 2005. — № 2 (12). — С. 191–209.

165. Чирков, А. М. Полиmodalная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств у осужденных / А. М. Чирков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2017. — №1. — С. 67–71.

166. Чупров, Л. Ф. Психологическое просвещение в системе психопрофилактической работы практического психолога: основы теории и методика / Л. Ф. Чупров // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. — 2013. — № 1–2. — С. 164–241.

167. Шалагин, А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность / А. Е. Шалагин // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2016. — Т. 2. — С. 136–141.

168. Шамионов, Р. М. Личность как субъект отношений и взаимоотношений / Р. М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2011. — Т. 11, № 1. — С. 94–99.

169. Шамионов, Р. М. Социализация и ресоциализация личности: нормативность и процессуальность / Р. М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. — 2012. — Т. 1, № 4. — С. 3–8.

170. Шампорова, О. В. Психологическое сопровождение осужденных-инвалидов в условиях исправительного учреждения / О. В. Шампорова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2020. — № 2(3). — С. 52–57.

171. Шатровой, О. В. Подходы к пенитенциарному воспитанию как составляющей социально-психологической безопасности / О. В. Шатровой, А. А. Канчурина // Молодой ученый. — 2014. — № 18.1 (77.1). — С. 104–107.
172. Шихирев, П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / П. Н. Шихирев // Общественные науки и современность. — 2003. — № 2. — С. 17–32.
173. Шкарлет, Н. А. Теория и практика учёта судом личности подсудимого при условном осуждении / Н. А. Шкарлет // Российское правосудие. — 2019. — № 10. — С. 101–105.
174. Ясавеев, И. Г. «Сижу за решеткой»: медиаобразы российских заключенных / И. Г. Ясавеев // Журнал исследований социальной политики. — 2010. — Т. 8, № 1. — С. 53–68.
175. Ячменева, Н. П. К проблеме исправления и ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Н. П. Ячменева, Н. Е. Симонович // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. — 2016. — № 2(4). — С. 82–92.
176. Allen, D. F. A resocialization intervention model in the prison — the family: people helping people project / D. F. Allen, M. F. D'Alessandro, K. Bethell // *Sociology International Journal*. — 2017. — Vol. 1(4). — PP. 113–119.
177. Andresen, M.A. Crime measures and the spatial analysis of criminal activity / M.A. Andresen // *British Journal of Criminology*. — 2006. — №46(2). — PP. 258–285.
178. Armitage, C.J. Efficacy of the Theory of Planned Behaviour: A meta-analytic review / C.J. Armitage, M. Conner // *British Journal of Social Psychology*. — 2001. — № 40(4). — PP. 471–499.
179. Asencio, E.K. Does incarceration change the criminal identity? A synthesis of labeling and identity theory perspectives on identity change / E.K. Asencio, P. J. Burke // *Sociological Perspectives*. — 2011. — № 54. — PP. 163–182.
180. Asencio, E.K. Self-Esteem, Reflected Appraisals, and Self-Views: Examining Criminal and Worker Identities / E.K. Asencio // *Social Psychology Quarterly*. — 2013. — №76(4). — P. 291–313.
181. Becker, H. S. (1953). Becoming a marijuana user / H S. Becker // *American Sociological Review*. — 1953. — №59. — PP. 235–242.
182. Berlusconi, G. Link Prediction in Criminal Networks: A Tool for Criminal Intelligence Analysis / G. Berlusconi [et al.] // *PLoS One*. — 2016. — № 11(4). — PP. 1–21.
183. Bichler, G. The Impact of Civil Gang Injunctions on Networked Violence Between the Bloods and the Crips / G .Bichler, A. Norris, J.R. Dmello, J. Randle // *Crime & Delinquency*. — 2019 — №65(7). — PP. 875–915.
184. Bichler, G. Drug Supply Networks: A Systematic Review of the Organizational Structure of Illicit Drug Trade / G. Bichler, A. Malm, T. Coope // *Crime Science*, 2017. — № 6(2). — PP. 1–23.
185. Boduszek, D. The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psychosocial Perspective / D. Boduszek, P. Hyland // *International journal of criminology and sociological theory*. — 2011. — № 4. PP. 604–614.

186. Bosick, S. Family Instability in Childhood and Criminal Offending during the Transition into Adulthood / S. Bosick, P. Fomby // *The American behavioral scientist*. — 2018. — № 62(11) PP. 1483–1504.
187. Bouchard, M. Social Network Analysis and Its Contribution to Research on Crime and Criminal Justice / M. Bouchard, A. Malm // *Oxford Handbook Topics in Criminology and Criminal Justice*. — Oxford University Press; 2012. — 1248 p.
188. Brookmeyer, K.A. Schools, parents, and youth violence: A multilevel, ecological analysis / K.A. Brookmeyer, K.A. Fanti, C.C. Henrich // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. — 2006. — №35(4). PP. 504–514.
189. Browning, C.R. The Paradox of Social Organization: Networks, Collective Efficacy, and Violent Crime in Urban Neighborhoods / C.R. Browning, S.L. Feinberg, R.D. Dietz // *Social Forces*. — 2004. — № 83(2). — PP. 503–534.
190. Campana, P. Explaining criminal networks: Strategies and potential pitfalls / P. Campana // *Methodological Innovations*. — 2016. — № 9.
191. Ceccato, V. Assessing the geography of vandalism: Evidence from a Swedish city / V. Ceccato, R. Haining // *Urban Studies*. — 2005. — №42. — PP. 1637–1656.
192. Dawes, A. Political and moral learning in contexts of political conflict: Paper presented at the Course on «Mental health of children exposed to violent environments»: Refugee Studies Programme / A. Dawes. University of Oxford, 6–10 January, 1992.
193. DiTommaso, E. Social and emotional loneliness: A reexamination of Weiss' typology of loneliness / E. DiTommaso, B. Spinner // *Personality and Individual Differences*. — 1987. — № 22. — PP. 417–427.
194. Donnellan M. B. Low self-esteem is related to aggression, antisocial behavior, and delinquency / M. B. Donnellan, K. H. Trzesniewski, R. W. Robins, T. E. Moffitt, A. Caspi // *Psychological Science*. 2005. 16(4). PP. 328–335.
195. Esposito, M. The Rehabilitation Role of Punishment in Prisons in Italy. Theoretical Development and Sociological Considerations / M. Esposito // *Sociology Mind*. — Vol. 4. — 2014. — PP. 183–191.
196. Faulkner, D. The new shape of probation in England and Wales: Values and opportunities in a changing context / D. Faulkner // *Probation Journal*. — Vol. 55 (1). — 2008. — PP. 71–83.
197. Fazel, S. Risk factors for interpersonal violence: an umbrella review of meta-analyses / Fazel, S. [et al.] // *The British journal of psychiatry : the journal of mental science*. — 2018. № 213(4). — PP. 609–614.
198. Folk, J. B. Effectiveness of a self-administered intervention for criminal thinking: Taking a chance on change / J. B. Folk [et al.] // *Psychological Services*. — 2016. — Vol. 13 (3). — PP. 272–282.
199. Friedrich W. What Makes People Reoffend? Predictors of Reconviction — A 2-year Longitudinal Study // *Deviant Behavior*. — July, 2022. — PP. 1–17.
200. Gecas, V. The Self-Concept: Social Product and Social Force / V. Gecas // *Social Psychology: Sociological Perspectives*. — New York: Basic Books, 1990. PP. 562–592.

201. Godin, G. The Theory of Planned Behavior: A Review of its Applications to Health-Related Behaviors / G. Godin, G. Kok // *American Journal of Health Promotion*. — 1996. № 11(2). — P. 87–98.
202. Gough, D. Understanding Reoffending: Push factors and Preventative Responses / D. Gough, M. Coghlan. — University of Portsmouth, 2022. — 94 pp.
203. Gove, W. The Effect of Age and Gender on Deviant Behavior: A Biopsychosocial Perspective, in A.S. Rossi (Ed.). *Gender and the Life Course* / W. Gove. — New York: Aldine, 1985. — 368 p.
204. Granovetter, M. The Strength of Weak Ties / M. Granovetter // *The American Journal of Sociology*. — 1973. — № 78(6). — PP. 1360–1380.
205. Hardie-Bick, J. Identity, imprisonment and narrative configuration/ J. Hardie-Bick // *New Criminal Law Review*, 2018 — 21 (4). — PP. 567–591.
206. Haynie, D.L. Friendship Networks and Delinquency: The Relative Nature of Peer Delinquency / D.L. Haynie // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2002. — №18. — PP. 99–133.
207. Heide, K. Uvenile Homicide in America: How can we stop the killing? / K. Heide // *Behavioural Sciences and the Law*. Springer., — 1997. — Vol. 15(2). PP. 203–220.
208. Hobfoll, S.E. Predicting Receipt of Social Support: A Longitudinal Study of Parents' Reactions to Their Child's Illness / S.E. Hobfoll, M. Lerman // *Health Psychology*. — 1989. — № 8 (1). — PP. 61–77.
209. Horowitz, R. (1983). *Honor and the American dream* / R. Horowitz. — New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press. — 278 p.
210. Ingersoll-Dayton, B. The effects of positive and negative social exchanges on aging adults / B. Ingersoll-Dayton, D. Morgan, T. Antonucci // *Journals of Gerontology. Social Sciences*. — 1997. — № 52. — PP. 190–199.
211. Kadushin, C. *Understanding social networks: Theories, concepts, and findings* / C. Kadushin // Oxford University Press, 2012. — 264 p.
212. Kaptein, M.A Model of Neutralization Techniques / M. Kaptein, M. an Helvoort // *Deviant Behavior*. — 2019. — № 40 (10). — PP. 1260–1285.
213. Keith, S. The Criminal Self-View: How Do Identity Discrepancies Affect Emotions and Projected Conformity Among Offenders? / S. Keith, H.L. Scheuerman // *Sociological Inquiry*. — 2018. — № 88. — PP. 576–598.
214. Klein, M. Groups, gangs and cohesiveness / M. Klein, L. Crawford // *Gang Delinquency and Delinquent Subcultures*: J. F. Short (Ed.). — New York: Harper and Row, 1968. — 322 p.
215. Knoester, C. Community Context, Social Integration Into Family, and Youth Violence / C. Knoester, D.L. Haynie // *Journal of Marriage and Family*. — 2005. — № 67(3). — PP. 767–780.
216. Kreager, D.A. Toward a criminology of inmate networks / D.A. Kreager [et al.] // *Justice Quarterly*. 2016. — № 33(6). — PP. 1000–1028.
217. LeBel, T.P. The «chicken and egg» of subjective and social factors in desistance from crime / LeBel T.P. [et al.] // *European Journal of Criminology*. — 2008. — № 5. — PP. 131–159.

218. Liu, L. Self-identity and persistent offending: a quantitative test of identity theory of desistance / L. Liu, R. Bachman // *Journal of Offender Rehabilitation*. — 2021. — № 60 (5). — PP. 341–357.
219. MacKenzie, C. From Incarceration to Reintegration: Using the Human Services Model to Manage Canadian Prisoner Mental Health / C. MacKenzie, J. Amirault. // *Journal Correction Health Care*. — № 27 (1). — 2021. — PP. 66–70.
220. Marcia, J. E. Development and Validation of Ego Identity Status / J.E. Marcia // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1966. — № 3(5). — PP. 551–558.
221. Martinez, D.J. Role accumulation theory and prisoner reintegration: The pursuit of transformative social roles / D.J. Martinez // *Probation Journal*. — Vol. 57 (2). — 2010. — PP. 139–151.
222. Maruna, S. Going Straight: Desistance from Crime and Self-Narratives of Reform / S. Maruna // *Narrative Study of Lives*. — Vol. 5. — 1997. — PP. 59–93.
223. Maruna, S. Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives. Washington DC / S. Maruna // *American Psychological Association Books*. — 2001. — 211 p.
224. Maruna, S. Desistance from crime and explanatory style / S. Maruna // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. — 2004. — № 20(2). — PP. 184–200.
225. McCarthy, J.D. The dynamics of self-esteem and delinquency / D.J. McCarthy, D.R. Hoge // *American Journal of Sociology*. — 1984. — № 90. — PP. 396–410.
226. McCormick, T.H. How many people do you know? Efficiently estimating personal network size / T.H. McCormick, M.J. Salganik, T. Zheng // *Journal of the American Statistical Association*. — 2010. — № 10. — PP. 59–70.
227. McCuish, E. Searching for Suitable Homicide Co-offenders among Gang Members / E. McCuish, M. Bouchard, R. Corrado // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. — 2015. — 31(3). — PP. 319–336.
228. McGuire J. Integrating Findings from Research Reviews / J. McGuire // *Offender Rehabilitation and Treatment: Effective Programmes and Policies to Reduce Reoffending*. — New York: J. Wiley, 2002. — 394 p.
229. McNeill, F. A desistance paradigm for offender management / F. McNeill // *Criminology and Criminal Justice*. — Vol. 6(1). — 2006. — PP. 39–62.
230. Molnar, B.E. Effects of neighborhood resources on aggressive and delinquent behaviors among urban youths / B.E. Molnar [et al.] // *American Journal of Public Health*. — 2008. — № 98(6). — P. 1086.
231. Pabon, E. Clarifying peer relations and delinquency / E. Pabon, O. Rodriguez, G. Gurin // *Youth and Society*. — 1992. — № 24. — PP. 149–165.
232. Papachristos, A.V. The network structure of crime / A.V. Papachristos // *Sociology Compass*. — 2014. — №8(4). — PP. 347–357.
233. Paternoster, R. Desistance and the “feared self”: Toward an identity theory of criminal desistance / R. Paternoster, S. Bushway // *Journal of Criminal Law and Criminology*. — Vol. 99. — 2009. — PP. 1103–1156.

234. Paternoster, R. Humanagency and explanations of criminal desistance: Arguments for a rational choice theory / R.Paternoster [et al.] // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. — 2015. — №1(3). — PP. 209–235.
235. Roman, C.G. Changes in Personal Social Networks across Individuals Leaving Their Street Gang: Just What Are Youth Leaving Behind? / C.G. Roman, M. Cahill, L.R. Mayes // *Social Sciences*. — 2021. — №10(2). — PP.1–22.
236. Rosen, J.D. Overcoming stigma and discrimination: Challenges for reinsertion of gang members in developing countries / J.D. Rosen, J.M. Cruz // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. — 2018. — № 62. — PP. 4758–4775.
237. Sampson, R.J. Crime in the making: Pathways and turningpoints through life / R.J. Sampson, J.H. Laub // *Advances in Criminological theory* — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. — 309 p.
238. Sellin, T. Culture conflict and crime / T. Sellin // *American Journal of sociology*. — 1938. — T. 44, №. 1. — PP. 97–103.
239. Shaw, C.R. Juvenile Delinquency and Urban Areas: A Study of Rates of Delinquency in Relation to Differential Characteristics of Local Communities in American Cities / C.R. Shaw, H.D. McKay // *Classics in Environmental Criminology* / M.A. Andresen, P.J. Brantingham, J.B. Kinney. — Routledge, 2010. — 551 p.
240. Sheppard, B.H. The Theory of Reasoned Action: A Meta-Analysis of Past Research with Recommendations for Modifications and Future Research / B.H. Sheppard, J. Hartwick, P.R. Warshaw // *Journal of Consumer Research*. — 1988. — №15 (3). — P. 325.
241. Shoemaker, D.J. Theories of Delinquency: An examination of explanations of delinquent behavior. 3rd ed / D.J. Shoemaker // Oxford University Press; New York, 1996. — 403 p.
242. Smith, J.M. Several antecedent strategies in reduction of an environmentally destructive behavior / J.M. Smith // *Psychological Reports*. — 1992. — №70(1). — P. 241.
243. Strocka, C. In Search of Identity / C. Strocka. — Germany: VDM Verlag, 2008. — 329 p.
244. Stumpf, J. The Crimmigration Crisis: Immigrants, Crime, and Sovereign Power / J. Stumpf // *American University Law Review*. — 2006. — №. 2(56). — PP. 367–419.
245. Sutherland, E.H. Principles of criminology (3rd ed.) / E.H. Sutherland. — Philadelphia: Lippincott, 1939. — 651 p.
246. Sweetser, F.L. A New Emphasis for Neighborhood Research / F.L. Sweetser // *American Sociological Review*. — 1942. — № 7(4). — PP. 525–533.
247. Sykes, G.M. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency / G.M. Sykes, D. Matza // *American Sociological Review*. — 1957. — № 22 (6). PP. 664–700.
248. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / H. Tajfel, J. C. Turner. — Chicago: NelsonHall, 1986.

249. Tang S. Effective Rehabilitation and Reintegration of Offenders / S. Tang // Resource Material Series. — Vol. 82. — Tokyo, Japan: UNAFEI, December, 2010. — PP. 41–51.
250. Tangney, J.P. Shame, guilt, and remorse: implications for offender populations / J.P. Tangney, J.B. Stuewig, L. Hafez // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. — 2011. — №22. — PP. 706–723.
251. Thapa S. The Relationship Between Self-Esteem, Gender, Criminal Attitudes, and Recidivism in a Youth Justice Sample / S.Thapa, S.L. Brown, T.A. Skilling // Criminal Justice and Behavior. — 2021. — № 48(4). — PP. 539–555.
252. Trasler, G.B. Delinquency, Recidivism and Desistance / G.B. Trasler // British Journal of Criminology. — 1979. — № 19. — PP. 314–322.
253. Travaglino, G.A., How criminal organisations exert secret power over communities: An intracultural appropriation theory of cultural values and norms / G. A. Travaglino, D. Abrams // European Review of Social Psychology. — 2019. — № 30(1). — PP. 74–122.
254. Westover, T. N. Perceptions of crime and safety in three midwestern parks / T.N. Westover // The Professional Geographer. — 1985. — № 37(4). — PP. 410–420.
255. Youngs, D. Offenders' Crime Narratives as Revealed by the Narrative Roles Questionnaire / D.Youngs, D.V.Canter // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2012. — № 57(3). — PP. 289–311.
256. Zwecker, N. A Social Support Networks among Delinquent Youth: An 8-Year Follow-up Study / N.A. Zwecker [et al.] // Journal of offender rehabilitation. — 2018. — № 57(7). — PP. 459–480.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Методика оценки социально-психологических факторов риска совершения преступлений лицами, подвергнутыми административному надзору

Уважаемый коллега! Перед Вами комплекс причин неудач адаптации и влекущих к совершению преступлений поднадзорными лицами.

Для оценки риска необходимо заполнить таблицу. С этой целью нужно прочитать показатель, а затем внести значение ответа в соответствующие ячейки. Для этого следует поставить любой знак (например «X») в ячейку ответа, имеющую вид [ ]. Один ответ равен одному баллу. После завершения нужно подсчитать сумму баллов по каждой из трех таблиц.

Таблица позволяет вносить показатели риска совершения преступления. Следует учесть, что средний и высокий риски объясняются разными сопутствующими условиями, поэтому один и тот же показатель может влиять на вероятность преступления. Соответственно, нужно проставлять его значение в ячейках и высокого и среднего риска.

Таблица 1. Социальное функционирование

<i>Оцениваемые показатели</i>	<i>Риск преступления</i>		
	<i>Низкий</i>	<i>Средний</i>	<i>Высокий</i>
<i>1. Трудовая деятельность</i>			
1. Имеет работу (трудоустроен)	Да	[ ] Нет	[ ] Нет
2. Имеет профессию (специальность)	Да	Да	[ ] Нет
3. Обладает высоким уровнем профессиональной квалификации	Да	Да	[ ] Нет
<i>2. Обучение</i>			
1. При недостатке знаний обращается за консультацией к специалистам	Да	[ ] Нет	[ ] Нет
2. Обучаем (имеет законченное образование)	Да	[ ] Нет	[ ] Нет
3. Самообразовывается (повышает уровень имеющегося образования)	Да	[ ] Нет	[ ] Нет
<i>3. Взаимодействие с другими людьми</i>			
1. Способен работать по указанию других и подчиняться им	Да	[ ] Нет	[ ] Нет
2. Может организовать взаимодействие близких людей	Да	Да	[ ] Нет
3. Имеет опыт руководящей деятельности (профессии), авторитет	Да	Да	[ ] Нет
<i>4. Общение с незнакомыми людьми</i>			
1. Может проявлять инициативу в общении	Да	[ ] Нет	[ ] Нет
2. Умеет устанавливать близкие (доверительные) отношения	Да	[ ] Нет	[ ] Нет
3. Может убедить (влиять на поведение) незнакомого человека	Да	Да	[ ] Нет
<i>5. Способность поддерживать окружающих людей</i>			
1. Способен предложить решение проблемы другого человека	Да	Да	[ ] Нет
2. Оказывает помощь близким, родственникам и друзьям	Да	Да	[ ] Нет
3. Использует свое влияние для оказания помощи нуждающимся	Да	[ ] Нет	[ ] Нет
Сумма значений			

Таблица 2. Направленность личности

Оцениваемые показатели	Риск преступления		
	низкий	средний	высокий
1. Отношение к социальным нормам			
1. Обесценивает законы, нарушает правила и нормы	Нет	Нет	☐ Да
2. Сам соблюдает нормы и правила общества	Да	Да	☐ Нет
3. Побуждает других людей соблюдать законы	Да	☐ Нет	☐ Нет
2. Деятельность в интересах общества			
1. Действует исключительно в личных интересах	Нет	Нет	☐ Да
2. Соучаствует в достижении целей близких лиц	Да	☐ Нет	☐ Нет
3. Решает общественно-значимые проблемы	Да	Да	☐ Нет
3. Границы ответственности			
1. Признает ответственность за семью, родственников	Да	Да	☐ Нет
2. Готов отвечать за близких людей (друзей, коллег)	Да	Да	☐ Нет
3. Готов отвечать за общественные поручения	Да	Да	☐ Нет
4. Ценностная направленность			
1. Ориентируется на удовлетворение личных потребностей	Нет	Нет	☐ Да
2. Готов помогать удовлетворять потребности близких людей	Да	☐ Нет	☐ Нет
3. Ориентирован на помощь другим людям, даже незнакомым	Да	☐ Нет	☐ Нет
5. Вовлеченность в группы, сообщества			
1. Ведет одинокий образ жизни	Нет	☐ Да	☐ Да
2. Взаимодействует только с семьей (и /или) близким кругом лиц	Нет	☐ Да	☐ Да
3. Является участником разных сообществ и групп	Нет	☐ Нет	☐ Нет
Сумма значений			

Таблица 3. Регуляция взаимоотношений личности

Оцениваемые показатели	Риск преступления		
	низкий	средний	высокий
1. Преодоление трудных жизненных ситуаций			
1. Преодолевать не пытается	Нет	Нет	☐ Да
2. Несамостоятелен, нуждается в поддержке окружающих	Нет	☐ Да	☐ Да
3. Преодолевает самостоятельно и/или ищет помощи окружающих	Да	☐ Нет	☐ Нет
2. Планирование жизни: как видит свое будущее?			
1. Планы не строит, либо строит нереалистичные	Нет	Нет	☐ Да
2. Планирует жить своими интересами, потребностями	Нет	Нет	☐ Да
3. Планирует жить интересами семьи, близких людей	Да	☐ Нет	☐ Нет
3. Преодоление проблем в межличностных отношениях			
1. Отношения разрывает, враждебен, мстителен	Нет	☐ Да	☐ Да
2. Отношения прекращает, возобновлять не склонен	Нет	Нет	☐ Да
3. Отношения сохраняет, способен прощать и доверять	Нет	☐ Нет	☐ Нет
4. Представление об обществе (людях)			
1. Представления об обществе не имеет	Нет	☐ Да	☐ Да
2. Общество считает плохим, себя считает исключенным	Нет	☐ Да	☐ Да
3. Других людей считает плохими, оценивает себя лучше окружающих	Нет	Нет	☐ Да
5. Качество отношений			
1. Доверительные (близкие) отношения отсутствуют	Нет	☐ Да	☐ Да
2. Доверительные отношения с семьей, близким кругом лиц	Нет	☐ Да	☐ Нет
3. Доверительное отношение к незнакомым людям	Нет	Нет	☐ Нет
Сумма значений			

Расчет показателя риска совершения преступления

После расчета сумм значений в каждой из таблиц, заполните соответствующие поля таблицы.

Бланк расчета показателей риска

<i>Причины риска преступлений</i>	<i>Риск совершения преступления</i>	
	<i>средний</i>	<i>высокий</i>
Трудности социального функционирования (суммарные значения из таблицы 1)	Если сумма баллов 6 и более, отметьте [ ]	Если сумма баллов 11 и более, отметьте [ ]
Криминальная направленность (суммарные значения из таблицы 2)	Если сумма баллов 5 и более, отметьте [ ]	Если сумма баллов 11 и более, отметьте [ ]
Проблемы регуляции взаимоотношений (суммарные значения из таблицы 3)	Если сумма баллов 6 и более, отметьте [ ]	Если сумма баллов 11 и более, отметьте [ ]

Диапазоны риска:

- *ниже среднего*, если отмечено 2 и менее ячеек в графе «средний риск»;
- *средний*, если отмечено 3 ячейки в графе «средний риск»;
- *выше среднего*, если отмечена 1 ячейка в графе «высокий риск» и не менее 2-х ячеек в графе «средний риск»;
- *высокий*, если отмечены 2 ячейки в графе «высокий риск»;
- *критический*, если отмечены 3 ячейки в графе «высокий риск».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Шкала направленности на самореализацию и трудностей в ее осуществлении (модифицированная методика С. И. Кудинова)

Шкала разработана на основании системной модели самореализации личности, предложенной С. И. Кудиновым, А. И. Крупновым*. Необходимость модификации обусловлена спецификой взаимодействия с криминогенными лицами, в том числе, находящимися под административным надзором органов внутренних дел Российской Федерации.

Считая самореализацию стержневой характеристикой субъекта и полагая, что она влияет на социальную активность криминогенных лиц, проявляясь как в правопослушных, так и криминальных действиях, нами выделены значимые характеристики, характеризующих самореализацию лиц с разным уровнем криминализации.

В результате эмпирического исследования самореализации криминогенных лиц с помощью многомерного опросника самореализации личности (С. И. Кудинова) был определен комплекс пунктов, характеризующих направленность на самореализацию и трудности, переживаемые в ходе ее осуществления. Всего модифицированная шкала включает 10 пунктов, 5 из которых характеризуют направленность на самореализацию, а 5 трудности. Характеристики отдельных пунктов изменены в целях облегчения восприятия опрашиваемыми лицами.

Полученная шкала самореализации обладает удовлетворительными показателями согласованности и связанности (средние значения при $n = 312$ человек: α -Кронбаха $0,73$, межпунктовая корреляция $= 0,44$).

Модифицированная шкала позволяет оценить степень стремления к самореализации, а также выраженность сопутствующих этому трудностей. Поскольку значение шкал не является противоположным (r Пирсона $= -0,24$), их следует рассматривать самостоятельно (отдельно друг от друга).

Стремление к самореализации характеризует желание субъекта реализовать собственные планы, цели, способности, тогда как шкала трудностей свидетельствует о неудачах, препятствиях и ограничениях в самореализации. Оптимальными значениями проявления направленности и трудностей самореализации выступают средние значения показателей.

---

* Кудинов С. И., Крупнов А. И. Системная модель самореализации личности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. — 2008. — № 1. — С. 28–36

Текст вопросов

1. Вы постоянно стремитесь реализовать все свои знания и способности?
2. Вы с большим трудом добиваетесь незначительных результатов в своем саморазвитии?
3. Вы постоянно стремитесь изменить себя в лучшую сторону в духовном, личностном и физическом аспектах?
4. Все ваши стремления к самовыражению продиктованы необходимостью и обязательствами?
5. Вы легко включаетесь в любое дело и максимально проявляете свои способности?
6. Вы практически не проявляете инициативы, чтобы выразить себя в чем-либо?
7. Вы всегда пытаетесь полностью проявить себя во всем и везде?
8. Чаще всего вы испытываете трудности с тем, чтобы заняться собой и хоть что-то в себе изменить?
9. Вы никогда не упускаете возможности поучаствовать в общественно-важном деле?
10. Для вас не имеет никакого значения, в какой сфере можно себя реализовать?

Шкала для регистрации ответов:

- 1 балл — «полностью не согласен»;
- 2 балла — «скорее не согласен»;
- 3 балла — «не уверен, не знаю»;
- 4 балла — «согласен частично»;
- 5 баллов — «полностью согласен».

Порядок расчета результатов: значения суммируются по ключу:

1. Показатель направленности на самореализацию (утверждения 1,3,5,7,9)
  2. Показатель трудностей самореализации (утверждения 2,4,6,8, 10).
- Распределение значений показателей самореализации и диапазоны их значений у криминогенных лиц представлены в таблице.

Характеристики распределения показателей самореализации

<i>Группы обследованных</i>	<i>Шкалы опросника</i>	<i>Распределение значения показателя</i>		<i>Диапазоны значений показателя</i>			
		<i>ср. знач.</i>	<i>ст. откл.</i>	<i>min – 25%</i>	<i>25%– 50%</i>	<i>50%– 75%</i>	<i>75%– 100%</i>
Правопослушные лица	Направленность	15,2	1,87	10–13	14–15	16–18	19–20
	Трудности	11,2	3,08	5–9	10–11	12–15	16–20
Лица, подвергнутые административному надзору	Направленность	13,1	4,12	5–8	9–12	13–15	16–20
	Трудности	15,3	2,12	11–12	13–15	16–18	19–20

Примечание: оптимальными значениями являются средние показатели самореализации (в диапазоне равном 50% либо в значениях среднего $\pm 0,25$ стандартного отклонения).

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Злоказов Кирилл Витальевич
кандидат психологических наук, доцент

**АДАПТАЦИЯ ЛИЦ,
НАХОДЯЩИХСЯ ПОД АДМИНИСТРАТИВНЫМ НАДЗОРОМ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ,
МЕТОДЫ И СРЕДСТВА**

Монография

Редактор *Свикиа Н. О.*
Компьютерная верстка *Свикиа Н. О., Душкова А. Ю.*
Дизайн обложки *Шеряй А. Н.*

ISBN 978-5-91837-835-9

EDN: NIFDUS

Подписано в печать 30.05.2024. Формат 60x84^{1/16}
Печать цифровая. Объем 10,0 п. л. Заказ № 110/24
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100 экз.)

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1